

охота

и охотничье хозяйство

5

2013

О журнале читателям

А. БЛЮМ, главный редактор журнала

Нашему журналу исполнилось 57 лет, это самое долгоживущее периодическое издание на тему охоты на территории России, да и других стран СНГ. Чем можно объяснить такую популярность журнала? Начать можно с того, что в середине 50-х годов охотничье хозяйство страны было отраслью народного хозяйства и оставалось оно таким нужным, востребованным до 90-х годов.

Изначально журнал «Охота и охотничье хозяйство» был научно-производственным, что и определяло его содержание. Тщательно были подобраны рубрики, которые практически без изменений продолжают существовать и в настоящее время. Всё его содержание должно было работать на отрасль, и оно работало. Основными темами, которые освещал журнал, были: промысловая охота, научная деятельность в сфере охотничьего хозяйства, заповедное дело, звероводство, любительская охота, культурное наследие (писатели и художники об охоте). Многомиллионная армия охотников, в основном любителей, с восторгом (не побоюсь этого слова) встретила появление «своего» журнала. И это не пустые слова. В предперестроечный период его тираж доходил почти до миллиона экземпляров, и тем не менее подписаться на него или просто купить его в киоске было очень не просто — тиража не хватало на всех. Это ли не популярность!

Но вот грянула «перестройка», а затем развал страны и переход к рыночной экономике. Не будем сравнивать, что наша страна Россия приобрела и что потеряла в результате этих преобразований. Однако о чём надо сказать со всей определённоностью, охотничье хозяйство, как отрасль, перестало существовать. Стремление властных структур и определённых кругов бизнес сообщества обезличить охотничьи угодья и провести изъятие лучших, наиболее продуктивных угодий в своё пользование определило государственную политику по отношению к охоте в нашей стране. Поэтому мы имеем «такой» Закон об охоте, и «такие» Правила охоты. Однако борьба за возрождение охотничьего хозяйства как отрасли продолжается, и наш жур-

нал старается всеми силами способствовать этому процессу.

Журнал сохранил практически все вышеперечисленные рубрики, так как та информация, которую они несут, продолжает оставаться востребованной и сейчас, разумеется, с поправкой на время и обстоятельства.

Передовая статья имеет характер проблемной. В ней мы стараемся осветить не решённую, важную для страны или отдельного региона проблему. Авторами «Передовой», как правило, являются известные учёные, публицисты (охотничья тематика), руководители Обществ охотников и рыболовов, нередко жители отдельных регионов, где нарушения в сфере охоты, уничтожение или изменение качества охотничьих угодий достигли угрожающих размеров.

Научный раздел представлен очень широким набором тем. Результаты своих исследований публикуют учёные научных институтов и вузов, лабораторий, заповедников, нередко экскурсии в историю нашей страны, в историю охоты. В этом же разделе публикуются материалы об исследованиях и открытиях на периферии нашей страны, о землях, которыми прирастала Россия.

Тема охоты представлена в нашем журнале очерками о видах и способах охоты на разные виды дичи, но предпочтение отдаётся популярным охотам. Условия и обстоятельства, которые могут возникнуть на охоте, столь многообразны, что просто описать их практически невозможно, но примеры и опыт людей, и среди них наших авторов, позволяют донести до читателей не только всю гамму переживаний, сопутствующих процессу охоты, но и восполнить возможно недостающий опыт. Не секрет, что успех охоты во многом зависит от подготовки самого охотника, его экипировки, умения правильно выбрать место и других необходимых навыков и знаний. Своими публикациями журнал старается подсказать читателям, на что при подготовке к охоте необходимо обратить особое внимание, подсказать приёмы и способы решения возникающих проблем.

Промысловая охота в прежние времена была отдельным направлением в структуре охотничьего хозяйства страны (недаром журнал назывался «научно-производственным»). В настоящее время, после воевого уничтожения охотничье-промысловых хозяйств, всё отдано на откуп перекупщикам, которые нещадно эксплуатируют промысловика, навязывая ему кабальные арендные отношения и демпинговые цены на пушнину. Журнал своими публикациями, участием в различного рода конференциях, «круглых столах» старается вы-

нести проблемы промысла на обсуждение во властные структуры.

Во все времена первым помощником охотника была собака. И если на заре «разумного человечества» собака должна была иметь универсальные охотничьи навыки, то со временем возникла необходимость в определённой специализации. В настоящее время выведены десятки пород, специализирующиеся на разных видах охот, отличающиеся друг от друга не только внешним видом, но и характерами, темпераментом, манерой поведения и другими признаками. Раздел «Собаководство» в журнале рассказывает о выборе собаки для конкретной охоты, о выращивании и воспитании щенка, натаске и охоте с собакой. Большое внимание в разделе уделяется методикам проведения испытаний различных пород собак, а также правилам проведения выводов и выставок. Ведёт раздел старейший специалист в области охотничьего собаководства Лариса Артуровна Гибет.

Один из разделов журнала называется «Оружие и снаряжение», и, надо сказать, он неизменно вызывает повышенный интерес у наших читателей. И это не удивительно. Можно с уверенностью сказать, что охотничье оружие это не только совершенно необходимый элемент большинства современных охот, но и огромный пласт человеческой культуры, включивший в себя, кроме оригинальных технических решений, высокохудожественные произведения в виде различных инкрустаций на металле, резьбы по дереву и других изысков. В разделе часто печатаются материалы об эксплуатации в условиях охоты той или другой модели оружия, особенно часто высказываются мнения по сравнительным характеристикам самозарядных гладкоствольных ружей. Много внимания уделяется нарезному оружию, практике стрельбы на охоте, патронам для нарезного оружия разных стран-производителей. Неизменным вниманием читателя пользуется рубрика «Моё ружьё — вопрос — ответ» и «Знаменитые ружья», в которых наш автор Ю.А. Маслов подробно и прекрасным языком рассказывает об истории оружейных фирм и фамилий.

Литературный раздел нашего журнала отдан художественным рассказам об охоте известных писателей и нашим авторам из числа читателей. Классики погружают читателя в прошлое нашей охоты, рассказывают о становлении этого увлечения, о влиянии его на характеры и жизненную позицию молодых людей. Толстой и Дрианский, Куприн и Новиков-Прибой, Формозов и Федосеев, Пришвин и Гумилёв, Хантер

охота

и охотничье хозяйство

5 2013

Ежемесячный иллюстрированный журнал.

Учредители: трудовая коллекция редакции журнала.

Союз обществ охотников и рыболовов РФ.

* Основан в октябре 1955 г.

и Корбетт и многие другие — талантливейшие писатели и страстные охотники оживают на страницах журнала. Их стараниями охота проходит перед читателями во всём своём многообразии и красоте. От псовых помещичьих охот, охот на тяге, глухариных и тетеревиных токах, в каспийских плавнях и на «крыше мира», до африканских охотничьих экспедиций, всё можно найти в журнале «Охота и охотничье хозяйство». Наши авторы из числа читателей в художественной форме делятся на страницах журнала своим опытом, переживаниями и мыслями, но уже об охоте в современных условиях.

К сожалению, нередко нашим читателям требуется юридическая помощь, так как ошибки в толковании отдельных статей законов, как со стороны охотников, так и со стороны правоохранительных органов, приводят к конфликтным ситуациям. В штате редакции журнала имеются два юриста, консультации которых мы регулярно публикуем на наших страницах.

Письма читателей, это отдельный раздел, которым мы очень дорожим. Это наша связь с вами. Из писем мы узнаём, на какую проблему стоит обратить внимание, что нам удаётся, а что — нет, кто из авторов пользуется успехом у читателей, и массу другой необходимой нам информации.

Отдельно нужно сказать об иллюстрировании журнала. Обложки и все публикации, кроме художественных рассказов, иллюстрируются фотографиями или авторов, или наших фотокорреспондентов. Журнал ежегодно проводит фотоконкурс на лучший снимок по тематике журнала, с премированием призёров, занявших первые три места. Рассказы и художественные очерки оформляются рисунками художников.

Особого внимания заслуживает третья обложка журнала. Наш эксперт по орнитологии, учёный, кандидат биологических наук, талантливый художник Владимир Сергеевич Шишкин вот уже в продолжении многих лет иллюстрирует её рисунками птиц, причём относящихся не только к охотничьей фауне.

Наш журнал выходит регулярно в первой декаде месяца, без задержек, но распространяется только по подписке. И если на почте, вдруг, оправдывая отсутствие журнала, начинают утверждать, что «в этом месяце журнал не выходил», то, как говорил небезызвестный Ходжа Насреддин: «Не верь этому человеку!»

Редакция старается сохранять установившиеся в журнале за многие годы традиции, общий вид и форму, и это не просто ностальгический позыв, а выраженное в этом уважение наших читателей и работников журнала, которые создавали его и сделали таким, какой он есть сейчас.

В планах журнала продолжать радовать наших друзей-читателей своими публикациями и стремиться к сохранению охоты в нашей стране как доступного увлечения для лучшей части нашего населения.

КАКОЙ ДОРОГОЮ ПОЙДЁМ?

Виктор ГУРОВ

*Сидим, лежим, валяемся,
но на правильном пути.*
Михаил Жванецкий

С нашей властью не соскучишься. Как тут не вспомнить мудрые слова М.Салтыкова-Щедрина: «Российская власть должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления». И держит. Взять хотя бы принятый Госдумой в первом чтении 24.10.12 г. законопроект №494994-5 «О внесении изменений в закон «Об охоте». Складывается впечатление, что депутаты ГД и члены Правительства РФ не ведали о готовящемся «Перечне поручений Президента Российской Федерации по вопросам рационального использования природных ресурсов, охраны объектов животного и растительного мира» Правительству РФ от 18.09.12 г. Президент дал поручения. Охотничья общественность потирала руки. Ну, теперь чиновники, наконец-то, возмущаются за организацию и ведение охотничьего хозяйства. Наверняка будет разработана концепция развития охотничьей отрасли, о которой учёные, биологи-охотоведы и специалисты охотничьего хозяйства вот уже более 15 лет говорят. На основе этой концепции будут сформулированы и задачи.

И, как я понял, на основании «ПОРУЧЕНИЙ» Президента на сайте МПР вывешивают проект «Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений и развития охотхозяйственной деятельности в Российской Федерации до 2030 г. Наверное, в ней конкретизированы задачи, стоящие перед охотничьей отраслью — подумалось мне. И со здоровым любопытством взялся за изучение «Стратегии». Прежде всего, данный документ насторожил меня своими «непонятками», изобилием новомодных «словесов» такими как инновация, инвестиция, инфраструктура, консалтинг, трансферты, диверсификация, венчурное финансирование. Как тут не вспомнить наказ А. Грибоедова: «**Чтоб умный, бодрый наш народ, хотя по языку нас не считал за немцев...**» Или как вам такой постулат «...объекты животного мира, прежде всего являющиеся объектами охоты, составляют важную часть природного капитала Российской Федерации и обеспечивают поток экосистемных услуг потребительского и средообразующего характера... и организации охотпользования на устойчивой основе». «Природный капитал» — это всё то, на что мы охотимся? А мигрирующие водоплавающие и другие пролёт-

ные птицы это теперь улетающий «природный капитал», как валюта, вывозимая нашими олигархами, чиновниками и банкирами за «бугор». Власть с этим злом борется. А тут ещё и «улетающий капитал» новая головная боль.

Внимательно читая «Стратегию», припомнилось предупреждение В. Ольшанского, главреда журнала «Охота», что подобный документ имел место быть озвученным приказом МПР от 6.04.04 г. № 323 «Об утверждении Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов». Что интересное, цели старой и новой стратегий почти слово в слово совпадают. Не слышал, что «Стратегия» 2004 г. выполнена или отменена за ненадобностью. Повеею чем-то до боли знакомым из нашего недавнего прошлого: построить коммунизм за 20 лет, за 15 лет исполнить продовольственную программу, к 2000 году каждую семью поселить в отдельный дом или квартиру, лечь на рельсы. Неисполнимы пути твои, Господи! Также обратил внимание на утверждение разработчиков, что для развития охотничьего хозяйства в стране создана нормативная правовая база, регулирующая отношения в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов. Это при наличии такого антинародного закона «Об охоте» и «Правил охоты»? Смелое заявление! В глаза бросилась и такая особенность. В «Стратегии» очень редко упоминается понятие «ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО». Видимо, авторам ближе и понятнее «охотпользование», которое употребляется и к месту и не к месту. Они что, синонимы?

В разделе 1.3. «Используемые понятия...» находим «Охотничье хозяйство — сфера деятельности по сохранению и использованию охотничьих ресурсов и среды их обитания, по созданию охотничьей инфраструктуры, оказание услуг в данной сфере, а также по закупке, производству и продаже продукции охоты». Мы привыкли считать ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО — это отрасль народного хозяйства страны. А в понимании разработчиков «Стратегии» оно сужилось до неприличности. К ОХОТНИЧЬЕМУ ХОЗЯЙСТВУ разработчики вернулись в разделе 3.4 «Развитие рыночной организационной инфраструктуры в области охотничьего хозяйства на устойчивой основе». В этом разделе, кроме охотничьих ресурсов, должны быть указаны и другие составляющие понятия охотничье хозяйство страны, хотя бы промысловая охота. Также

ошибкой авторов «Стратегии» считаю и отсутствие упоминания об охотничье-промысловых хозяйствах, охотничьем промысле, охотниках-промысловиках и охотничьих хозяйствах обществ охотников. О каком развитии охотничьего хозяйства на «устойчивой основе» может идти речь? Но этого не было сделано. Ну, да ладно. Оставим все эти ляпы на совести разработчиков.

В разделе 3.5. «**Научное обеспечение и экологическое просвещение**» в подпункте «экологическое просвещение» указаны приоритетные направления (с кем работать и кого привлекать). Он начинается с политиков и заканчивается журналистами, научными сотрудниками, педагогами, а вот с охотниками работать не надо и привлекать их к экологическому просвещению не следует. Встаёт закономерный вопрос, почему у разработчиков «Стратегии» по сохранению редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений проявился такой «жгучий» интерес к охоте и охотничьему хозяйству? А где сельское, лесное и рыболовное хозяйство? Что на подведомственных им землях и водоёмах не водятся и не произрастают редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений? Однобокий подход.

На мой взгляд, в «Стратегии» необходимо было более конкретно определить ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ, СРЕДНСРОЧНЫЕ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ. А так она обо всём, а конкретно ни о чём. «Стратегия» мне напоминает ответ Насреддина на сомнения людей в его обещании мулле за 20 лет научить разговаривать осла. Он с присущим ему восточным юмором пояснил, что за 20 лет или ишак сдохнет, или мулла умрёт. Меня беспокоило, что в этом документе не указана роль общественных охотничьих объединений, а самое главное — **место и роль простых охотников**. Без них «Стратегия» — пустой звук.

Мне могут возразить, мол, в разделе 3.1. «**Укрепление конституционных и организационных основ**» п.4. требует «Для устранения имеющихся противоречий между отдельными положениями и усиления мер по борьбе с браконьерством необходимо:

— **определение роли общероссийских охотничьих общественных организаций в системе охотпользования и обучения**

знаниям о животном мире и требованиям охотничьего минимума...» Скромная роль. Ещё В. Флинт, учёный, заведующий отделом охраны животного мира ВНИИ природы, предупреждал: «Я не вижу другой реальной силы для охраны животного мира, кроме охотников и охотничьих организаций». Жизнь подтвердила справедливость этих слов. Но власть планомерно выдавливает охотников из охотничьих угодий и всячески сводит на нет роль их обществ, тем самым, толкая охотников на браконьерство. И что мы имеем в результате? Безprecedентный разгул этого зла. Какие бы «Стратегии» чиновники от охоты ни писали, они с браконьерством без охотников не справятся.

И то, что Президент пунктом 3 «ПОРУЧЕНИЙ» поставил задачу «по обеспечению деятельности не менее трёх государственных охотничьих инспекторов в каждом муниципальном образовании, на территории которого имеются охотничьи угодья» полностью браконьерство не искоренит. Если власть действительно хочет сохранить животный мир, то необходимо общества охотников всячески поддерживать законодательно, снижать налоги, предоставлять льготы за аренду угодий, чтобы они могли снизить финансовые нагрузки на членов. Это будет способствовать и снижению браконьерства.

В разделе 3.6. **Международное сотрудничество**. Стратегия требует:

— **развивать участие России в международном сотрудничестве... в том числе путём присоединения к Соглашению по охране афро-евразийских мигрирующих водно-болотных птиц**; Условие присоединения к этому соглашению — отказ от весенней охоты в России и применения свинцовой дробы при охоте на водоплавающих. Может, я чего-то недопонимаю, но Россия является участником Конвенции по охране водно-болотных угодий на путях миграции этих птиц. Этого что Европе мало? Отказ от весенней охоты — удавка на шее традиционной русской охоты! Наверное, больше грантов пообещали.

Вот с такими мыслями и вопросами я и отправился на 2-й Национальный форум «**Современный этап развития природоохранной деятельности и охотничье-рыболовного туризма**», состоявшегося на ВВЦ 27.02.13 г. в рамках международной выставки «**Охота и**

рыболовство на Руси». По плану там предстояло выступление А.Е. Берсенев, директора Департамента государственной политики и регулирования в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов МПР. У участников Форума сразу же возник вопрос — а причём здесь «охотничье-рыболовный туризм». Его задал доктор биологических наук, профессор М. Перовский. На него попытался ответить сам А. Берсенев. Ответ был не совсем убедительный, и участников он не удовлетворил. Ближе и созвучнее моему представлению о путях развития охотничьей отрасли России оказалось выступление Л. Сониной, председателя правления Московского клуба «Сафари» на тему «К вопросу формирования концепции развития охотничьего хозяйства». С докладом «Современное состояние охотничьего хозяйства и его роль в сохранении животного мира» выступил А. Берсенев. Он пытался успокоить участников Форума, что присоединение России к «Афро-Евразийскому соглашению по охране мигрирующих водно-болотных птиц» (AEWA) не предусматривает полный запрет весенней охоты. Мол, в этом вопросе с западными партнёрами достигнуты «оговорки» по постепенному её ограничению. «Интересными» наблюдениями о причинах сокращения охотничьих животных в России поделился с нами Антон Евгеньевич. По его мнению, в этом сокращении виновны браконьеры и волки. Ему бы следовало уточнить какие «волки». Ответа на витающий в воздухе вопрос о создании органа государственной власти по управлению охотой и охотничьим хозяйством страны, озвученный Премьером Д. Медведевым, мы так и не услышали. Также не услышали участники, куда и каким путём пойдёт многострадальная охотничья отрасль России. Я этот вопрос поднимал в статье «На распутье» ж. «Охота и охотничье хозяйство» № 5 2010 г. К сожалению, на мой взгляд, мы к этому «распутью» не только не подошли, а ещё умудрились сделать и шаг назад. Моё мнение — охотникам не следует позволять чиновникам от охоты принимать решения, не отвечающие интересам России, охоте и охотничьему хозяйству. Для этого умело пользоваться рычагами воздействия на них, предоставленными законодательством.

Дорогие читатели, друзья!

**подписка на 2-е полугодие 2013 года
на журнал «Охота и охотничье хозяйство»
продолжается!**

Наш подписной индекс 70673 по каталогу Роспечати

Дорога в деревню проходит мимо старых зарастающих карьеров — бывших торфяных разработок. Идти по ней в мае, когда деревья в зеленой дымке распускающихся листьев, одно удовольствие. (Если не обращать особого внимания на трясины.)

Чибисы как будто специально подкарауливают людей. Завидев человека, спешно летят издалека и с криками начинают воздушные атаки: рвут крыльями воздух над головой.

К ним присоединяются кулики. Но они обычно делают два — три широких круга и возвращаются к гнездам.

А вот озерные чайки, из небольшой колонии в конце болота, налетают почти в упор и с чувством высказывают все, что думают о непрошенных посетителях.

На верхушку молодой березки сел тетерев. Все еще заглядывает на недавно отгремевший поблизости ток. Но время прошло. Пора успокоиться и менять весенний наряд.

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

Деревья в зеленой дымке

Спасибо, Герман!

В. МАЛЕЕВ. Фото автора

Весна в этом году запоздала. И теперь, стараясь наверстать упущенное, словно на крыльях летела над Прибайкальской тайгой, обгоняя шумные гусиные стаи...

Май уже заканчивался, но по ночам примораживало. К утру цветущая верба и полураспустившиеся, с пятаяк, листья берез замерзали и покрывались серебристым инеем. Но с первыми лучами солнца весна снова брала свое. Подснежники распускались, окутывали опушки и лесные поляны нежным желто-голубым покрывалом, маня к себе отошедших за долгую зиму изюбей и косуль. словно соревнуясь друг с другом, без устали бормотали краснобровые косачи и бурные таежные речки.

День за днем тайга превращалась из неприступной суровой чащи в нежно-зеленую зовущую даль.

Душа рвалась в поле, в леса — к вновь расцветающей сибирской природе. Но повседневные дела и работа держали меня в городских джунглях. Слушая долетавшие сквозь открытые окна серенады сизарей и чирикание дерущихся за внимание своих сереньких дам воробьев-ухажеров, я искал любой повод вырваться на несколько дней в тайгу. И случай вскоре представился.

Мне позвонил Герман, мой товарищ и постоянный спутник на многих сибирских охотах. «Геннадьч! — отчеканил он, экономя время звонка, — пришел старый знакомый, здоровый, как конь. Вчера пастуху видали. Если приедешь, обязательно добудем! На выходные жду. Все, пока!»

«Здоровый, как конь», — это медведь, на которого Герман и местные мужики охотятся каждую весну вот уже несколько лет. Сразу после выхода из берлоги в Сарминских гольцах этот зверь приходит к маленькой таежной деревушке, где проживает многочисленная родня моего друга, и окочальчивается там до богатого на медвежьи корма лета. Пока в деревне была колхозная ферма, медведь давил там телят, нанося урон народному хозяйству, а теперь, когда колхоз развалился, а от фермы остался лишь похожий на скелет кита железобетонный остов, повадился таскать с крестьянских дворов свиней. Все попытки местных и заезжих охотников расправиться с ночным грабителем заканчивались неудачей. Потому что деревня, растянувшись тонкой полоской по распадку вдоль таежной речки, целиком просматривалась с ближайших сопок. И коварные замыслы людей угрозы для умного и опытного зверя не представляли...

У нас было время поговорить об этом, пока мы с моим водителем Сергеем, тоже азартным охотником, наскоро собрав охотничьи принадлежности

и опустошив часть полок в супермаркете, выезжали из города. Из-за очередного бензинового кризиса трасса в выходные была свободна, и мы неслись по Качугскому тракту, выжимая из машины все двести четыре заявленные производителями лошадиные силы.

С луж вдоль дороги взлетали стайки чирков. Важно вышагивая, грачи прочесывали свежие борозды за редкими тракторами, надеясь найти выпавшие мышиные гнезда. Пережившая голодную зиму домашняя скотина бродила вдоль тракта в поисках первой зеленой травы. Но что нам за дело было до чирков, грачей да облезлых коров, когда разговор все время вертелся вокруг медвежьей охоты!

Уже через пару часов мы, объезжая деревенские лужи, подкатили к крепкому, рубленному на века, пястистенку Германа. Расплывшись в хитровой бурятской улыбке, хозяин встретил нас у ворот:

— Быстро вы, однако, собрались!

— Всю зиму ждали, когда ты нас позовешь, вещи уже полгода на пороге стояли.

— Ну, давайте, чайку попьем, да потихоньку поедем, а то уже и время поджидает, — пригласил нас хозяин.

Запивая чаем с молоком холодную отварную свинину, мы вместе с Германом вежливо и терпеливо выслушали необходимые в таких случаях пожелания «удачной охоты» от его жены.

— У всех мужики, как мужики — огорода пашут, картошку сажают, а этот опять в тайгу! — ворчала хозяйка, не забывая меж тем подливать нам горячего чая и привычно собирать котомку с харчами для мужа.

— Да посадим мы эту картошку, успеет еще, — скорее для себя, чем для нас и жены, подытожил хозяин, усаживаясь в машину. — Серега, сейчас давай задами, сразу в переулок — чтобы бабы не видали, а то будет нам и медведь, и огород с картошкой! — скомандовал Герман, радуясь, как ребенок, тому, что деревня с ее необходимыми, но скучными весенними заботами быстро скрывается из вида.

— Какой красавец!

Будто сговорившись, мы проводили взглядами взлетевшего с речки редкого в наших местах черного аиста с ярко-красными длинными ногами и клювом.

— Знаю, где гнездо, вон в том распадке, на здоровом листвье, — махнув неопределенно рукой, хвастался Герман. — Много лет уже там живут...

Мы с Сергеем, не имея основания не верить и возможности проверить, вынуждены были согласиться.

Солнце припекало сквозь стекла машины. Полная свобода, домашняя свинина и рассказы Германа об охотничь-

их подвигах здорово подняли нам настроение. Мы неслись по чуть просохшей дороге вперед, на волнующую и непредсказуемую медвежью охоту.

— Вот за тем поворотом уже и деревню будет видно! — пообещал наш друг, тридцать лет назад родившийся как раз за этим самым поворотом. Слева от дороги на покосе паслась стреноженная гнедая лошадь, что, и правда, говорило о близости к жилью. Но, не доезжая до нее метров триста, Сергей вдруг начал резко тормозить:

— Медведь!

— Конь, а не медведь!

— Какой тебе конь!

Оказалось, что и конь, и медведь, вместе взятые... Пересекая нам путь неторопливым галопом, через покос, мимо замерший от страха лошади, среди бела дня бежал здоровый медведь! Все в машине разом взлетело в воздух: сапоги, булки хлеба, бутылки, куртки... Все, кроме уложенных подальше чехлов с карабинами и патронов к ним! Проводив горящими глазами ушедшего в сопку медведя, и мы, и лошадь на несколько минут словно окаменели. Потом конь дико заржал и на трех спутанных ногах, взбрыкивая четвертой свободной, понесся к деревне. Мы бегали вокруг машины, разбирали и упаковывали в чехлы ненужное теперь оружие.

— Ну, вот и поохотились, — бормотал Серега.

— «Покапать» сперва надо было, — сетовал на несоблюдение охотничьих традиций побледневший Герман.

— И что он здесь забыл! — унимая невольную дрожь в руках, кипятился я.

«Ну хоть так повезло, зверя посмотрели и то ладно», — решили мы, подъезжая к крайней избе. Здесь, как ни в чем не бывало, копошились в навозе куры, а у ворот смирно, будто привязанный, стоял гнедой, косясь на нас выпученными глазами.

— Время у нас еще есть, сейчас заедем к брату, скажем, чтобы к шести привел лошадей, — отдавал команды мгновенно воспрявший духом на родной земле Герман. — Садиться на лабаз будем с коней, — пояснил он, — чтобы зверь не учуял. Сядем в шесть, медведь на скотомогильник выходит рано, а к пастухам на конях он привык и запаха их не боится.

Все еще слегка ошарашенные внезапной встречей с медведем мы с Сергеем молча согласились с этим планом. Поговорив с родней, Герман предложил исправить ошибку и посвятить пару часов местным охотничьим традициям или, как у нас говорят, «покурить» или «покапать» духам. Дело святое — «капать» так «капать»!

Приведя в порядок раскиданные по

машине вещи, и, взяв все необходимое и для нас, и для духов, мы расположились на таежной опушке рядом с брошенной фермой. Вся небольшая деревня была, как на ладони. В послеобеденное время народ отдыхал, и наше появление пока оставалось незамеченным. Мы без помех приступили к долгожданному обряду. Герман, открыв бутылку «байкальской», сделал то, чему его научили предки: что-то пошептал, покапал на костер, побрызгал духам на все стороны света, отпил немного из рюмки и, решив, что этого достаточно, повернулся к нам.

Вывив за успех предстоящей охоты, мы хорошо закусили и вновь обрели уверенность в том, что сумеем спасти от ночных медвежьих набегов скот и покой деревенских жителей. Для них теперь, в «условиях рынка», не было другой работы, кроме тяжелого крестьянского труда на своих подворьях. А уровень достатка измерялся количеством голов скота. Все было просто, как и сто лет назад. «Как потопашь — так и полопашь!» Только топашь теперь было почти некому...

— Работы нет, молодежь в города уезжает, остались одни пенсионеры да алкаши, — переживал за земляков Герман, сам живущий за счет тайги и скромной зарплаты жены-учительницы. — Скоро поля пахать некому будет, механизаторов нет, а от фермы... смотри, что осталось...

Мы с Сергеем смотрели.

— Наш народ и к хорошему, и к плохому быстро привыкает, — все же поддержал разговор Серега. — Мы все родом из деревни, только сделать ничего не можем. Без работы да без хорошей зарплаты кто в такой глухомани жить станет?

— А жить-то надо! — не сдавался Герман. — Не будет деревни, что народ наш, одни бананы, что ли, есть будет? Это же Сибирь! Без мяса да молока ноги здесь быстро протянешь...

Меж тем внизу, в деревне, наметилося первое движение. Скотина спускалась с зарастающих лесом заброшенных полей к реке и, напившись, привычно расходилась по дворам. Заскрипели ворота, залаяли собаки, и от крайнего дома в нашу сторону, ведя в поводу двух лошадей, верхом на третьей ехал брат Германа.

На боковую ветку березы прямо над нашими головами уселась кукушка. Распустила крылья и начала по-своему, по-птичьи, гадать, кому чего и сколько достанется в этой жизни. Солнце, широко улыбаясь, все быстрее катилось по ярко-голубому небу за высокие байкальские сопки. Наступал тихий весенний вечер, обещающий темную, холодную, таежную ночь.

— Тихо. Ветра нет, зверь должен рано прийти, — в который раз настойчиво убеждал меня Герман. — Вчера его мужики в сумерках видели, уже на скотомогильник лазил. Нынче еще не пуганый, вы первые приехали...

В итоге решили сделать так: брат Германа подвезет нас прямо к прива-

де, мы с лошадой залезем на лабаз — караулить медведя, — а Сергей останется здесь, на поляне. Если услышит выстрел, подьедет к нам на машине.

Мы оделись полегче, убежденные в том, что медведь явится с началом сумерек и долго ждать нам не придется. Уселись на лошадей и тихо, гуськом, втянулись в тайгу. Метров через шестьсот выехали к небольшой поляне, на которой валялись старые, побелевшие кости животных, а прямо у мелкого ельника лежали две коровьи туши. Одна была выпотрошена и наполовину затасана в ельник.

— Вот гад-то, — зашептал Герман, — я тушу проволокой привязывал вон к той березе. А он, смотри, куда уволок!

Но близко подьезжать мы не стали, менять что-либо было уже поздно. Повернули лошадей к паре больших берез, меж которых на приставном столбе, как большой неказистый скворечник, метрах в пяти над землей повис лабаз. Увидев этот архитектурный шедевр, я сразу загрузил. Когда прямо с лошади, цепляясь за ветки и едва прибитые тонкие жерди-перекладины, я залез в него через люк в полу, опасения подтвердились. Для пары или даже стаи скворцов это, конечно, был бы целый дворец, но для двоих мужиков с карабином — тюремный карцер.

— В прошлом году сделал! — шептал, закрывая под ногами люк и еще плотнее вдавливая меня в дощатую стенку, гордый собственным творением, строитель. Положив перчатки на нижний край единственного маленького — величиной с буханку хлеба — окошка, я зарядил двустольный штуцер и, уперев приклад в живот, чуть просунул стволы наружу, положив их на перчатки. Попробовал приложиться — с трудом, но удалось сделать это без лишнего шума. И только тогда шепнул другу:

— Ты почему досок пожалел?

— Пилорамы-то теперь нет, досок ни

купить, ни украсть негде. — По-житейски просто пояснил Герман.

— Ну, все, тихо, будем ждать! — смирился я с неизбежным, отвоевываю еще пару квадратных сантиметров для моего девяностокилограммового охотничьего тела.

Жизнь за нашим окном замерла. Стихло чавканье копыт удаляющихся лошадей. Кукушка замолчала, заметив вдруг, что точные данные ее социологического прогноза здесь давно уже никого не интересуют. Наступало время вечерних звуков и шорохов. «Хоркая» протянул над поляной поздний вальдшнеп. Рядом в кустах шуршали дрозды, устраиваясь на ночь. В деревне время от времени взлаивали собаки и мычал скот.

До восьмью вечера не происходило ничего интересного. В восемь — десять по опушке, шурша листвой, в сторону деревни прошла лисица.

— Не чуёт нас! — довольно прошептал уставший от молчания Герман.

Я кивнул, не рискуя связываться в долгую дискуссию о зверином чутье.

— Приготовься, сейчас вылезет! — не успокаивался друг.

— Тихо ты, — зашептал я, и без того обаятый желанием засветло увидеть осторожного зверя. Я не мог отделаться от мысли, что сегодня уже встречал этого медведя. Мы так и не смогли объяснить появление косолапого днем, посреди чистого поля! Оставалось только надеяться, что на охоте, как и в жизни вообще, ничего просто так не происходит...

Но ничего и не происходило! Солнце село. Тени на поляне слились в сплошное черное пятно, скрывшее от нас последние краски уходящего дня. Стало тихо и холодно.

— Темная будет ночь, — вздохнул Герман.

— Раз приехали, будем сидеть, пока не замерзнем, — пробормотал я, успокаивая скорее самого себя.

— И, правда, хитрый зверь. Сколько

раз пробовали — а не добыли. Пастухи видят, а как с оружием, так на тебе! После того, как прошлой весной его ранили, еще осторожней и злее стал. Может, и правда, ушел, испугался чего-нибудь? Хотя следы совсем свежие... — не унимался сосед по «скворечнику». — С каждым годом все больше нагнет зверюга! Сегодня свиней таскает, а завтра, глядишь, и на людей нападать начнет. В деревне-то одни старики да старухи, что они против такого громилы? С вилами на него не пойдешь...

Я задремал под тихий шепот, надеясь на опыт и внимание Германа. Проснулся оттого, что страшно замерз. Рассчитывая на быструю охоту, мы легко оделись и теперь платили по счетам, стуча зубами от холода. Вокруг была темень — хоть глаз выколи.

— Половина двенадцатого, что будем делать? — решил прощупать меня Герман. — Теперь уже точно не выйдет. Завтра вечером давай еще раз попробуем, а то сейчас совсем замерзнем. Да и не видно ничего...

До сих пор не знаю, что тогда удержало меня на месте. Я был уже готов согласиться с Германом, но вдруг предложил другое:

— Если зверь старый, да еще и стреляный, он наверняка слышал, как мы садились на лабаз. Может, где-то рядом лежал. Давай попробуем его обмануть. У тебя есть фонарик, но нет оружия. До машины метров шестьсот. Если не страшно, снимай куртку, давай мне свои варежки, шумно слезай с лабаза и иди к машине, к Сергею. А через пару часов вы за мной подъедете. Если медведь близко, то, может, и клонет на нашу удочку!

Обладающий огромным охотничьим опытом Герман не сразу, но согласился.

— Давай попробуем, — шепнул он, снимая с себя куртку.

Через минуту он слез с лабаза и пошел по дороге в сторону деревни, светя по сторонам подсвечившим фонариком и постукивая палкой по деревьям.

Я снял сапоги, закутал замерзшие ноги в куртку друга, надел варежки и уж было расположился на освободившейся части лавки, как вдруг услышал громкие звуки... Песня! Отойдя от меня сотню метров, Герман громко запел какую-то бурятскую песню! И, уж поверьте, получалось у него здорово! Но о чем он пел и зачем решил это сделать, спросить я пока не мог.

Воодушевленный ночным концертом и чуть согревшись, я, как мог, скорчившись, примостился на лавке и стал вслушиваться в тишину. Сколько времени прошло, сказать трудно, но вдруг мне почудился знакомый с детства звук. В той стороне от лабаза, где лежала наполовину съеденная туша, кто-то чавкал, обсасывая и смакуя коровьи кости, будто конфеты. Медведь!!!

Минут десять я разгибал затекшие члены, пытаясь тихо занять позицию для стрельбы. Меня колотило уже не от холода — от волнения. Звук соб-

ственного дыхания казался громким, как паровозный гудок. Тут кто угодно услышит, не то, что медведь!

Уф, пронесло: я уже крепко держу штуцер. А медведь все еще чавкает... Но не тут-то было! Я все слышу, но не могу разглядеть ни черта. Даже прищипнув к темноте, глаза не различают контуров зверя. Оптика бессильна. Я понимаю, что медведь лежит в двадцати пяти метрах от меня, но сделать ничего не могу! А ведь скоро друзья приедут снимать меня с лабаза... И тогда все пропало!

Невозможно передать словами, что я пережил за эти пару часов. Я и молился, как умею, и с десяток раз вспоминал, как мы «капали» местным духам... Да о чем я только ни думал, боясь упустить зверя!

Внезапно чавканье прекратилось, наступила тишина. Затаяв дыхание, я вглядывался в кромешную тьму. И вот случилось чудо: небо на мгновение просветлело. Видно, где-то там, в облаках, сверкнула чья-то счастливая звезда.

На фоне ближайшей ко мне нетронутой туши я не увидел, а скорее почувствовал какую-то большую тень. Минут десять смотрел на нее сквозь оптический прицел, но ничего не менялось. И, когда уже казалось, что надежда потеряна, ощутил едва заметное движение... Тут же стемнело вновь.

Пусть теперь я знал, что прямо передо мной стоит медведь — стрелять было нельзя. Я все еще не мог определить, где у зверя зад, где перед! Еще несколько минут ожидания. Кажется, время остановилось. Сердце вот-вот выскочит из груди! Я замер, держа подсвеченную точку прицела на середине огромной живой тень. Зверь, не почуяв опасности, двинулся чуть влево, подарив мне доли секунды для определения убойного места... Звук и пламя внезапного выстрела разрезали темноту, как молния!

Но что же дальше? Шум выстрела стих, разбудив деревенских собак, а тень как будто просто исчезла... Темнота и тишина вновь захватили тайгу.

«Попал, не попал? А вдруг ранил? Единственный фонарь унес Герман...» — думал я. Пытаясь успокоиться, спичками посвятил на часы — половина третьего. «А где же мужики, почему не едут за мной? Прошло уже больше трех часов. А договаривались на два. Наверно, уехали к брату в деревню, — успокаивал я себя, — сидят в доме и ничего не слышат».

Что же делать? Слезать с лабаза и идти по лесу без фонарика сейчас полное безумие: а вдруг подранок? Задавит в темноте, как кот мышонка. Буду ждать на лабазе, — решил я и попытался устроиться поудобнее. Нервная дрожь сменилась холодным ознобом. Температура воздуха снаружи, как, впрочем, и в стенах моего скворечника, уже давно опустилась ниже нуля. Заткнув окно-бойницу варежками Германа, я погрузился в состояние неопределенности на границе спокой-

ного, тревожного сна и обостренного до предела внимания.

Но напряжение и усталость взяли свое, и спустя какое-то время я все же уснул. Проснулся от первых птичьих криков, и сразу осмотрел открывшуюся в утреннем свете поляну. Ничего!

Все так же, как было вечером, когда мы садились на лабаз. Никаких признаков ночного присутствия зверя. Может быть, только туша коровы чуть дальше затянута в ельник... А может, просто показалось. В деревне заорали первые петухи. Я посмотрел на часы — семь утра. «Наверное, промазал. Надо слезать и идти к машине, узнать, что там у них произошло, а потом проверить, как стреляя, — решаю я и протягиваю руку к люку».

И тут же, словно ошпаренный, отдергиваю назад! Боковым зрением вижу как из-под лабаза выкатывается медведь и прямым ходом идет на середину поляны. «Вот тебе и сходил к машине!» — приглаживая вставшие дыбом под шапкой волосы, говорю я сам себе.

Медведь прыгает на тушу и начинает, громко сопя, разрывать коровью шкуру. «В штуцере еще один патрон», — вспоминаю я, медленно поднося оружие к плечу. Целью в видимую теперь лопатку и жму курок. Зверь с ревом кидается в мою сторону, шуршит листвою где-то прямо под лабазом. Затем все стихает.

Я, перезарядив штуцер, совершенно ошарашенный, пытаюсь через маленькое окошко разглядеть, что же происходит внизу, под лабазом, вдруг ставшим для меня настоящей крепостью. И, уже слыша шум подъезжающей машины, решаюсь приоткрыть люк.

Прямо под лестницей лежит туша медведя, как раз там, куда мне нужно слезать. Но что делать, раз зверь добыт и лежит прямо под ногами!.. Сергеев с Германом я встретил уже внизу.

— Поздравляем, Геннадийч! Молодец! Прямо по месту! Смотри-ка, под утро пришел. А мы его вечером ждали... — Мужики суегились возле меня и медведя с виноватым видом.

— Ну, а теперь, — говорю я, — пошли смотреть, кого я ночью стрелял.

— Как ночью? Кого стрелял? — искренне удивился Герман.

— После того, как ты с песнями ушел, часа через два вышел медведь. Вон там я его и стрелял. А этот, по-моему, другой: рана одна и тоже под лопаткой.

— Не может быть! Мы ничего не слышали!

— Ну, не во сне же я стрелял!

— Бери свой карабин, пойдем смотреть...

С погрузневшими вдруг лицами, зарядив карабины и отстегнув ненужные в таких случаях оптические прицелы, мы втроем осторожно подошли к стене молодого ельника.

— Давай с краю посмотрим, и, если что, в деревню за собаками съездим, — резонно предложил Герман.

Но в том месте, где, как мне казалось, я стрелял ночью зверя, мы ничего не нашли.

— Смазал видно, очень темно было, — переживаю я.

— Лежит зверюга! — вдруг произнес Сергей, раздвинув стволом «Тигра» ближайшие молоденькие елки.

Всего в десятке метров от опушки, развернувшись на свой след, лежал, уронив голову на передние лапы, уже остывший здоровый медведь! Отскочив после выстрела, он все же сумел развернуться и занять смертельно опасную для преследователя позицию. Если бы этой ночью все сложилось иначе, и друзья подъехали бы сразу после моего первого выстрела, мы пошли бы на поиски — и попали прямо в ловушку...

— Смотри, медведь прямо под лабазом! Добыли все-таки городские. Скараулили! — местные мужики вместе с братом Германа уже вытягивали из-под лабаза на поляну медвежью тушу.

— Сюда идите, — крикнул Герман, — здесь второй!

— Вот это зверюга! Вот он у нас и пакостил. Смотри, вся башка в шрамах! Старый, здоровый медведь. Клыки уже стертые. Ишь, вражина! Сколько поросят из деревни потаскал...

— Ну, молодцы мужики! Спасибо, Герман! Спасибо, ребята! Теперь хоть в деревне спокойнее станет...

— Давайте фотографии сделаем! Сразу два медведя! За одну ночь!

— Нам шкуры и черепа, а вам — мясо и желчь, — справедливо рассудил Герман, только что с товарищами спасший от медвежьих набегов родную деревню. — Да только шкуры не порежьте! — урезонивал он мгновенно собравшихся к «подведению итогов» и дележу добытых трофеев земляков, привыч-

но орудовавших ножами.

А еще через пару часов, «поблагодарив» как следует местных духов, загрузив шкуры в машину и попрощавшись с Германом, которого мы подбросили прямо до картофельного поля, где он сразу же оказался в центре внимания, мы рванули обратно в город.

И только теперь я узнал от Сергея ответ на вопрос, который интересовал меня до сих пор: какую же песню пел Герман, шагая ночью без оружия по тайге, хорошо понимая, что слышат его только я да медведи?

— Пришел, замерз, трясется весь, — рассказал мне Сергей. — Давай, говорит, согреемся, да еще раз на удачу «капнем»! Я, говорит, песню сейчас пел, нашу бурятскую, чтобы духи послали другу удачу. Если другу повезет, то и нам всем хорошо будет! А знаешь, когда с песней идешь, то и не страшно совсем. Вроде как на плацу строем шагаешь. Ну, давай выпьем, Серега, за наши бурятские песни, они всегда о хорошем, о жизни! Вот мы и выпили, да спели еще в машине, да так, что всю охоту проспали...

— Ничего, все нормально. И зверя видели, и двух медведей почти в самой деревне добыли. Кому расскажешь, так не поверят! — весело глядя по сторонам, заметил я.

— Да, редкий случай! — подтвердил Сергей.

Так, за разговорами, мы продолжали строить догадки о том, откуда пришел второй медведь, и почему после выстрела он бросился под лабаз: по своему входному следу, или на выстрел, или еще почему? И зачем медведь днем переходил по полю через тракт?

И как хитрый старый медведь мог клюнуть на нашу музыкальную удочку?.. Много еще о чем мы говорили с Сергеем, возвращаясь домой. Снова и снова по-доброму вспоминали Германа и наших новых знакомых — деревенских мужиков.

И чем ближе мы подъезжали к городу, тем сильнее чувствовалось теплое дыхание лета: свежая липкая зелень тополей, молодая трава и первые робкие, но дружные всходы пшеницы говорили о том, что весна осталась где-то там, за хребтами в широких таежных падах, там, откуда мы только что приехали. Там, где уже летела по всей Прибайкальской тайге, от деревни к деревне, от дома к дому, от охотника к охотнику, обрастая новыми подробностями и небылицами, еще одна, только что родившаяся охотничья байка. О том, как Герман своей песней выманил, как изюбря на «реву», на выстрел хитрого и коварного медведя, а его друзья за одну ночь добыли двух, да нет, трех здоровенных зверей, причем из одного ружья да одним выстрелом! Пенсионеры в деревне уже «Жигули» заказывают и прибыль считают — поросят нынче у них будет, как грязи, а в этом году поросята в цене. А следующей весной те мужики, ежили что, опять придут к Герману на медвежью охоту!

Но мы обо всем этом еще не знали. Мы просто радовались тому, что нашли новых интересных друзей, что нам сказочно повезло на охоте, мы помогли людям избавиться от опасного зверя... И тому, что в родном Прибайкалье опять наступало короткое, долгожданное сибирское лето!

Поведение обыкновенной лисицы в урбанизированных ландшафтах

Е. ГОРБУНОВА. Фото автора

Обыкновенная лисица — один из видов диких животных, успешно адаптировавшихся к урбанизированным ландшафтам. Широкое распространение лисицы и разнообразие мест её обитания позволяет отнести этот вид к эврибионтам, быстро приспосабливающимся к меняющимся условиям существования. В отличие от большинства диких животных, она не избегает поселений человека, напротив, хозяйственная деятельность человека привлекает ее. А поскольку за последние годы ландшафты и природопользование Московской области претерпели значительные изменения, то это не могло не сказаться и на поведении лисицы.

Скоростные трассы, пересекающие большие населенные и необжитые пространства, "отмирание" деревень в ряде регионов, увеличение количества дачных и садово-огородных товариществ вблизи больших городов, недостаточно организованные и оформленные свалки, а также скотомогильники, зарастание заброшенных полей, при общем снижении уровня сельскохозяйственного освоения территорий, расширяющееся браконьерство — все это меняет трофическую ориентацию лисицы, ее повадки, структуру пространственного распределения популяции.

В Московской области распространена обыкновенная лисица, характерная для средней полосы России. Что касается подвидовой принадлежности, то чаще встречается гибридная форма между северными или северо-восточными лисицами и среднерусскими лисицами. Отличие выражается в том, что при ярком рыжем окрасе спины отсутствует крестообразный узор, имеется неширокая коричневая полоса, черный цвет присутствует только на хвосте и лапах. Другой вариант изменения окраса заключается в относительно неярком рыжем цвете и присутствии темного узора на концах лап и ушей, задняя часть туловища окрашена темнее, бел и цвет на кончике хвоста практически отсутствует. Индивидуальные различия у лисиц выражены достаточно заметно. Основной окрас составляет гамму буро-рыжих тонов с красноватым оттенком. Тыльная сторона ушей черная, грудь белая, хвост с серо-черными отметинами и маленьким белым кончиком. Концы лап черные с плавным переходом к серо-коричневому тону. Изменчивость в цветовой гамме — от ярких до тусклых тонов при преобладании рыжих или бурых тонов. Пестрота у одних особей выражена слабо, у других — более сильно.

Места поселения лисицы. Широкое распространение лисицы в различных ландшафтных зонах показывает, что стаи, которые она заселяет, многочисленны и разнообразны. Животные не избегают зарослей кустарников, высокотравных лугов, сельхозугодий и т.д. На выпасах лисица чаще устраивает норы в пределах оврагов и балок. При этом предпочитает курганы или пологие возвышенности. К характерным местам обитания относятся разнопородные молодняки, вырубки, спелые древостои с рединами, полянами, гарями. Важна близость ручьев и речек. Прослеживается тяготение лисицы к открытым и полуоткрытым ландшафтам, явное предпочтение полей, перелесков, лесополос, просек. В последние годы хищника особенно привлекают населенные пункты: деревни, дачные поселки, даже окраины крупных городов. С заметным сокращением лесных массивов и увеличением дачных участков поселения лисицы заметно приблизились к человеческому жилью.

В Подмоскowie лисица обитает в основном по краям лесных массивов (50%). Норы удалены от края леса на расстояние 500 м — 2 км в глубь леса, наличие в радиусе 5 км от норы водоема обязательно.

В последние годы лисица стала больше посещать поля и перелески, ее чаще можно встретить на просеках, по краям дорог, на задворках деревень и дачных участках. Лисьи норы нередко стали встречаться в заброшенных карьерах. Новые норы возникают по краям полей и непосредственно на опушках леса. Привлекают лисиц и торфоразработки, здесь норы более глубокие и разветвленные. Немало нор расположено по оврагам, в лесополосах и по берегам речек.

Наиболее обжитыми лисицей в антропогенных биогеоценозах являются разрушенные и полуразрушенные сельскохозяйственные постройки. Лисьи норы располагаются под фундаментами, кучами строительного мусора. Часто норы берут начало в углублениях старых погребов и других земляных траншеях. Как правило, это стабильные, глубокие, многолетние выводковые норы, имеющие несколько (более 3-х) отнорков. В таких норах лисица чувствует себя в безопасности, так как раскопать такие норы практически невозможно. Иногда отнорков много, и они очень хорошо спрятаны.

Состояние сельского хозяйства, уровень его ведения также сказываются на численности лисицы. К явно неблагоприятным для нее факторам можно отнести чрезмерное применение удоб-

рений и пестицидов в лесном и сельском хозяйстве.

Немаловажную роль играют и промышленные загрязнения, вредные выбросы и т.п. Все перечисленные факторы отрицательно сказываются на численности лисицы. А вот гидромелиоративное строительство для нее благоприятно. Оросительная и осушительная гидромелиоративная сеть улучшает условия норения, ее укрытие от преследований. Роль водохранилищ и режим их эксплуатации оказывает неоднозначное влияние на лисицу. С одной стороны, происходит обогащение некоторых видов кормов, с другой — зимние пропуски воды могут затруднять их добычу.

Основные трофические субстраты лисицы. В ее рационе более 300 видов позвоночных животных, все беспозвоночные и несколько десятков видов растений. Однако основным кормом практически везде служат мышевидные грызуны. Роль зайцев и копытных в питании невелика. Иногда лисица ловит различных птиц, в том числе охотничье-промысловых (тетерев, рябчик), разоряет их гнезда. В летне-осеннее время она поедает земноводных, насекомых, плоды деревьев и кустарников (рябина, боярышник).

Лисица стала часто посещать свалки. Помимо пищевых отходов, поедаемых лисицей, на свалки ее привлекает возможность поохотиться, поскольку на свалках кормятся не только псовые, но и большое количество мышевидных грызунов, особенно серых крыс, а также врановых, в основном серых ворон. Чаще всего на свалках можно встретить молодых лисиц, поскольку корма здесь более доступны.

Молодняк в период распада выводков (июль—август) отдает предпочтение местам, где корм можно добыть без особых навыков охоты. Это подкормочные площадки, свалки, берега ручьев и речек, задворки деревень, линии высоковольтных передач. Зафиксированы случаи поедания лисицей зерновых и комбикорма, выложенного в кормушку.

В зимнее время, особенно в период бескормицы, лисицу все больше привлекают подкормочные площадки и солонцы. Подкормочные точки, на которых регулярно выкладывают: зерновые и комбикорм, а в зимнее время еще дополнительно сено и веники, привлекают внимание и становятся постоянным местом обитания не только тех видов, для которых предназначены, но и многих других: в первую очередь мышевидных грызунов, птиц, зайцев, насекомых. Поскольку копытные (каба-

ны, косули) не регулярно посещают подкормочные площадки, то не мешают кормиться на точках другим животным, на которых устраивают охоту лисицы. Посещая подкормочные площадки для копытных, лисица не только охотится, но и поедает комбикорма.

Дикие копытные в питании лисицы встречаются редко. По общей оценке за год в составе питания лисицы занимают погибшие кабаны (0,3%). Сюда относятся павшие взрослые особи (больные, истощенные бескормицей, подранки) и молодняк первых месяцев (1%). До 20% в кормовом рационе обыкновенной лисицы приходится на мелких птиц (в зимнее время павшие, обессиленные животные, в летний период, как правило, молодняк). В последние годы лисица стала чаще питаться врановыми птицами, также часто посещающими свалки (среди врановых кормов, а также в связи с норным образом жизни, постоянным контактом с землей. Процент содержания отмеченного компонента в течение года не превышает 1,2% (в среднем — 0,94%). Последнее место в рационе питания лисицы занимает рыба, добываемая ею из естественных водоемов (0,3%). Это рыба, выбрасываемая волнами или оставляемая рыбаками.

Лисица часто использует временные убежища. Хищница не устраивает их сама, а использует уже созданные природой, или другими животными, укрытия, слегка обустривая их при необходимости. Требуется она ей в основном в качестве укрытий от плохой погоды и от опасности. К временным убежищам можно отнести вывороты деревьев, боровые ходы, крупные упавшие деревья с дуплами, мелиоративные трубы, мусорные свалки и т.п. Отмечен случай, когда лисица устроила лежку в ржавом остове старого автомобиля, брошенного в лесу. Нередко лисы обустраивают временные укрытия для щенения. По нашим наблюдениям одна лисица на протяжении нескольких лет использовала для щенения подвал в старом обрушившемся деревянном доме, другая — бочку, находившуюся недалеко от свалки.

Лежки, где лисица отдыхает, не используя собаку 1,5% и норки 0,4%, используемые охотниками в качестве привады. Этот вид кормов составляет в среднем 1,9%. Поедание белок носит случайный характер и находится на уровне 0,98%. Насекомые составляют 1,7% от общего состава кормов (прямокрылые, жесткокрылые, двукрылые). По некоторым сведениям насекомые в питании хищника занимают более значительное место. Среди других беспозвоночных лисица поедает в основном брюхоногих моллюсков и голожаберных. Их доля в рационе лисицы составляет 1,1%. Амфибии (преимущественно травяная лягушка) в годовом рационе лисицы составляют 1,4%.

Один из компонентов, входящих в рацион лисицы, это инородные тела. К ним относятся мелкие камешки, песчинки, почва. Обычно они попадают в желудок лисицы при поедании других кормов, а также в связи с норным образом жизни, постоянным контактом с землей. Процент содержания отмеченного компонента в течение года не превышает 1,2% (в среднем — 0,94%). Последнее место в рационе питания лисицы занимает рыба, добываемая ею из естественных водоемов (0,3%). Это рыба, выбрасываемая волнами или оставляемая рыбаками.

Лисица часто использует временные убежища. Хищница не устраивает их сама, а использует уже созданные природой, или другими животными, укрытия, слегка обустривая их при необходимости. Требуется она ей в основном в качестве укрытий от плохой погоды и от опасности. К временным убежищам можно отнести вывороты деревьев, боровые ходы, крупные упавшие деревья с дуплами, мелиоративные трубы, мусорные свалки и т.п. Отмечен случай, когда лисица устроила лежку в ржавом остове старого автомобиля, брошенного в лесу. Нередко лисы обустраивают временные укрытия для щенения. По нашим наблюдениям одна лисица на протяжении нескольких лет использовала для щенения подвал в старом обрушившемся деревянном доме, другая — бочку, находившуюся недалеко от свалки.

Лежки, где лисица отдыхает, не используя собаку 1,5% и норки 0,4%, используемые охотниками в качестве привады. Этот вид кормов составляет в среднем 1,9%. Поедание белок носит случайный характер и находится на уровне 0,98%. Насекомые составляют 1,7% от общего состава кормов (прямокрылые, жесткокрылые, двукрылые). По некоторым сведениям насекомые в питании хищника занимают более значительное место. Среди других беспозвоночных лисица поедает в основном брюхоногих моллюсков и голожаберных. Их доля в рационе лисицы составляет 1,1%. Амфибии (преимущественно травяная лягушка) в годовом рационе лисицы составляют 1,4%.

Один из компонентов, входящих в рацион лисицы, это инородные тела. К ним относятся мелкие камешки, песчинки, почва. Обычно они попадают в желудок лисицы при поедании других кормов, а также в связи с норным образом жизни, постоянным контактом с землей. Процент содержания отмеченного компонента в течение года не превышает 1,2% (в среднем — 0,94%). Последнее место в рационе питания лисицы занимает рыба, добываемая ею из естественных водоемов (0,3%). Это рыба, выбрасываемая волнами или оставляемая рыбаками.

Лежки, где лисица отдыхает, не ис-

пользуя нору и временные убежища, могут быть расположены в различных местах — это закрайки болот с высокой травяной растительностью, непосредственно около выводковых нор или на ней, краевые участки густых ельников. Лежки располагаются на небольших возвышенностях с хорошим обзором, в то же время место должно быть защищено от ветра. Как правило, лисица на своем участке обитания использует одни и те же места для отдыха. Хищник может длительное время находиться на одном месте. В зимний период 2004 г. было обнаружено место, где лисица сделала 13 лежек в радиусе 30 м. Одни находились рядом друг с другом, другие на более далеком расстоянии. Минимальное расстояние между лежками составляло около 1 м, максимальное — 60 м.

Зимой лиса ложится в нору только в непогоду, а в мороз предпочитает устраиваться на отдых в местах с хорошим окрестным обзором. В безлесных районах норы и лежки лисицы часто устраивает на открытых участках, но обязательно на возвышении, или в островных зарослях. На полностью открытых местах ложится редко. Хотя мы нередко наблюдали лежки на пригорке посреди большого поля. Во всех случаях выбор места лежек связан с погодным фактором.

В зимнее время лисица перемещается в лесопарковую зону г. Москвы, где охота запрещена и фактор беспокойства заметно снижен. Так, на участке между п. Веревское и п. Черная Грязь Солнечногорского района граница охотхозяйства с лесопарковой зоной частично проходит по р. Клязьма: на 5 км маршрута по границе из 20 следов лисицы 15 приходится на уход и лишь 5 на заход. Особенно часто это наблюдается в местах, где лесные массивы приграничных районов соприкасаются. Повышение активности наступает с началом гона и продолжается до распада выводков. Данные тропления показывают, что суточный ход лисицы составляет в среднем 8—12 км. На один суточный ход приходится до 4 временных лежек и около 50 мест, где лисица отдыхает (присады).

Вход в нору лисицы

Вход в гнездовую камеру

На гусиных пролётах

А. ДИГИЛЕВИЧ. Фото автора

Самая увлекательная охота весной — это на гусиных пролётах.

Ранней весной, когда на полях кое-где еще лежит снег, начинается массовый пролет гусей на север, в места гнездования. Еще с зимы охотники начинают договариваться с охотхозяйствами о весенней охоте, готовят снаряжение, профили, чучела, манки и т.п. На охоту приезжают заранее, дня за два до открытия. Оборудуют скрадки, делают новые, если таковых нет. В день открытия охоты в шалаш приходят ночью, до начала перелета.

Забираюсь в шалаш, мне немного тесновато, видимо, не рассчитал, днем было просторнее, но ведь я был без фотоаппаратуры, штатива, а сейчас у меня еще и ружье. Но, ничего, разместился. Охочусь до рассвета, а потом занимаюсь фотосъемкой. Начало сереть, мимо со свистом пронеслась пара уток. Где-то слышно, как токует тетерева. Послышался гусиный гогот, который не спутаешь ни с чем. То ли от утренней прохлады, то ли от гусиного гогота (предчувствую охоту) по телу пробежала мелкая дрожь. Первый косяк прошел высоко. Где-то рядом заработал манок. Рассвет все усиливался, на горизонте показалась низко летящая стая гусей. Я приготовился к стрельбе, но тут из соседнего шалаша прогремел выстрел. Стая резко отвернула в сторону. Гуси летели низко, но мой сосед сделал подранка и, забыв про всякие условности, пошел его искать. На этом моя охота закончилась, и я, отложив ружье, стал дожидаться полного рассвета, после чего начал фотографировать. Пролет был хороший, мне удалось снять все, что хотелось, а мои друзья отлично поохотились. Все происходило в Вологодской области.

Заметки о медведях

А. МУХАЧЁВ

Любовь хозяина тайги. В прошлом году я прилетел из Суринды в Байкит в начале ноября и встретил там неожиданно своего знакомого охотника. Я сразу заинтересовался, почему он не на охоте.

— Вот за пятнадцать лет первый раз не пошел на охоту, — ответил он, — дал себе слово не ходить в тайгу в течение трех лет. Неприятная история у меня вышла. Откровенно скажу — боюсь. Да, боюсь. А какой я охотник, если боюсь в тайгу идти. И не пошел. И еще два года не пойду, пока окончательно страх не пройдет. «Видно с шатуном дело имел, но вроде целехонький», — подумал я.

— Хоть кратко расскажи, — попросил я, так как его ответ у меня вызвал интерес.

— История вроде небольшая, — сказал он, — но засела во мне на всю жизнь. Стараюсь о случившемся не думать, но не получается. Не хочу думать, а сам думаю. Я уж об этом никому не говорю, а то скажут: «Это у тебя, горе-охотник, со страху крыша поехала». Не знаю, что делать. Пока вот решил в тайгу не ходить.

Он закурил, глядя то на меня, то на тайгу. Я молчал. Так прошло несколько минут, прежде чем он начал говорить:

— В позапрошлом году я пораньше выбрался в тайгу. Построил вторую избушку. Проложил два новых путика, заготовил на два года дров.

Добыл лося на питание. Год выдался урожайным. Хорошо уродилась голубика, брусника, кедр хороший урожай дал. Зверье и птицы сыты, заняты заготовкой. А ко мне «в гости» пришел медведь: распечатал яму с привадой — там у меня рыба была. Вижу по следам — его работа. Думаю, мишка нагулялся, скоро в берлогу будет ложиться, но, видимо, захотелось поест перед лежкой для разнообразия рыбки. Посмотрел я и подумал: «Раз медведь нашел место, где лежит рыба, то придет и во второй раз». А раз он может прийти, то его можно добыть за трапезой. Я не стал около ямы топтаться, а сделал, соблюдая осторожность, незаметный небольшой настил на высоте пяти метров. На настиле я сделал засаду. Взял с собой карабин и пальму, на случай если придется держать оборону. Мой расчет оказался правильным — медведь пришел за рыбой. Мой выстрел был смертельным: я точно попал в голову. Это оказалась медведица. Довольно крупная. По внешним признакам можно было сказать, что самка не молодая, да и мясо было очень жестким. Крутил из него фарш, а потом жарил котлеты. Мясо имело устойчивый кедровый запах. Даже при отрыжке этот запах сохранялся. Ты наверняка подумал: «Добыл медведя, что здесь особенного, мало ли их до-

бывают звенки». Вот и я тогда также думал. Тем более, то был не первый, а третий медведь, которого я добыл. Случилось это, как я уже говорил, накануне залегания медведей в берлоги. Дальше моя жизнь пошла без всяких «чепе». Шатунов в округе не было. Я добыл соболей и белок больше, чем в предыдущий год и был в целом доволен охотничьим сезоном. На следующую осень я готовился к охоте с хорошим настроением, с энтузиазмом. Договорились, что меня и моего друга с соседнего участка забросят одним вертолетом между 10—15 октября. За десять дней до нашего намеченного срока я закупил продукты, приготовил одежду, отобрал снаряжение, все это упаковал. То же сделал мой сосед. Наконец настал день и час, когда была дана команда загружать вещи в вертолет. Нам помогли загрузиться. С утра вертолет летал на две точки для геологов, поэтому мы вылетели уже после обеда. Вертолетчики спешили, чтобы по свету вернуться в Байкит. Пока мы летели к участку, я все смотрел в иллюминатор: места все знакомые. Прилетели. Сели в метрах в трехстах от моей избушки. Вертолетчики торопились: «Давайте, ребята, побыстрее вещички выгружайте». Мы выгрузили мои вещи, включая бензин, и полетели на второй участок. Там выгрузили вещи соседа. Я остался у него ночевать, и следующий день провел у него: обмывали приезд. Вспоминали детали сборов, прикидывали все ли взяли. Утром я отправился к себе. Семь ки-

лометров прошел быстро: во-первых, налегке, во-вторых, погода была прекрасная, в третьих, хоть в Байките воздух свежий, а в тайге он свежее, бодрее и ароматней другой. Когда я пришел к себе, то увидел то, что не пожелал бы своему злейшему врагу. Меня словно обухом по голове крякнули. Я не понимал, что мне делать, что мне предпринять. Вещи, что были выгружены из вертолета, были разбросаны. Картонные коробки все были порваны, мешки разорваны. Все рассыпано, измято, исковеркано. Мука валялась вперемежку с крупой и сухарями. Спальный мешок порван. Часть вещей в испорченном виде валялась метрах в пятнадцати. Более того, у меня в канистрах была сольерка, так она была вылита. Создавалось впечатление, что здесь хорошо «поработала» группа медведей-хулиганов. Там, где было скопление продуктов или вещей, была везде моча и медвежий кал. Когда первый стресс прошел, я посмотрел все внимательно и понял, что здесь действовал один крупный медведь и действовал как Мамай или Батый. А, может, хлеще, и более жестоко. Я пошел в избушку. Там меня ждал второй шок. Об этом я нигде не читал и не слышал. На полу, на лежаках был медвежий кал, да что там на лежаках. Медвежьим калом были измазаны все стены.

Я вышел из избушки. Присел, так как руки-ноги тряслись, и одна мышца у глаза начала дергаться, какой-то нервный тик начался. Покурил. Оружие — карабин и мелкокалиберная винтов-

ка — были у меня спрятаны в тайнике. Я достал карабин, взял пальму (охотничий нож был со мной на ремне) и побрел к соседу. Когда я пришел к нему и рассказал все, что произошло у меня на участке, и спросил его: «Что будем делать?» Он подумал, а потом говорит: «В прошлом году ты убил медведицу, а это ее дружок, муж по-нашему: он в этом году пришел на место свадьбы, а ее нет, ждал, ждал, а ее нет. И он определил, что виноват в этом хозяин избушки, может быть, он около избушки какие-нибудь ее останки обнаружил. Вот и решил отомстить. Я думаю, он сейчас хуже шатуна. Остается выбирать одно из двух: затаиться и ждать, когда он заберется в берлогу, или делать засаду прямо в избушке. Он чувствует, что человек в избушке, и обязательно попрекнет на штурм, потому как ослеплен своей злостью. Если от него не избавиться, он нас точно где-нибудь на тропе прикончит». Мне стало впервые очень страшно. Но ситуация была критической и я сказал: «Давай сделаем засаду». Собак оставили у него. Взяли карабины, патроны.

Вышли от него с таким расчетом, чтобы к вечерним сумеркам быть в моей избушке. В избушке он расположился на нарах у одной стены, я на нарах у другой стены. Между нами небольшое окошечко и стол. Спинами мы сели к торцевой стене избушки. Предварительно мы утеплили сиденья, оделись потеплее, открыли дверь. Пред собой в боевой готовности положили карабины, сбоку под рукой — пальмы. Стали ждать, прислушиваясь к звукам тайги. Вечером ничего подозрительного не было слышно. В тишине прошла ночь. Все случилось, когда немного рассвело. И все произошло в две — три секунды, а может быть и быстрее. Я уже начал было расслабляться, мечтать и думать не о медведе, а о другом. Как вдруг, другого слова и не придумаешь, ну, можно еще сказать молниеносно, без всяких слышимых звуков (как это так он беззвучно мог подойти к избушке, ума не приложу) в избушку ввалился медведь и замер на мгновение у конца моих нарт на расстоянии около метра. Он, видимо, на мгновение оторопел, так со света попал почти в темноту и в то же мгновение пытался определить, где находится человек. В это же мгновение я, ни с того ни с чего, крикнул: «Ну, что тебе надо?» Он открыл пасть, и я увидел крупные клыки, пасть и выстрелил туда. Медведь еще постоял и рухнул. Товарищ слез с нарт. Я его спрашиваю: «Ты что же не стрелял?» А он отвечает: «Так я смотрю, ты с ним разговариваешь». Я сам удивляюсь, как это я такое хладнокровие проявил, хотя потом началось колотун, и какой-то страх овладел мной. И по всей вероятности надолго, раз до сих пор не отпускает.

Мой рассказчик замолчал. Закурил. Несколько раз глубоко затянулся. О чем-то, видимо, вспомнил и сказал:

— Я думаю, что у хозяина тайги особая любовь к своей подруге, крепкая любовь.

Может это одна из загадок природы, так пусть ей и останется.

Рассказ звенка Константина Ермолаевича Чапогира о шатунах.

— Э, бое, про шатунов, однако, много историй знаю. Случаи встречи с ним или рассказ о нем запоминаются на всю жизнь. Страшное дело — шатун в тайге. Появился он на охотничьем участке — неизвестно чем дело кончится: охотник его одолеет или он охотника, кто кого пережит, сноровистее будет. Расскажу тебе одну историю с шатуном. Было это недавно, лет семь назад. Объявился на одном охотничьем участке шатун. Подкараулил он охотника на путике и загрыз. Охотник-то на участке был не один, а напарником охотничал.

Прошел день, как ушел охотник, а его все нет и нет. Забеспокоился напарник. Пошел на розыски друга. Нашел его останки. Понял беду, а самому страшно стало: ведь он один против шатуна. А страшно стало ему потому, что ранее-то он наслушался разных страшных историй про шатунов, понял, что этот зверь способен на различные хитрости. Вышел он на свежий след медведя. Идет, очень внимательно смотрит по всем сторонам, оглядывается, а самого страх берет и не напрасно: медведь-то сделал сметку около двух елей. Охотник разобрался, что зверь сделал сметку, да было уже поздно. Зверь-то сумел, спрятавшись в засаде, чтобы пропустить охотника, сзади напасть на него. Охотник-то даже выстрелить не успел, хотя готовился к этому. Так вот от этого шатуна и напарник погиб. А шатун продолжал бесчинства. Километрах в пятнадцать от места трагедии на берегу стояла палатка, в ней жили звенки — старик со старухой. Ночью к палатке подкрался шатун. У них на привязи было две собаки. Так шатун прикончил и собак, и людей. Слух о смерти двух охотников и старика со старухой от шатуна быстро распространился по тайге. Надо было шатуна кончать. Для этого нашлись добровольцы — охотники. Стали они с собаками тропить его след. Да только обошлось все без выстрелов.

— Как так? — спросил я удивленно.

— Оказывается, охотников опередили волки.

— Волки? — вновь удивился я.

— Да, волки, — спокойно ответил Константин Ермолаевич — Стая волков, видимо, долго рыскала по тайге в поисках добычи, да ничего крупного — ни лося, ни оленя не попадалось, и, повстречав на своем пути шатуна, они смело вступили с ним в бой. Правда, один волк полатился своей жизнью, но шатуна они одолели. Когда охотники добрались до места борьбы волков с шатуном, то удивились, как умят был снег, а от медведя и волка валялись только хребтины, черепа, да разные клочья.

— Получается, что волчья стая способна справиться с шатуном — подвел

я как бы итог рассказу Чапогира.

— Старый звенк из нашего рода Чапогиров рассказывал, что он однажды по следам определил, что волчья стая, когда был наст, подняла из берлоги медведя и одолела его. Так что волчья семейка свои клыки при благоприятных обстоятельствах пускает в ход и против хозяина тайги. Борьба за сохранение жизни удесатеряет силы, прибавляет смелости, — философски заключил Чапогир.

Немного помолчав, он вспомнил следуюшую историю, которая произошла в Эвенкии в первых числах мая два года назад:

— В район Подкаменной Тунгуски была заброшена группа геодезистов в составе трех человек: двое мужчин и одна женщина. Прибыв на место, уставшие за день геодезисты поставили палатку, поужинали и, не разбирая вещи, легли спать. В назначенные сеансы связи группа не давала о себе знать. Пришлось лететь и выяснять причину молчания. Выяснилось, что двоих медведь загрыз в палатке, а один выскочил из палатки и хотел достать ружье, но был убит возле вещей.

Медведь в железной маске. Михаил и Сергей охотились в паре больше десяти лет. За ними был закреплен охотничий участок в районе реки Таймуры, притоке Нижней Тунгуски. В прошлом году мужики срубили добротную охотничью избушку. Ее достопримечательностью стала новая солидная печка, сваренная из листового железа трехмиллиметровой толщины. Охотники оценили ее словами: «Будет жить сто лет, а то и больше». Весной, по окончании охотничьего сезона, на два дня раньше срока прилетел вертолет. Пришлось охотникам быстро доупаковывать свой скарб. Остатки пищи побросали в печку.

Осенью, к началу охотничьего сезона Михаил и Сергей приехали на свою базу. Войдя в избушку, они сразу обратили внимание, что печка исчезла. С потолка уныло свисала труба. С полки исчезли банки со сгущенным молоком. Они валялись на полу в виде блинов. По оставленным меткам охотники сразу определили: в избушке хозяйничал медведь. «Но куда девалась печка? Чужаков здесь не было. Свои не тронут», — подумал Михаил.

Сварив чай на костре и почаявничав, охотники отправились на поиски печки. Она была найдена в метрах ста от избушки. То, что увидели Михаил и Сергей, их крайне удивило: у печки лежал медведь и его голова находилась в ней.

— Ну и картинка, медведь в железной маске, — сказал Сергей.

Михаил попытался печку стащить с башки топтыгина, но не тут то было. На помощь пришел Сергей.

— Просто на прямую башку медведя не вытащить, — заключил Михаил.

— А как же он умудрился ее затолкать в печку? — поинтересовался Сергей.

— Видимо, удачно изловчился и втол-

кал — философски заключил Михаил. — А обратно ее вытащить из печки не смог, так как в стрессовой ситуации у него мозги уже не соображали, и издох в железной маске.

Вечером за ужином Михаил и Сергей, поглядывая на печку, думали только о злостном происшествии с хозиним тайги.

Медведь и лодка. Этот случай произошел на реке Ангаре. Четверо рыбаков плыли за сплавной сетью. Они увидели, что реку переплывает медведь. Возникла у всех мысль добыть зверя. Но каким образом? Один из них сказал: «Сейчас я его топором по башке и дело в шляпе». «Давай, бей» — согласились остальные. Рулевой направил лодку в сторону медведя. Когда она поравнялась со зверем, желающий его прикончить одним ударом не успел поднять топор, как медведь оказался в лодке. Наступило секундное замешательство. А медведь, не теряя времени, стал выбрасывать рыбаков из лодки. Один из них успел сам сигануть в воду. Когда лодка оказалась пустой, зверь прыгнул в воду и поплыл к ближайшему берегу. Рыбакам еле удалось спастись, а затем долго еще лечили раны от когтей медведя. Впредь будут умнее.

Развлечения медведя. Когда медведь сыт и его никто не беспокоит, он не только отсыпается и отдыхает, но и развлекается. Так, в горах, в крутых местах, он любит сбрасывать с высоты крупные камни и наблюдает, как они увлекают за собой большое количество других камней. С высокого песчаного берега реки он любит кататься. Найдя сломанное дерево, медведь извлекает из расщепленной части дребезжащие звуки и внимательно слушает. Особенно с интересом такие концерты устраивает медведица для себя и медвежат. Часто летом медведь не только переплывает речки, озера, но и любит поплавать в разных положениях. Или заходит у берега в воду и бьет лапами по воде.

Один охотник на реке Таз рассказывал мне следующую историю. Отошел он недалеко от поселка Толька, ружья с собой не было. Неожиданно столкнулся, как говорится, нос к носу с медведем. Бежать нельзя. Первая мысль была заорать во все горло, но дыханье оказалось какое-то поверхностное, сдавленное. Решил просто стоять и ждать, что будет. Медведь без особого труда вывернул большой пень и стал его бросать в охотника, то с одной стороны, то с другой. Охотник уклонялся от летящего снаряда. Когда медведю это занятие надоело, он удалился в тайгу. На мой вопрос и сколько раз бросал пенек, он ответил: раз пятнадцать, а, может, и больше. Когда, говорит, домой пришел, долго колотун бил, и страх долго держался в голове, хотя он был охотник-профессионал, опытный таежник.

Обед медведя. Мой друг, Виталий Титлов, большой любитель природы, заядлый рыбак. На выходные дни он с

Николаем Петровичем из Норильска отправляются на моторной лодке, обычно на какую-нибудь речку или на одно из озер Норило — Пясинской системы. Однажды в августе, когда тундра демонстрировала свое многоцветье с преобладанием желтых, оранжевых, сиреневых, красноватых тонов, которые дополнялись расцветкой спелых ягод — голубики, брусники, черники, шикши, они остановились на хорошо знакомом им месте на озере Глубоком. Переночевали в палатке. Утром друзья успешно порыбачили. После завтрака Виталий решил сходить пособирать ягод. Рассчитывая вернуться не скоро, он в рюкзак уложил харчи, котелок, миску, кружку. В пластмассовом ведре поместил «комбайн» для сбора ягод. Проверил наличие в кармане спичек в водонепроницаемой упаковке, удостоверился, что нож в ножнах находится на ремне.

Вот, что далее мне рассказал Виталий:

— Добрался я до черничного пояса и стал «комбайном» собирать ягоду. Несмотря на то, что я использовал при сборе ягод техническое средство северян, ведро медленно пополнялось. Когда, наконец, удалось его наполнить на две трети, я обратил внимание, что солнце поднялось высоко, что тело, истомно, требует отдыха, что настало время подкрепиться. Я осмотрелся вокруг. Невдалеке на террасе облюбовал местечко для отдыха. Перетащил туда ведро с ягодой, освободил спину и плечи от рюкзака. Достал из него содержимое.

Развел костерок, подвесил над ним котелок с водой, чтобы попить чайку. Накрыл скатерть-самобранку: на кусок целлофана выложил колбасу, сало, два огурца, два помидора, полбуханки хлеба, сахар, чай в пакетиках, соль в баночке из-под поливитаминов. Колбасу, сало, хлеб порезал и оставил на целлофане, а огурцы и помидоры порезал в миску, посолил и перемешал. Метрах в четырех заметил хороший сушняк. Подумал: «Пока не приступил к трапезе, надо его подтащить к костру». Пошел, подобрал сушняк, направился к костру.

Неожиданно около обеденного «стола» появился медведь. Я обмер. Ноги присосались накрепко к земле. Я не мог шевельнуться. Медведь между тем осмотрел местность и приступил к трапезе, не обращая на меня внимание. После того, как съестное окончилось, медведь подошел к ведру с ягодой. Опрокинул его и стал употреблять ягоду. Десерт пришелся ему по вкусу: он долго чавкал и чмокал. Когда с ягодой было покончено, он сел и задумался. Ко мне вернулся дар речи и неожиданное наглое спокойствие. Я довольно твердым голосом сказал:

— Поел, теперь уходи.

Мою фразу он выслушал внимательно и в одно мгновение скрылся. Я же, прихватив вещички, отправился на нашу стоянку. Эту встречу с медведем я запомнил навсегда.

Н. РЫМИН, А. ЛЮТКИН.
Нижегородская область.
Фото А. Люткина

Мы, охотники Заветлужской лесной северной части Нижегородской области, несказанно порадовались, открыв очередной 11-й номер нашего любимого журнала «Охота и охотничье хозяйство» за ноябрь 2012 года. И очень благодарны редакции за полезную для нас публикацию, которая сразу стала отскериваться теми нашими собратьями по увлечению, которые Ваш журнал по той или иной причине не выпысывают.

А дело в том, что в этом номере опубликована статья под строгим научным заголовком «О чутье и его влиянии на другие элементы работы гончих», который, возможно, и смутил неподготовленного к усвоению научных трудов охотника. Но если только он возьмется читать статью, то сразу и до конца с удовольствием осилит ее и не раз, если только он гончатник, будет к ней возвращаться.

Написана она человеком, имеющим глубокие научные познания в области охотничьего собаководства и огромный опыт охотника. Человеком, умеющим прекрасно сочетать и связывать научную терминологию с исконно русским охотничьим языком, что заставляет нас вспомнить славные классические имена А.А. Черкасова, С.Т. Аксакова, Л.П. Сабанеева — гордость нашей охотничье-художественной литературы.

Для нас эта статья особенно авторитетна — она написана нашим другом Александром Семеновичем Стручковым, проживающим в «северной столице» охотников Нижегородской области — в городе Урень. Другом, учителем, наставником в охотничьих делах, примером в жизни и деятельности, чутким, заботливым, добрейшим человеком, замечательным охотником и экспертом по породам и испытаниям гончих. Трудно поверить, но это факт, своей статьей в журнале, а также участием в составе экспертной комиссии в первых январских (до сего времени в этом периоде года они у нас не проводились) испытаниях лаек по вольерному кабану и подсадному медведю Александр Семенович встретил свой 81-й год жизни в бодром, счастливым, жизнерадостном настроении. Не перебрать, сколько он нам сделал добрых услуг, сколько одарил щенками от своей русской гончей Лиры IV, помог вырастить и воспитать из них рабочих собак.

Город Урень — сущая «Мекка» для охотников северных районов Нижегородской области и других соседних областей. Здесь ежегодно проводятся выставки охотничьих собак, круглогодично вот уже 22-й год работает замечательная охотничье-спортивная база в поселке Арья, на берегу пленительного и загадочного Кочешковского озера, которая под руководством бессменного директора, Почетного члена Ни-

Им и возраст будто не помеха

Охотничье-спортивная база п. Арья

жегородского общества охотников и рыболовов, почетного члена Росохотрыболовсоюза Сироткина Сергея Павловича превратилась в достопримечательность не только для охотников. Сюда стали приезжать люди с детьми, чтобы полюбоваться дикими животными, которые содержатся в условиях, приближенных к лесным, оригинальными охотничьими домиками и чистейшим озером, глубина которого достигает 10 метров. И во всех этих охотничье-спортивных мероприятиях Александр Семенович бессменный участник, помощник и эксперт.

Вкратце о его жизни. Родился и жил до 20 лет в Башкирии, где закончил медучилище. Служил на флоте в качестве фельдшера. После службы закончил Горьковский педагогический инсти-

тут, получив специальность преподавателя физкультуры и анатомии и физиологии человека. И с 1960 года, в течение 32 лет, преподавал в Уренской общеобразовательной школе, отдавая себя также увлечению охотой, содержанием и разведением гончих собак, стал экспертом, увлеченным этой наукой и практикой.

Он — Почетный член Нижегородского общества охотников и рыболовов, Почетный член Росохотрыболовсоюза. Его знают не только в нашей области, но и далеко за его пределами. Ведь в Арья раз в году съезжаются на состязания охотничьих собак охотники из многих областей и поволжских республик, из Подмоскovie и ближнего Зарубежья — стран Балтии, Молдовы, Белоруссии, Украины.

На испытаниях лаек в Арье бок о бок работали два профессиональных эксперта, друга. Приехал на них и эксперт по породам и испытаниям лаек с 1974 года Алексей Васильевич Уланов, проживающий в соседнем Краснобаковском районе. Благодаря именно им, двум экспертам — старжилам и Сергею Павловичу Сироткину, Урень и стал местом регулярных встреч охотников из разных мест, желающих проверить врожденные рабочие качества своих четвероногих помощников. На таких встречах владельцы собак знакомятся друг с другом, обмениваются координатами для дальнейшего общения.

Их совместная работа длится уже почти 30 лет. Алексей Васильевич — сверстник Александра Семеновича. Вся разница в их возрасте ровным счетом одна неделя.

Когда думаешь об многолетних устремлениях трех уже пожилых людей — Сергею Павловичу Сироткину, отсчитывающему охотничий стаж с 16 лет, до основания и открытия базы в Арье работавшего председателем правления Уренского районного общества охотников и рыболовов, охотника-медвежатника, на счету которого 54 трофея, идет 64-й год. Он сам заводчик западносибирских лаек, которые не раз выступали на выставках и состязаниях различных уровней и занимали призовые места и высокие полевые дипломы.

Хочется в заключение поздравить наших ветеранов охотничьей кинологии и замечательных людей с 81 годом жизни, пожелать им здоровья и продолжения участия в столь полезном для нас охотников деле. А редакцию любимого нами журнала еще раз поблагодарить за исключительно доступную и полезную публикацию статьи А.С. Стручкова о гончих.

Эксперт Уланов А.В. на ринге ЛЗС

Стручков А.С. на ринге русских гончих

Как мы барона Ротшильда обстреляли

М. КАЛИНИН, заслуженный работник охотничьего хозяйства России

Как-то я по заданию журнала «Охота и охотничье хозяйство» поехал в Чехословакию. В поезде Москва — Прага я доехал до города Жилина, где меня встретил Радо. Дальше, в столицу Словакии — Братиславу, мы ехали на его «шкоде» по живописной долине реки Ваг. Радо, под моим руководством, защитил в Лесотехнической академии диссертацию по охотоведческой тематике и был хорошо знаком с охотничьим и лесным хозяйством Чехословакии. Он же меня познакомил с Владимиром Пискуном, ответственным работником лесного хозяйства Словакии, русским по происхождению. Конечно, страстным охотником

В Братиславе я поселился в доме на улице Пекна-Цеста — Красивая Дорога, откуда в дальнейшем совершал автомобильные поездки по всей стране, знакомясь с охотничьим хозяйством. Отчет о моей поездке был напечатан в № 1 журнала «Охота и охотничье хозяйство» за 1990 г. под названием «Девять тысяч километров по Чехословакии».

Охота в Чехословакии богата историческими традициями, имевшими в основе австро-немецкие корни. Главные объекты охоты: благородный олень, кабан, муфлон, косуля, заяц русак, фазан, серая куропатка. Я получил полное представление об охотничьем хозяйстве Чехии, посетив многие охотхозяйства, за исключением Западной Чехии. Оставалось познакомиться с иностранным охотничьим туризмом.

Как-то вечером я сидел у себя на Пекна-Цеста и записывал впечатления в дневник. Вошел взволнованный Радо — «На охоту в Ческе-Будеевице приезжают немцы. Надо быть там к 9 часам утра».

Марина Цветаева в свое время писала:

«Прокляты — кто занял
Тот смиренный край
С зайцами и ланями,
С перьями фазаньими».

Настали другие времена, и немецкие охотники приехали за «перьями фазаньими». Сунуть фотоаппараты и блокнот в рюкзак и надеть резиновые сапоги — минутное дело. И вот уже фары нашей машины высвечивают ельники на склонах вдоль дороги. В полночь проезжаем кордон лесника Фалты. Это знакомый Радо, поэтому рискуем заехать к нему на чашечку кофе. Заспанный, но радужный, Фалта проводит на кухню и усаживает за стол из широких дубовых плах. Привязанный за окном заяц привлекает мое внимание. Фалта хотел угостить зайчиной (русака весом 3,7 кг он добыл на коллективной охоте), но воспользоваться его предложением не было времени. Передохнув и подкрепившись кофе с кнедли-

Черный фазан

ками, мы помчались дальше и к утру были на месте предполагавшейся охоты. Точно к 9 часам на двух шикарных «мерседесах» подъехали немецкие охотники. Им представили персонал охотничьего хозяйства. Когда дошла очередь до меня, немцев спросили, не будут ли они против, если корреспондент русского журнала «Охота и охотничье хозяйство» поснимает сцены охоты? В разговоре было упомянуто, что сам корреспондент из Ленинграда. Тут ко мне подошел пожилой немец и сказал по-русски: «Я вас осаждал два года, а потом ваши Берты¹ устроили нам такую Вальпургиеву ночь², что пришлось бежать, но tanks нас перехватили и мы попали в плен. Там я и выучил русский язык». «А Вы охотник?», — переходя от воспоминаний, спросил он. «Страстный». Он обратился к своим компаньонам. Те согласно закивали головами. «Мы приглашаем Вас охотиться вместе с нами». Чеши принесли новый бокфлинт «Зброевку», и мы отправились в угодья. Немцы пересели из своих лимузинов в УАЗы лесничества, а я с лесниками-егерьями — в автобус. Вскоре мы подъехали к развалинам то ли замка, то ли монастыря. Перед его каменной оградой расстились поля с кустарниками.

¹ Длинная Берта — немецкая крупнокалиберная сверхдальнобойная пушка, из которой немцы обстреливали Париж во время первой мировой войны.

² Вальпургиева ночь — шабаш ведьм на горе Броккен (из «Фауста» Гете).

Стрелковая цепь состояла из семи немцев и меня. За каждым немцем стоял егерь-чех, который держал второе ружье и перезаряжал первое после выстрела. Шеренга загонщиков медленно шла по полю. Между ними шныряли собаки, выпугивая фазанов. Их было много. Одиночками, парочками, стайками они летели к стрелковой линии. Тут, за оградой стояли деревья, перед которыми фазаны, подлетая, набирали высоту. Стрельба становилась непростой, но выстрелы гремели один за другим. Битую дичь относили в автомашину. Среди фазанов попадались, невиданной мною раньше, особи черной окраски. Загон продолжался не более получаса, потом переезд на новое место. Край кукурузного поля. Невидимые загонщики его прочёсывают, а из кукурузы летят фазаны. Я, любезно приглашенный, стесняюсь стрелять часто, хотя здесь стрельба простая — птицы летят почти на штык. Фотографирую. Рассматриваю черных петухов. Они необычно элегантны. Те же красные брови, но, словно вороненое, блестящее, черное оперение с синеватым отливом. Необыкновенно красиво. Я пытаюсь вспомнить описание фазанов в фундаментальных работах по куриным птицам М.А. Кузьминой (1977 г), Р.Л. Потапова (1987), Е.В. Козловой (1990). Кстати Елизавета Владимировна Козлова была супругой Петра Кузьмича Козлова (1863 — 1935) — верного спутника и друга Н.М. Пржевальского. От Елизаветы Владимировны мне перешли патроны к дымному штучеру Пржевальского. Патроны были в упаков-

ке из синей плотной бумаги, на которой рукой великого землепроходца было написано — «новья». Но ни в одном из этих справочных изданий по куриным нет упоминания о черном фазане. Я охотился на фазанов во многих регионах Европы и Азии. Фазаны с наиболее темной окраской попадались в долинах рек Амударьи и Пянджа. Это так называемый таджикский подвид, у которого петухи отличаются черной окраской, с зеленоватым (металлическим) отливом, груди. Всего в пределах бывшего СССР насчитывалось 13 географических форм-подвидов фазанов, к которым нужно еще прибавить гибридную форму — охотничьего фазана. Именно охотничьего фазана в огромных количествах разводят в охотничьих хозяйствах Европы. В Англии это количество доходило до 6 млн. птиц, и всех в период охоты выпускали «под ружье».

Много позже из монографии американского (французского происхождения) орнитолога Жана Теодора Белакура — «Фазаны мира» (1951) я кое-что узнал о черном фазане. В 1925 г. японский орнитолог Масауджи Хашикура увидел в Англии фазанов с необычайной черной окраской. Оказалось, что они в Англии известны еще с XIX в. и не являются продуктом искусственного выведения — гибридами. Скорее всего это мутанты, хорошо приспособившиеся к условиям существования без скрещивания с номинативной формой.

В юности при посещении музея Александра III (ныне Русский музей) меня

поразил белый фазан, занимавший центральное место в картине «Битая дичь» анималиста, академика Санкт-Петербургской академии художеств Ивана Фёдоровича Грота (1717—1801). Дотошный «зверописец» изображал животных точно, не желая придавать им излишне красочный вид, чем часто грешили западные художники. Нет сомнений, что белый фазан был нарисован с натуры. Вопрос лишь в том, был ли этот экземпляр единственным альбиносом или егерям императрицы Елизаветы Петровны удалось получить такого необычного гибрида.

Французы в 1983 г. пытались развести черного фазана в департаменте Жиронда, под Бордо. Черный фазан не подвергался поглотительному скрещиванию и не убывал в числе, но французам так и не удалось довести их численность до количества, позволявшего охотиться на них. А вот чехословацким охотоведам это удалось: на каждый десяток отстрелянных птиц приходилось 1—2 черных фазана.

Во время охоты наблюдал такую картину. Фазан сел в куртину некоси. Пустили фоусек. Пес ходил, ходил по куртине размером чуть больше теннисного корта, но фазана поднять так и не смог. Птицу выгнал егерь. После моего выстрела фазан свалился в озеро, проломив ледок. Тут фоусек проявил себя во всей красе: он подплыл, разбивая лед, к птице и вынес ее на берег. Я стрелял хорошо, но стрельба по одиночным птицам казалась мне слишком простой. Тогда я перешел на

дуплетную стрельбу по двум черным петухам. Когда охота закончилась, ко мне подошел высокий баварец и, хлопав по плечу, сказал: «Зер гут! Хэтценауер!» Старый немец объяснил: «Он сравнивает Вас с Матиасом Хэтценауэром, лучшим немецким снайпером, награжденным Рыцарским крестом».

За день сделали 7 загонов. После этого всех привезли на красивую поляну, окруженную старыми раскидистыми дубами. На траву были выложены фазаны. Каждый десятый выдвинут из ряда. Тут же немцам был выписан счет на оплату отстрелянной дичи, которую тут же увезли в холодильник. Охотник имел право получить трех птиц бесплатно, остальные — за деньги. Всего было отстреляно 2000 фазанов в первый день и еще 1000 — во второй. Рекорд известной «императорской» охоты барона Ротшильда был побит. История охоты, организованной Ротшильдом, на фазанов такова: в XIX в. семья банкиров Ротшильдов имела огромное состояние. Их называли хозяевами Европы. Франкфуртский банкир Майер Ансельм Ротшильд разослал своих сыновей по европейским столицам. Натан Ротшильд возглавлял банк в Лондоне, Соломон — в Вене, Яков — в Париже. Через эти банки проходили все крупные займы государств, образовавших коалицию против Наполеона. В конце XIX в. влияние Ротшильдов стало падать. Тогда Абрахам Беньямин Ротшильд, сын Якова Ротшильда, решил потратить императору Наполеону III и устроил для него грандиозную охоту. Фазанов скупали где только можно. Императорская охота удалась на славу. Было отстреляно 900 фазанов. Это был рекорд! Наполеон остался доволен, и дела нового барона пошли на поправку. Такие факты охотничьей истории Европы.

Я спрашиваю немца, нравится ли им такая охота? После некоторого раздумья он отвечает, что они выезжают на такую охоту только раз в году и, слава Богу, что есть еще такие страны, где можно сравнительно недорого пострелять. Я печально киваю головой, такая охота не по мне. Лицо старого солдата тоже мрачнеет. Жив ли старый охотник? Наверное, нет. Его кости покоятся где-нибудь в лесах Франконской Юры.

До сих пор жалею, что не взял пару этих Жар-птиц. Дома сделал бы чуело и любовался их необыкновенно элегантным видом — красные брови, словно вороненое, блестящее, черное, с синеватым отливом, оперение. Ну до чего же они красивы!

Охотничьи фазаны — добыча

Наш адрес:

101990, Москва, Милютинский переулок, д. 18А, 13 офис

Тел. 8(495) 628-25-57

Русская охотничья кулинария

Е. ЦЕЛЫХОВА

Традиция приготовления пищи занимает важное место в системе культуры любой страны, а так называемая традиционная кухня, по сути, является прямым отражением природных, бытовых и социальных условий, в которых существовала и существует какая-либо человеческая общность.

Сегодня все больше ученых — историков, культурологов и лингвокультурологов — обращаются к исследованию проблемы традиционного питания. Попробуем и мы узнать о том, какая традиция приготовления мяса диких зверей и птиц существует в нашей культуре, в каком виде она существовала у наших предков.

Каждый из нас, наверное, хотя бы раз испытывал горькое чувство, понимая, что долгожданный трофей — будь то утка или кабан, испорчен неумелым приготовлением. Да, вполне съедобен, да, жуется неплохо; а вот колорит и своеобразный вкус и аромат дичи безвозвратно утрачен. Как ни прискорбно это сознавать, но большинство из нас совершенно не интересуется дальнейшая судьба добытой дичи, и тушки равнодушно препоручаются для приготовления совершенно не заинтересованным людям, которые одинаково приготовят что курицу, что утку. Возможно, стоит винить в этом эпоху советского дефицита, приучившую нас к «гастрономическому минимализму», но чаще всего простую неинформированность большинства из нас о наличии в исконной русской культуре своеобразных традиционных рецептов приготовления дичи — от простых, до самых замысловатых, способных удовлетворить вкус взыскательных гурманов. Русская охотничья кухня имеет столь же давнюю традицию, что и сама охота.

Еще русские князья «ловы деяли» не только для потехи, но и для обеспечения своих приближенных мясной провизией, к примеру, по свидетельству Ипатьевской летописи, галицкий князь Даниил Романович, идя со своим войском до Грубешова, лично убил несколько кабанов, которых отдал войнам для пропитания в пути. Князь Святослав, отличавшийся особой неприхотливостью, во время своих походов не брал с собой ни котлов, ни обозов и питался преимущественно тонко нарезанным и печеным на углях мясом — простой исконно воинской пищей. Вообще мясо употребляли изначально тремя способами — вареным в супах, тушеным, или верченым (жареным на вертеле). Наиболее популярными объектами охоты на Руси, по свидетельству Н. И. Кутепова (автора книг «Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси»), являлись две группы охотничьих зверей: промысловые (прельщавшие ценностью своих

мехов) и охотничьи (ценных сложностью своей добычи).

Именно представители второй группы (кабаны, лоси, олени, дикие козы, зубры и туры) чаще всего и украшали впоследствии княжеский стол. В пищу употреблялось также мясо медведя, зайца. Более позднюю интересную классификацию охотничьих животных можно найти у А. А. Черкасова: он разделяет их на хищных и «снедных». Если зверя употребляют в пищу православные или «инородцы» (представители местных коренных народов), то он относится к съедобным, если нет, то к хищным, как, например, тушканчик, который «пищу не употребляется даже здешними (восточносибирскими — прим. авт.) инородцами».

Крайне своеобразно, с точки зрения современного охотника, выглядят и списки представителей птичьего племени, подававшихся на великокняжеский стол. Немецкий дипломат и путешественник Герберштейн, посетивший Москву в 16 веке, упоминает подачу гостям жареных журавлей. В «Домострое» сохранились также свидетельства о наличии и более своеобразных блюд: из лебедей, цапель (!), уток, гусей, тетеревов, рябчиков, куропаток и... жаворонков, достойной приправой к которым служили шафран, перец, лук, уксус и соль: это лебеди с потрохами лебяжьими, лебеди на меду и шейка лебяжья с шафраном, которая подавалась с жареными в масле ломтями калачей, журавли и цапли с подливой шафрановой или с пряным зельем, почки зайчьи с простой подливой, зайчатина заливная, в лапше или с репой, зайчатина в латках (глиняных плоских с прямыми крутыми боками), соленая, верченая и печеная, заячьи пупки, почки и печень, карвави с зайчатинной, заячьи печень и мозг в латках, похлебка тетеревиная или утиная, языки лосиные, тетерева с шафраном, рябчики со сливами, утки с огурцами, гуси с пшеном, мозги лосиные, осердье лосиное крошеное или заливное, лосиные губы и прочее. На бракосочетании царя Алексея Михайловича, помимо всего прочего, были поданы «папарок лебядиный с шафрановым взваром», «ряб окрошиван под лимоны» и блюдо жаворонков.

Характерным явлением в русской кулинарной традиции было стремление подать дичь целиком — неделимым крупным куском — целым растением, животным или птицей, что объясняет отсутствие исконных русских рецептов котлет, паштетов и прочих блюд из фарша. На пирах, отличавшихся редким роскошеством блюд, могли подать целого запеченного оленя или несколько сотен перепелок на одном подносе. Исключения составляли только внут-

ренности животных, которые как бы обособила уже сама природа.

Однако нужно отметить, что мясо, а в особенности дичь, с христианизацией Руси и дальнейшим изменением общественно-политического строя, простым народом в пищу употреблялось довольно редко — не только из-за большого числа общих для богатых и бедных постных дней, но и из-за того, что его просто было негде взять: скотину резали редко, так как вся она, за исключением свиней, давала какой-либо дополнительный ценный продукт (молоко, яйца, шерсть). Кроме того, среднестатистический крестьянин в средней полосе, как правило, не охотился, и поэтому примеров традиционной охотничьей кулинарии в кухне простого народа почти нет. С 12 века православная церковь ввела ряд запретов на мясную пищу: запрещалось есть дичь, пойманную с помощью силков, медвежатину и бельчатину, что еще больше ограничило потребление дичи, поскольку, если средневековый крестьянин в Европе браконьерил именно с помощью силков, то наши соотечественники лишались и такой возможности.

Добыча же зверопромысловника большей частью шла на продажу: об этом свидетельствует хотя бы постоянные ссылки А. А. Черкасова («Записки охотника Восточной Сибири» 1867 — 1884 гг.) на выгоду, которую можно было извлечь из каждого добытого зверя. Та часть мяса, которую охотник оставлял себе, готовилась, как правило, очень незатейливо по примеру наших предков славян-язычников: вареным в похлебке или жареным на костре, исходя из принципа «быстро и сытно». Часть добытого мяса коптилась или вялилась — как правило, небольшими кусками.

В Сибири набор дополнялся блюдами, заимствованными у туземных народов: строганиной, жареным оленьим хвостом и т. д. Традиционное русское кушанье — холодец, также могло приготавливаться из дичи. Еще совсем недавно, описывая быт охотников Приамурья, В. Сысоев упоминал праздничное блюдо охотничьего стола: холодец из медвежьих лап.

Из-за заимствования западноевропейских кулинарных обычаев и нравов с начала петровской эпохи в обиход вошли множество новых (французских, немецких, шведских) принципов приготовления блюд: использование фарша, голландских сыров в сочетании с солониной и т. д. Под влиянием французского повара Мари-Антуана Карема, для которого пригласивший его в Россию Багратион собрал штат лучших крепостных поваров, в русской кухне появились блюда из нарезанного мяса,

отбивные, бифштексы, антрекоты, салаты, различные виды закусок (в которые был удачно вписан ряд исконных русских блюд (мясных, грибных, рыбных). Теперь дичь можно было не только жарить на вертеле или томить в печи, но и готовить на плите с духовкой в кастрюлях и сотейниках.

Конечно, большинство старинных рецептов до наших дней не дошли, однако некоторые способы приготовления дичи можно почерпнуть из до-революционных кулинарных книг и охотничьих руководств. Вчитываясь в них, невольно вспоминается отрывок из стихотворения Маяковского: «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй!» А подавали еще совсем, по историческим меркам, недавно тех же рябчиков следующими способами: жареными, в сметане, по-любительски (с анчоусами и мускатным орехом), фаршированными, с трюфелями. И ими меню далеко не ограничивалось: в распоряжении ценителей оказывались также винегрет, заливное, майонез, волован (дичь с рисом и сыром под соусом), кнель (что-то типа фрикаделек в бульоне) и суфле из дичи, жаренные, фаршированные и приготовленные обыкновенным способом (жареный в масле и с картошкой) тетерев или глухарь, бекас жареный в масле, под соусом или в гренках, перепелки по-венгерски, голуби с каштанами и многое, многое другое. Имелись также рецепты, которые, с современной точки зрения, выглядят несколько странными: к примеру, све-

убитую дрофу перед приготовлением надлежало вместе с перьями не потроша закопать на два дня в землю на глубину не менее 1 аршина (71,12 см), после чего откопать, ошпарить, выпотрошить и еще сутки держать в маринаде. Предлагалось также попробовать блюда из свиристелей, воробьев и тура!

Некоторые подобные рецепты действительно сложны в исполнении, однако есть среди них вполне доступные и понятные, демонстрирующие основные принципы обращения с каждым видом дичи.

Вот несколько примеров.

Зайцев по праву можно назвать одним из древнейших предметов охоты. В одном из первых «Кинегетиков» охоту на них описывает греческий историк Ксенофонт, их изображения найдены при раскопках захоронений под Никополем, одна из фресок Софийского собора в Киеве представляет сцену соколиной охоты на зайца. Травлю этих зверьков на охотах Василия Третьего описывает и вышеупомянутый Герберштейн. На протяжении всей истории существования охоты на Руси зайца добывали всеми известными способами: ловили тенетами, капканами, самоловами, травили борзыми, стреляли из ружей, очевидно, не только ради простой потехи и теплой шкурки. Однако употребление зайчатины в пищу отличалось некоторым своеобразием: по свидетельству С. Т. Аксакова, зайцев употребляли не везде или, в лучшем случае, не целиком, а только

заднюю часть тушки. Аналогичной точки зрения придерживаются и авторы рецептов. Вот один из них: «В зайце обыкновенно берется только задняя часть, а голова, грудь и ноги, как жилистые и безвкусные, не употребляются. Охотники, хоть и варят из них похлебку с примесью овсяных круп, лука и перца, но нельзя сказать, чтобы это было особенно вкусно» (П.Ф. Симоненко, «Образцовая кухня» 1892 г.) Перед приготовлением чаще всего рекомендуется поддержать зайца около суток в воде с уксусом или без, тщательно удалить все пленки, нашпиговать салом и готовить далее по одному из выбранных рецептов. Например «под соусом»: зайца разрезать на куски и замочить с вечера в слабом уксусе. Утром положить в кастрюлю 2 ложки масла, две ложки муки, влить стакан красного вина и стакан воды, добавить перца, соли, шпика (1,5 фунта, т.е. 620 г), несколько луковичек сорта шалот, обжаренных в масле, и шампиньонов (10—15 штук). Зайца потушить в этом соусе (при желании предварительно обжарив).

Водоплавающая дичь также была в большом почете, ибо «серых уток пострелять» выезжали не только сказочные богатыри, но и вполне исторические персоны: императрицы Елизавета Петровна (предпочитавшая, однако, псовую охоту), Екатерина Вторая (охотившаяся с подхода на лодке, а позднее с ловчими птицами) и многие другие. Готовить же диких гусей и уток предполагалось также как и домашних: гуся — жарить на вертеле, готовить в ябло-

Пир царя Алексея Михайловича с ближними боярами в отъезде поле

А.П. Рябушкин.1897 г.

ках с кислой или свежей капустой и без оной, подавать вареным или с гречневой кашей; уток — жареных, с каштанами, с рисом, под соусом, с груздями, каперсами, красным вином, однако их, также как и зайцев, перед приготовлением рекомендовалось положить на 10—12 часов в уксус или маринад. К примеру, «утку с красным вином» можно приготовить из простых и доступных продуктов: на одну утку требуется около 500 мл бульона, несколько корней (петрушка, сельдерей и т.д.), цедра с полтора лимона и отдельно пол-лимона, 2 трюфеля, соль, две ложки муки, стакан красного вина, «10 золотников сухого бульона» (можно просто проигнорировать — кубики не подходят абсолютно). Утку томят в кастрюле, потом вливают 1 стакан мясного бульона, кладут лук, корни, цедру, трюфели и соль, томят еще 30 минут, после чего утку вынимают, разбирают на части, к оставшемуся соусу прибавляют обжаренную докрасна муку с маслом, подливают стакан красного вина и сок из половинки лимона. Части утки кладут в получившийся соус, еще раз хорошенько кипятят и выкладывают на блюдо.

Лесная дичь (глухарь, тетерев, рябчик, голубь, дрозд и вальдшнеп) издавна использовались для приготовления кулинарных шедевров, таких, к примеру, как глухарь жареный, фаршированный, голуби тушеные, под соусами, с каштанами, с трюфелями и так далее, однако известны некоторые нюансы их предварительной подготовки: дабы избежать крайне своеобразного «хвойного» вкуса старого глухаря рекомендовалось дать тушке «дойти» выдержав ее 2—3 дня в холодном месте, а затем 10—12 часов подержать в маринаде. Интересен также способ жарки рябчика: его, как и некоторую другую мелкую дичь (включая бекасов), не нашивывали через надрезы, а обвязывали шпиком, после чего их можно было просто обжарить в сливочном масле и обсыпать сухарями, или же нафаршировать протертой через сито смесью из 3 анчоусов, 1 ложки масла, ста граммов белого хлеба, молотого перца и мускатного ореха и также пожарить («рябчики по-любительски»).

Состав степной или полевой дичи, употребляемой для приготовления блюд, еще в 18—19 веках значительно отличался от теперешнего. Для приготовления блюд использовались не только куропатки, коростеля, перепелки и кроншнепы, но и дрофы, журавли, стрепеты, свивки. К примеру, С. Т. Аксаков считал молодого журавля не только съедобным, но и очень вкусным, наиболее пригодным «для фарша в паштет и для окрошки». Куропатки могли быть приготовлены томлеными в сметане или под соусом из каперсов, лимонов и белого вина.

Совершенно особое отношение у охотников — гурманов 19 века вызывали так называемые «бекасиные по-

роды»: бекас, дупель, вальдшнеп и гаршнеп. Только они, благодаря «необыкновенной деликатности своего вкуса», приготавливались непотрошеными. У того же Аксакова мы находим увещевание. «Нет никакого сомнения, что выкидывая внутренность из птицы, мы выкидываем самые жирные и вкусные части». Он же предполагает особо брезгливым промыть предварительно вынутые из птицы потроха, а потом зашить их обратно, или же «изрубить внутренность птицы и смешать с поджаренным мелко истертым хлебом, с зеленью или какими ни будь пряностями».

Готовить предварительно ощипанную и опаленную птицу предлагалось следующим образом: обернуть тушку шпиком, посыпать особым образом: на одной из сторон птицы (непотрошенной) делался надрез, в который засыпалось немного соли и «всовывался» кусочек трюфеля. Далее дичь следовало положить в кастрюлю с растопленным маслом и зажарить «на половину», после чего влить полчашки бульона и дожарить. Бекасов предлагалось также просто пожарить под крышкой в сливочном масле и подать, не разрезая, прямо в кастрюле. Для желающих испробовать этот рецепт добавлю от себя, что блюдо легко можно приготовить на костре, но огонь ни в коем случае не должен быть очень сильным, а сливочное масло (так как настоящее сейчас найти крайне сложно) стоит заменить на рафинированное подсолнечное (нерафинированное и оливковое «забивают» запах самого бекаса и портят его тонкий своеобразный вкус). При перевозке и хранении эта дичь теряет большую часть своих вкусовых качеств, поэтому насладиться его вкусом лучше всего сразу после охоты.

В советское время в кулинарных книгах также выделялись разделы, посвященные приготовлению дичи, содержащие ряд общих рекомендаций. Однако набор блюд уже значительно упростился: вниманию читателя, как правило, предлагались 3—4 блюда из зайчатины (а именно спины и задних ног зайца): заяц в сметане, заяц жареный и котлеты из зайца, заяц запеченный; дикая утка и гусь тушеные или жареные, куропатки тушеные, тетерева или глухарь (впрочем, как и все виды мелкой дичи) жареные. Крупную дичь рекомендовалось готовить как блюда из домашних животных: мясо косули — как баранину, мясо кабана как свинину. Постепенно количество рецептов еще более сокращалось и охотничья кулинария из некогда процветающего искусства превратилась в разрозненные практики отдельных ценителей.

Культура приготовления дичи — часть нашей самобытной охотничьей традиции, неразрывно связанная с культурой и историей быта русского народа и потому очень обидно осознавать, что она предается забвению в угоду новомодной экзотике.

Трудно поверить, но Петру Ивановичу Данилову исполнилось 75!

Всемирно известный крупный ученый-эколог и зоолог, профессор, доктор биологических наук, «Заслуженный работник охотничьего хозяйства Российской Федерации», «Заслуженный деятель науки Республики Карелия», «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», П. И. Данилов уже 40 лет бессменно заведует Лабораторией зоологии Института биологии Карельского научного центра РАН. Он внес существенный вклад в познание биологии и экологии хищных и крупных копытных млекопитающих и его заслуги в этом неоспоримы. Петр Иванович работал над актуальнейшими направлениями современной популяционной териологии, биоценологии, охотоведения, рационального природопользования и охраны природы. Исключительно велики его заслуги и в промысловой зоологии, разработке оригинальной концепции о динамике численности популяций млекопитающих, играющей ключевую роль в разработке долгосрочного прогноза состояния основных промысловых видов и управления их популяциями. Щедро и разносторонне одаренный природой Петра Ивановича, несомненно, следует считать крупным ученым минувшего века, и одним из наиболее ярких представителей зоологов русской школы новейшего времени.

А начиналось всё с любви к охоте. И это неудивительно: именно первые охотничьи поля пробуждали у многих пытливых молодых людей желание глубже познать природу и её обитателей, и отсюда начинался путь в науку у многих ученых-зоологов. В далеком 1948 г. у 11-ти летнего Пети Данилова появилось первое ружье (ИЖ-5), начались первые охоты и добыт первый же крупный трофей — заяц-русак. И с этого момента его судьба уже была предопределена. С 1955 по 1961 гг. Петр — студент Ленинградской Лесотехнической Академии. Здесь он изучает биологию лесных зверей и птиц и охотоведение. Появляются в его жизни и первые учителя: Ю.Б. Пукинский, О.С. Русаков, Н.В. Проворов, М.П. Альтшуль, В.Ф. Морозов, Е.З. Когтева. Они очень много сделали для становления будущего ученого. Летом 1956 г. Петр отправляется «поднимать» цепуну в Кокчетавскую обл. Казахстана. А там — перепела, утки на мелководных озерах, тысячи гусей на жнивье! И пять тысяч тонн отборной пшеницы на току бригады, которым он командовал. В следующем 1957 г. студент Данилов участвует (на машине, лодках, автобусах, поездах, пешком) в охотхозяйственной экспедиции Западного отделения ВНИИЖП по Северо-западу России. Учеты численности ондатры, бобра и мн. др. Весьма познавательная экспедиция для студента и будущего ученого. В 1958 г. Петр отправляется препаратом

Славный юбилей - слово о друге

Пётр Данилов в молодости

ром в экспедицию, возглавляемую известным орнитологом и знатоком Севера — Георгием Леонидовичем Рутилевским на о. Фаддевский, в Арктику. А после, в 1959—1961 годы, опять учёба, охоты (в 1959 г. добыт первый лось), студенческая практика (Коми АССР), изучение бобров в Карелии, и здесь же первое знакомство с Лабораторией зоологии Института биологии, где потом, с 1961 г., ему предстояло работать всю последующую жизнь. В 1961 г. Петр защищает диплом о реакклиматизация речного бобра на северо-западе России и поступает в Институт биологии лаборантом. Его начальником и наставником (а потом и другом) стал тогда Эрнест Викторович Ивантер — выдающийся ученый, блестящий специалист, отзывчивый, чуткий и добрый человек (ныне — член корреспондент РАН). Появились и новые знакомства с другими видными учеными, в том числе и с профессором Ленинградского университета Г.А. Новиковым, который в будущем станет научным руководителем П. Данилова в заочной аспирантуре, а затем и диссертации. А пока начались у Петра Ивановича разнообразные по тематике полевые исследования по Карелии и соседним территориям, которые давали массу научного материала.

В 1968 г. П.И. Данилов успешно защищает кандидатскую диссертацию по теме «Биология и хозяйственное значение куных в Карелии», и с этого момента начинается интенсивное восхождение юбиляра на научный Олимп. Многочисленные и содержательные публикации, научные форумы, новые назначения (в 1972 г. его избирают заведующим лабораторией зоологии Института) и т.д. И опять экспедиции. Вначале на о. Врангеля, а осенью того же года в Уссурийский край. После возвращения началась и преподавательская работа: Петр Иванович начинает читать курс «Биологии лесных зверей и птиц» в Петрозаводском ун-те. Она продолжается и сейчас. Уже более 20 лет он читает лекции студентам эколого-биологического факультета и руководит их практикой. И, конечно, готовит целую плеяду учеников и последователей. Под его руководством защищено 9 кандидатских и 2 докторских диссертаций.

В середине 1970-х П.И. Данилов устанавливает и активно развивает плодотворные связи с иностранными учеными-зоологами: финнами, шведами, норвежцами, американцами. Результатом явились совместные публикации и продолжающиеся и в наши дни научные проекты. В те же годы появляются и первые крупные публикации. В 1976 г. в соавторстве с другом И. Тумановым (ныне профессор, доктор биологических наук) выходит книга «Куны Северо-запада СССР», а в 1979 г. — монография «Хищные звери Северо-запада СССР», в которой участвует и третий соавтор — О.С. Русаков. Позже эти же три автора напишут региональный очерк о горностае в монографию «Колонки, горностаи, выдра», изданную в Институте географии АН СССР (сейчас — РАН). В начале 1980-х под редакцией профессора Д.И. Бибикова вышла в свет исключительно содержательная и уникальная по обилию оригинального материала монография «Волк», где главу «Размножение» П.И. Данилов написал совместно с А. Кудактиным (сейчас профессор, доктор биологических наук, заслуженный эколог России) и И. Гурским, а в соавторстве с О. Русаковым и И. Тумановым ещё и региональный очерк. Затем были подготовлены главы в «Биологию и хозяйственное использование лосей», региональные очерки в монографии «Медведи» и «Рысь», и ещё много крупных публикаций, в основном о Европейском Севере. Вообще научное наследие (ещё не завершённое) Петра Ивановича не может не впечатлять своими масштабами. Общее число его работ превышает 380, из которых 19 — научные монографии, а более 100 работ опубликованы за рубежом. Издано также более 15-и учебно-методических пособий и научно-популярных книг о природе Русского Севера.

В 1994 г. Петр Иванович защитил докторскую диссертацию «Экологические основы охраны и рационального использования крупных хищников Северо-запада России». Затем получил звание профессора по специальности — зоология. Разумеется, много лет П.И. Данилов выступал и продолжает выступать с докладами на многих научных, в том числе и международных, конгрессах, конференциях, симпозиумах, семинарах и т.д.

Петр Иванович отличается необыкновенной работоспособностью, умением тонко чувствовать и глубоко понимать красоту природы и единство нашего мира. В чисто человеческом плане Петр Иванович — энергичный, коммуникабельный, чуткий и отзывчивый, с утонченным чувством юмора человека с открытой душой и добрым сердцем. И ещё он верный и надежный друг, и, как принято говорить, настоящий Мужчина, — человек недожженного ума, с твёрдым, волевым характером и неудержимой целеустремленностью. Несмотря на свои 75, он полон сил и энергии и далеко не исчерпал свой творческий, научный потенциал. Он продолжает также неутомимо и страстно охотиться, особенно на лося и бурого медведя. (Кстати, П.И. Данилов добыл чемпионского для Европейского Севера медведя — 66.3 балла, и получил несколько золотых медалей (за трофейные рога 3 лосей, черепа 4 медведей, 2 рысей, и одного волка.) Нельзя не сказать, что еще в студенческие годы Петр становится собаководом и всю последующую жизнь верен первой «любви» — дратхаарам.

Юбиляр блестяще владеет охотничьим нарезным и гладкоствольным оружием, отлично водит автомобили и снегоходы и вообще полон задора и оптимизма.

Я ничего не сказал о семье Петра, но это отдельная история. Здесь же замечу, что с женой своей — Ольгой Григорьевной они вместе живут и охотятся более 50 лет, а сын — Григорий Петрович (известный в Петрозаводске хирург) охотник с молодых ногтей.

Пожелаем же Петру Ивановичу крепкого здоровья, дальнейших творческих побед и свершений. В общем — радости бытия и жизненного удовлетворения. Ну, и конечно, ни пуха, ни пера!

Михаил ВАЙСФЕЛЬД
Ведущий научный сотрудник
Института географии РАН,
кандидат геогр. наук

От Гернгросса до наших дней

Сергей КОРОЛЁВ

Сто лет назад, 29—30 августа 1913 года, были проведены XXIV полевые испытания легавых собак «Московского общества охоты Имени Имп. Александра II». Результаты испытаний (по существу состязаний) были опубликованы в журнале «Охотничий вестник» № 17 за 1913 год на стр. 282. «Охотничий вестник» издавался с 1901 года дважды в месяц. С 1 января 1914 года стал выпускаться еженедельно. Но вернемся к испытаниям. По отделу перепольных было записано 34 собаки (выступили 32). Получен один диплом первой степени (96 баллов), шесть дипломов третьей степени, шестнадцать собак расценены без диплома по недостатку чутья, шесть собак остались без расценки общего балла, две сняты за пустые стойки.

По отделу многопольных записаны 29 номеров, получен один диплом первой степени (90 баллов), три диплома второй степени, десять дипломов третьей степени, остальные собаки не расценены. Первый приз (150 рублей) присужден егерю П.Лихачеву, выставившему наибольшее количество награжденных собак.

Нас в первую очередь интересует структура балльных оценок, принятая в то время. Таблица 1.

Потяжка и подводка были в одной графе, указывались через «/». Дрессировка и подача приводились суммарно.

По тем же правилам были проведены X полевые испытания Императорского общества правильной охоты. Как видим, Гернгросс начинал не на пустом месте. Был многолетний опыт испытаний легавых по балльной системе.

Правила испытаний легавых собак по болотной и полевой дичи, разработанные Р.Ф.Гернгроссом и утвержденные Первым Всесоюзным съездом кинологов в 1925 году, сопровождались подробным и всеобъемлющим обоснованием всех положений этих правил. Таблица 2. Это объясняется широкой полемикой в адрес правил, развернувшейся еще до съезда, содержавшей как критику, так и поддержку правил. На все критические замечания Гернгросс попытался ответить в обширном докладе, сделанном на съезде.

В докладе были определены цели испытаний, попытка научно обосновать правомерность балльной оценочной системы испытаний и принципы ее построения, сравнение балльной системы испытаний в одиночку с системой парных состязаний, рассмотрена математическая сторона оценочной таблицы.

Р.Ф. Гернгросс (далее Р.Г.) однозначно указывает на то, что максимальный

Портрет немецкой жесткошерстной легавой — драхтаара

балл за отдельное качество легавой показывает удельный вес (важность, значение) этого качества и одновременно несет информационную нагрузку, чем больше информации и чем она разнообразнее для этого качества, тем больше баллов необходимо для ее описания. Пример — баллы за чутье и за стойку. И то, и другое в равной степени важны для легавой. Но описание и оценка чутья много разнообразнее, чем описание и оценка стойки. Действительно, со стойкой все четко, ясно, однозначно. Высшим баллом оценивается стойка, когда легавая дожидается ведущего и идет на подъем дичи только по команде. Собака сходит со стойки самостоятельно (без команды) при подходе ведущего, оценка за стойку снижается. Минимальный проходной балл на диплом третьей степени дается при подходе ведущего к собаке на расстояние, позволяющее произвести успешный выстрел. Важность стойки для легавой в данном случае определяется не общим количеством баллов за этот элемент, а жесткими ограничениями, которые несет каждый балл, а именно, возможность прохождения на диплом определенной степени.

В дальнейшем Правила претерпели целый ряд изменений и дополнений. Нельзя сказать, что все пошло на улуч-

шение и совершенствование, часто совсем наоборот. К сожалению, эти изменения сопровождались очень слабыми обоснованиями, часто обходились вовсе без них. Кроме того, все «улучшатели» Правил брали последнюю на тот момент версию и работали с ней, не задумываясь как далеко и в какую сторону ушла эта последняя версия от Правил Гернгросса. Попробуем кратко проанализировать структуру Правил, утвержденных в 1925 году. Таблица 2.

Совершенно выдающимся достижением этой работы является точное и по сегодняшнему времени распределение баллов по выбранным качествам легавых, что определяет важность каждого элемента в работе легавой. За прошедшие 85 лет некоторые графы были детализированы, чуть изменена терминология, но значимость отдельных качеств осталась без изменения, что видно из приведенных таблиц. В.В. Курбатов в предисловии к Правилам Гернгросса «Размышления над правилами полевых испытаний и их влияние на совершенствование легавых собак» сопоставил эти две таблицы.

Первая таблица — Правила Гернгросса, вторая относится к Правилам 1939 года, в основном сохранилась до настоящего времени в Правилах 1981 года. Таблица 3.

Чутье стало оцениваться по трем показателям, не разделилось на три составляющих, а именно, оценивается по трем различным показателям: дальности, верности и манере причувания. Суммарный балл за чутье остался прежним — 25 баллов. Быстрота и манера поиска разделена на быстроту и манеру поиска. Р.Г. предлагал расценивать быстроту поиска, т.е. насколько быстро собака ищет. Теперь мы можем говорить отдельно о быстроте хода легавой, так как манеру поиска оцениваем также отдельно. Обе графы совместно и оценивают быстроту поиска.

«Стойкой признается неподвижная, сосредоточенная остановка собаки на ходу с замиранием по направлению к сидящей, затаившейся или приостановившейся на бегу дичи, соединенная со страстным стремлением задержать птицу на месте». Последнее требование в современных правилах, к сожалению, утрачено. Я привожу определение стойки по Р.Г., так как считаю его наиболее правильным, необходимым и достаточным.

Потяжка и подводка оцениваются в Правилах 1981 года раздельно. Р.Г. ратовал за общую оценку по этим двум элементам, так как считал, что потяжка не всегда присутствует в работе легавой, а именно, если последняя точно определила местонахождение дичи, то потяжка не нужна и даже может быть вредна. Однако, если рассматривать потяжку в физическом понимании процесса движения: во-первых, как изменение направления движения, во-вторых изменение скорости движения вплоть до неподвижного замирания на стойке, то один (даже оба) из этих элементов физического процесса присутствуют всегда, даже, когда мы считаем, что потяжка отсутствует. Если не учитывать оценкой длину потяжки, то остается ее четкость и точность.

Расценочная таблица правил, используемых в начале XX века

Таблица 1

Качества легавой	Чутье	Быстрота и манера поиска	Стиль и красота работы	Стойка	Потяжка подводка	Дрессировка подача	Общий балл
Максимальный балл	25	20	15	5	4/11	17+3	100

Расценочная таблица ВСЕКОХОТСОЮЗА

Таблица 2

Чутье	Быстрота и манера поиска	Стойка	Потяжка и подводка	Стиль и красота работы	Послушание (ум и характер)	Общий балл
25	20	5	15	15	20	100

Расценочная таблица ГЛАВОХОТЫ РСФСР

Таблица 3

Дч	Вр	Вх	Бп	Мп	Ст	Пт	Пд	Сх	Сс	Спп	Пс	Пш	Общий балл
10	10	5	10	10	5	5	10	5	5	5	10	10	100

Условные обозначения:

Дч — дальность чутья
Вр — верность чутья
Вх — манера причувания (верх)
Бп — быстрота поиска
Мп — манера поиска
Ст — стойка

Пт — потяжка
Пд — подводка
Сх — стиль хода
Сс — стиль стойки
Спп — стиль потяжки и подводки
Пс — постановка
Пш — послушание

Легавая может с быстрого хода резко сократить скорость и перейти на узкий, продолжающий сужаться, челнок. Эту часть поиска ни в коем случае нельзя отнести к потяжке. Потяжка начинается с началом прямолинейного движения «в сторону дичи». Короче, если разворот с быстрого хода резкий, четкий, сразу закончившейся стойкой, то потяжка заслуживает высокой оценки. Второе, Р.Г. отождествлял потяжку и подводку по крайней мере «в своем внешнем выражении», отличая их только собственно целью этих элементов. В моем понима-

нии это не совсем так. Но об этом далее, т.к. понятие «подводка» требует некоторых комментариев.

Стиль и красота работы «свидетельствуют о кровности, породистости данной собаки и, следовательно, о способности ее передавать необходимые свойства потомству». Стилевые качества в Правилах 1981-ого года разделены на три части: стиль хода, стиль стойки и стиль потяжки, подводки. В части разделения стиля на три показателя возражений как будто нет. К великому сожалению, типичные, стилевые особенности разных пород легавых недостаточно отражены в стандартах.

Наконец, последняя графа у Гернгросса «Послушание (ум и характер)» заменена на «Дрессировку» и разделена на две части «Постановку» и «Послушание». Общее название вызывает некоторое сомнение. Во-первых, дрессировка это не результат, а процесс. Процесс на испытаниях оценивать невозможно. Результатом дрессировки является послушание. Во-вторых, постановка — это результат натаски, а не дрессировки, если общий подзаголовок необходим, на мой взгляд, лучше «Готовность легавой к испытаниям (и к охоте)» либо «егерские баллы». Последнее довольно часто используется в настоящее время.

Попробуем подробнее разобраться, насколько с тех пор сохранилось или, наоборот, изменилось наше понимание существа каждого элемента работы легавой.

Чутье. Р.Г. «Чутье ценится острое, дальнее, верхнее, без утыкания носа в землю, а тем болеековырания в набродях». Тут бы хотелось добавить.

Типичная стойка дратхаара

Чутье, при всем сказанном, ценится верное. В определении дальности чутья в современных правилах есть ряд разночтений. «При определении дальности чутья суммируется расстояние, пройденное собакой на потяжке, и от стойки до птицы». И второе: «дальность определяется и рассчитывается по самым дальним работам собаки, в которых эксперты могут замерить расстояние от места первоначального причуивания до сидки (места взлета) заведомо не бежавшей от собаки дичи». Но начало потяжки далеко не всегда совпадает с местом первоначального причуивания. От места первоначального причуивания собака может двигаться на сокращающемся челноке, или по дуге до начала потяжки, и это могут быть десятки метров. Кроме того, первоначальное причуивание не всегда заметно, оно очень индивидуально. Гернгросс, ссылаясь на профессора Савича, отмечает: «Не следует смешивать «прихватку с потяжкой: прихватка есть заметное (не всегда. — С.К.) для охотника изменение поведения собаки на поиске и первый момент воздействия на нее запаха птицы (или набродов. — С.К.), вызывающий у собаки усиленный ориентировочный рефлекс. Когда же собака переходит на потяжку, то тот ориентировочный рефлекс уже отработан и анализаторская способность, в связи со вторым элементом чутья, со страстным влечением к дичи, переводит ее к потяжке». Поэтому правильнее начинать оценивать дальность от начала потяжки. Р.Г. оценивал дальность чутья «с начального места потяжки». А вот манеру причуивания, на мой взгляд, необходимо оценивать от момента первоначального причуивания (момента прихватки) и до подъема дичи на крыло. Это объясняется тем, что «ориентировочный рефлекс» должен перевести легавую любой породы со следовой работы на работу верхом, с общего поиска на отработку конкретной птицы. В существующих Правилах (1981-ого года) следовая работа, «оканчивающаяся подъемом дичи» штрафует в разделе «верность». Я бы штрафовал за манеру причуивания.

Хотелось бы отметить: в теперешних Правилах хотя и требуется перемещенная птица для дипломирования собаки первой степени, но дальность чутья оценивается по самой дальней работе, а не по работе по перемещенной птице, что совершенно верно.

Р.Г. о перемещенной. «Главное — количество времени, через которое после перемещения происходит работа: чем меньше промежуток времени между перемещением и новой работой, тем меньше птица дает или же успеет уже дать запаха и обратно». И далее: «Да, по перемещенной птице работать труднее, — это мы все знаем, но нельзя из-за этого отказываться от способа, который один дает нам возможность точного определения дальности расстояния работы».

В чем же трудности работы по перемещенной, кроме времени отсидки, которое мы можем определять сами? Кроме тех причин, на которые указывает Р.Г., главным для нас является поведение птицы, особенно в угодьях, где систематически проводится натаска, испытания и состязания. В общем случае, сработавшая легавой или шумовая птица может вести себя следующим образом. Отлететь далеко и приземлиться вне видимости экспертной комиссии. Этот случай для нас интереса не представляет. Второе, после приземления отбежать от места посадки. Третье, сесть и сразу плотно затаиться, практически не давая запаха. Птица может после посадки отбежать и затаиться. Чем больше пресс на дичь работами легавых, тем больше вероятность того, что птица будет вести себя одним из описанных вариантов, что не позволит собаке проявить себя с лучшей стороны, не будет длинных работ, соответствующих чутью, могут быть даже проходы. Там, где собаки работают не часто, поведение птицы в большинстве случаев адекватно — перемещается недалеко и не затаивается. Р.Г. рекомендует дать перемещенной обсесться не менее десяти минут, «если вы пускаете собаку на перемещенного бекаса тотчас после перемещения, **будьте очень нетребова-**

тельны в отношении размера расстояния. Наоборот, через полчаса и позднее вы уже можете подходить с большими требованиями». В.В. Курбатов отмечает: «Перемещенную птицу, которую не всегда можно встретить за день испытаний, тем более создать ее». Хочу обратить внимание на то, что **Р.Г. нигде не утверждает, что в оценке дальности чутья обязательно надо принять работу по перемещенной**, т.к. по ряду перечисленных ранее обстоятельств, эта работа довольно часто не может быть самой дальней, но является все же в некоторой степени контролем дальности работы легавой, и служит опорой для комиссии при принятии решения. Ни в коем случае нельзя принимать во внимание работу по перемещенной, если последняя резко выпадает по качеству из ряда других работ, это свидетельствует о неадекватном поведении птицы. **Отсутствие перемещенной не может явиться причиной не присуждения диплома первой степени**, однако использовать перемещенную необходимо всегда. Я бы советовал для проверки легавой всегда использовать по возможности и свежую сидку. По ней нельзя оценивать отдельные элементы работы, но лишний раз удостовериться в правильности принятых решений вполне возможно.

Классическая работа английского сеттера и его хозяина

Фото И. Фетисова

Необходимо отметить: манеру нести голову в поиске из раздела «Чутье» в последующих редакциях Правил совершенно справедливо перенесли в стиль хода. Стиль хода пороody должен быть четко определен в стандарте.

Стойка. Собственно никаких разногласий по поводу стойки в действующих Правилах и Правилах 1925 года нет. «В стойке ценится ее твердость, т.е. отсутствие движения, страстность, напряженность и неизменность позы затаившей собаки. Ставшая по САМОЙ ДИЧИ собака не должна трогаться со стойки без приказа охотника». Естественно, имеется в виду, что птица затаилась и не движется. Если птица начала отбегать, собака не должна терять ее с чутья, поэтому легавая аккуратно продвигается за птицей без команды ведущего вплоть до нового затаивания птицы. Если после отхода птицы легавая осталась на стойке, что вполне допустимо для собаки с длинным и верхним чутьем, но птица ушла с чутья, легавая до команды ведущего должна сойти со стойки и начать поиск птицы верхом. Если поиск будет следом, хотя бы частично, снимаются баллы за манеру приучивания. Если легавая на стойке дожидается команды на подъем дичи, когда птица все-таки ушла с чутья, она не сможет выполнить команду и должна быть снижена оценка за верность. Посланная на подъем птицы легавая сначала должна ее заново найти и стать. Подоспевший ведущий опять посылает собаку на подачу, но если птица продолжает отбегать — легавая опять не может выполнить команду. Если ситуация повторяется несколько раз, на охоте это помешает стрелку выполнить успешный выстрел. В идеале легавая преследует отбегающую птицу, делая каждый раз стойку по «приостановившейся на бегу дичи». Как только ведущий подоспеет к стоящей на стойке собаке, он отдает команду на подъем. Предлагается собственно подводу выделять от подъема дичи на крыло и требовать от легавой начала самостоятельного (без команды) движения со стойки за отбегающей птицей.

Последний довод в пользу самостоятельного движения за отбегающей птицей, это то, что легавая, оставаясь на стойке после потери птицы с чутья, стоит по пустому, и если птице удалось уйти совсем, легавой справедливо засчитывают пустую стойку

Требования к подводке во времена Гернгросса были несколько другими. А именно, «собака, чующая бегущую птицу, должна вести, пока та не остановится, когда и собака должна стать. Если птица побежала после того, как собака стала, то последняя не должна вести без приказа егера». Возникает вопрос, должна ли легавая вести на чутье бегущую птицу? С моей точки зрения: да и всегда. Собака вела осеннего петуха 100 метров, последний

запал, легавая стала, петух тут же побежал и оторвался от преследования, собака стоит. Для четкости необходимо понимать: такой важный момент, подача дичи на крыло входит в правилах в раздел подводки. А подводу определять не только как подводу по бегущей, а как подводу к затаившейся далеко от стойки птице. И тогда. «Подводка должна иметь место только по приказанию охотника, должна быть плавной и ровной, без задержек и производится с той же быстротой, с какой идет охотник, который не должен приближаться к ведущей собаке БЛИЖЕ ТРЕХ ШАГОВ, а тем более гладить ее или подталкивать рукой или ногой». Собственно подводка имеет смысл при очень дальних работах по запавшей птице. Без этой подводки к затаившейся птице легавая может подать на крыло плавно, мягко, но быстро запавшую птицу, или быстро, резко, даже броском начавшую отходить птицу.

Чтобы правильнее определять ситуацию необходимо выделить и отделить преследование дичи легавой от работы по затаившейся. Преследование может начаться сразу после приучивания, если дичь движется, или с началом движения дичи из-под стойки. Преследуя дичь, легавая может приостанавливаться, идти на потяжке, подводить. Однако все эти элементы работы при преследовании не могут быть законченными и поэтому не могут расцениваться. При преследовании необходимо оценивать верх, начиная с приучивания. Подъем дичи на крыло до команды штрафует, как сталкивание, потеря дичи с чутья — недоработка. Короче, элементы работы, потяжка, стойка, подводка — подача дичи на крыло — имеют определенный и строгий смысл только при работе по запавшей (затаившейся) дичи.

Попутно можем поговорить о пустой стойке. Р.Г. о пустой. «Запах дичи, оставшийся на земле в набродах или на месте сидки, уловленный собакой, может быть ею отмечен лишь посредством замедления хода, легкой потяжкой, самое большое — приостановкой на одно мгновение без малейшего замирания, но никак не стойкой». В действующих правилах 1981 года легавая снимается с испытаний «при допущении трех пустых, твердых, с посылом, стоек». Если хоть один раз не была подана команда на подъем, то и снимать легавую нельзя. Полный бред. На самом деле команда на подводу ничего не доказывает и не объясняет. Стойку (следовательно, и пустую стойку) и стиль стойки определяет и оценивает комиссия, а не владелец собаки. Следовательно, была команда на подъем, или ее не было, не имеет никакого значения. Одновременно отмечу, на потяжке и стойке не допускаются никакие команды, типа: «Стоять», «Балуй» и пр. За команду «Стоять» должны сниматься баллы за стойку, за команду «Балуй» наказывается вер-

ность. На стойке может отдаваться команда только на подъем дичи на крыло, когда ведущий подошел к легавой вплотную. Необходимо осознавать, что команда отдается только на подачу дичи на крыло и никогда на собственно подводу. И еще важный момент: в существующих Правилах нет даже упоминания о пороке в виде отсутствия стойки. Самая плохенькая приостановка (но никак не стойка) оценивается в современных правилах 1—2-мя баллами. Следовательно, отсутствие стойки логично определять как полное ее отсутствие, даже в виде моментальной приостановки. Очень важно уметь разделять «непроявление чутья» от «отсутствия стойки». Если легавая сталкивает птицу близко, менее шести метров по дупелю, очевидно перед нами — «непроявление чутья». Если легавая хорошо приучивается, делает потяжку за шесть метров, без намека даже на приостановку поднимает птицу на крыло, и так при всех встречах с птицами — это отсутствие стойки. А, если птица поднимается в десяти и далее метров от тянувшей собаки, это нахлестанная птица неадекватного поведения, по ней нельзя испытывать, даже засчитывать за встречу.

*Продолжение
в следующем номере*

А.Б. Боголюбский с дратхааром на вальшнепиных высыпках

Фото автора

О патроне 5,6х39

Алексей БЛЮМ

Далекие пятидесятые годы прошлого века, страна еще не оправилась от войны, нужны колоссальные средства, чтобы восстанавливать хозяйство. Необходимо искать дополнительные материальные ресурсы и в том числе, как тогда говорили, в «кладовых природы». Читая рассказы о прошлом, надо отдавать отчет в том, что в те времена охотничьи угодья были гораздо богаче современных, и то, что получала тогда страна от охотничьего хозяйства в виде пушнины, мяса, шкур, жира и пр. позволяло не только лучше снабжать население продуктами питания, но и пополнять валютные запасы страны. Правительством были приняты соответствующие постановления. Но это было только полдела. Необходимо было снабдить охотников-промысловиков подходящим оружием. По старой привычке стали направлять в охотничье хозяйство списанное боевое оружие. Однако интенсификация промысла сразу же выявила недостатки и боевого оружия, и боевых патронов при их использовании в условиях охоты. Изношенные стволы и слабая убийность оболочечных пуль плодили огромное количество подранков, снижая результативность промысла и нанося колоссальный урон популяциям промысловых животных.

В начале пятидесятых годов прошлого века конструктор-оружейник Михаил Николаевич Блюм решил разработать комплекс патронов специально для охотничьих целей. Но на любые новые разработки были нужны деньги, а страна ещё далеко не оправилась от последствий войны, и средств на создание совершенно новых типов патронов не было. В этих условиях конструктор предложил вариант с использованием максимального количества компонентов боевых патронов. Для разработки первых охотничьих патронов были выбраны два калибра — 9,3 мм и 5,6 мм. На лабораторные испытания были первыми поставлены два патрона: 9х53 и 5,6х39. Следует оговориться, что такие обозначения эти патроны получили значительно позже, а сначала они назывались так: охотничий патрон кал. 9 мм или девятимиллиметровый охотничий патрон и охотничий патрон кал. 5,6 мм с высокой начальной скоростью пули. А скорость у второго патрона действительно была высокой — начальная 925 м/с, особенно если принять во внимание то, что ничего подобного наши охотники никогда не видели, а о зарубежных патронах этого класса имели весьма смутное представление, чаще же не имели его совсем.

Нельзя сказать, что М.Н. Блюм был новатором в области разработки высо-

комощного патрона кал. 5,6 мм, на Западе уже были подобные патроны, но даже в США, стране, «помешанной» на оружии, их количество исчислялось единицами. Не считая патрончика Hornet, который можно назвать промежуточным между LR кольцевого воспламенения и высокоскоростными патронами, в США в 1935 году был поставлен на производство .220 Swift (масса пули 3,25 г, V_0 — 1150 м/с), а в 1937 — .219 Zipper (масса пули 3,63 г, V_0 — 950 м/с), однако оба эти патрона не получили широкого распространения, хотя в ограниченном количестве они выпускаются и до сих пор. В Европе первый патрон этого класса был разработан и поставлен на производство в 1937 году с принятым европейским обозначением 5,6х61 Vom Hofe. Он и по сей день считается самым мощным патроном в ряду патронов кал. 5,6 мм. А вот в 1950 году в США появился патрон, которому было суждено стать родоначальником целой группы патронов и популярнейшим боеприпасом этого калибра в Старом и Новом Свете — .222 Remington.

Свой патрон кал. 5,6 мм с высокой начальной скоростью пули М.Н. Блюм начал разработывать в 1952 году. Для его производства была использована гильза от патрона образца 1943 года, который теперь носит наименование 7,62х39, с дульцем, обжатом под диаметр пули 5,63 мм. В 1955 году он уже проходил лабораторные испытания. Сложностей при разработке этого патрона было много, а самое главное — отсутствовало опытное производство, которое конструктору пришлось налаживать с нуля. В процессе отстрелов из баллистических стволов проявилось очень ценное качество этого патрона — высокая кучность. Опытные партии, изготовленные в ЦНИИТОЧМАШ (тогда НИИСПВА, НИИ-61), показывали фантастические по тем временам результаты — 18 мм на 100 метров. Так как в то время отсутствовало производство стволов кал. 5,6 мм под высокоскоростные патроны, то на опытные

образцы оружия ставили стволы от спортивных винтовок под патрон кольцевого воспламенения LR с шагом нарезов 420 мм. Безапелляционное утверждение В.Н. Трофимова (Справочник «Пули мира и отечественные патроны», 2001 г.), что «Пуля патрона 5,6х39 не может хорошо стабилизироваться при таких нарезах» вряд ли обосновано. Отличная кучность, которую демонстрирует этот патрон при стрельбе из разного оружия, тому прямое подтверждение. Изменение же шага нарезов до 300 мм у американского оружия под патрон 5,6х39 своей модернизации (.22 PPC) связано скорее всего с возможностью использования в этом патроне более тяжелых пуль против наших 3,5 г. Увеличение массы пули влечёт за собой и увеличение её длины (при постоянном диаметре), а для нормальной стабилизации в полёте длинной пули ей следует придать большую скорость вращения, что можно сделать, только уменьшив шаг нарезов. Шаг нарезов у оружия американского производства под патроны .222 и .223 Remington — 355,6 мм.

Первые образцы оружия под патрон 5,6х39, которые были созданы для проведения испытаний в условиях охотничьего промысла, были карабины СКС, но со стволами кал. 5,6 мм. Система перезарядки осталась прежней — газоотводной, только размер и расположение газоотводного отверстия были пересчитаны под баллистику нового патрона. Может возникнуть вопрос, почему изначально были выбраны именно эти калибры. Ответить на него не сложно. Основными объектами охоты из крупных животных при заготовках мясной продукции были лось и кабан, не будем считать северного оленя, т.к. наиболее массовый промысел на Таймыре имел свою специфику, и его результативность практически не зависела от применяемого оружия. Патрон 9х54R (в современном обозначении) имел достаточную убийность по обоим видам, а также по маралу, изюбу и медведю, правда, был не дальнобойным, хотя до 200 метров не требовал критических поправок.

Выбору другого патрона предшествовал анализ промысла наиболее массовых объектов заготовок, которые добы-

вались с применением огнестрельного оружия. Особенно актуальным оказалось перевооружение бригад охотников, занимавшихся добычей разных видов тюленей на морских зверобойных промыслах, отстрелами сайги и сурка. Применение патрона 5,6х39 для добычи вышепоименованных животных было вполне обоснованным. Причем, если проанализировать технику промысла этих видов, то без труда можно заметить, что при отстрелах тюленей и сурка необходим точный выстрел, а, значит, и соответствующее оружие, тогда как на сайгачьем промысле при стрельбе по скоплению животных (по табуну) из-под прожектора (в шестидесятых годах прошлого века практиковали именно такой способ промысловой охоты) важно было иметь только один поражающий элемент — пулю, а не снайперские или крупнокалиберные патроны. Патрон 5,6х39 вполне удовлетворял этим требованиям, он обладал отличной кучностью и достаточной убийной силой.

Первые пробы этого патрона при отстрелах морского зверя, сайгаков и сурков были проведены ещё до постановки его на производство. Эти пробы подтвердили высокую эффективность применения нового патрона. Расширенные же испытания начались уже после принятия этого патрона государственной комиссией и начала промышленного производства, и носили они не только испытательный характер, а в большей степени и демонстрационный. Чтобы определить необходимое количество экземпляров оружия под новый патрон и самих патронов, нужно было убедить руководство промысловых организаций в безусловном превосходстве по всем параметрам нового комплекса (оружие—патрон) над старыми образцами. В 1963 году автор был направлен в Мурманск в объединение «Севрыба» с карабином СКС под новый патрон (5,6х39) для участия в промысле морского зайца (лахтака) на ледяной кромке Баренцева моря и гренландского тюленя на ливневых залежках в горах Белого моря. Определили его на зверобойную шхуну — судно ледового класса финской постройки.

Процесс промысла выглядел следующим образом. Так как морской заяц концентрируется на кромке ледяных полей, то зверобойные суда курсируют по открытой воде вдоль ледяных полей и высматривают отдыхающих зверей. Морской заяц, или лахтак, довольно крупный тюлень, его длина достигает 2,5 метров, а вес 300 кг. Заметив в бинокль лежащего зайца, капитан направляет к нему шхуну, стараясь не попасть под ветер. Не доходя метров 300—350, выключается двигатель, и судно продолжает двигаться по инерции. Звери довольно спокойно относятся к приближающемуся судну и обычно позволяют подойти к себе метров на 70—80. Стрелять лахтака, как, впрочем, и любого другого тюленя, надо в голову, потому что другая, даже смертельная рана, оставившая ему возможность ещё двигаться не

сколько секунд, позволяет сползти в воду и утонуть. На первый взгляд может показаться, что особой сложности в стрельбе нет, и так оно и есть, если нет ни волн, ни зыби, которые создают либо боковую болтанку, либо продольную качку. В противном случае стрельба становится похожей на ковбойскую со скачущей лошади.

Стрельба гренландского тюленя на ливневых залежках отличается от предыдущей охоты тем, что скрадывать группы зверей, лежащих на кромках разводий, приходится пешком со льда. И подойти на расстояние ближе 100 метров, даже прикрываясь торосами, удаётся редко. Чаще стрелять приходится с дистанции 120—150 метров, но нередки выстрелы и на 200. И, конечно, тоже в голову. В общем, читателю должно быть понятно, что для использования на зверобойном промысле комплекс оружие — патрон должен обладать точным боем и достаточной убийной силой. Год спустя испытания этого патрона были продолжены при промысловом отстреле каспийского тюленя.

Насколько было необходимо перевооружение зверобойного промысла страны оружием под этот патрон? В шестидесятые годы прошлого века очень остро встал проблема катастрофического сокращения численности беломорского стада гренландского тюленя. Беломорским оно называется потому, что большую часть года этот вид тюленей проводит на льдах Белого моря и только с их таянием откочевывает к Земле Франца Иосифа в более высокие широты. Учёные считали, что для 250-тысячного стада изъятие 10 тысяч взрослых особей во время промысла (именно такой был лимит) не должно сказаться на общей численности беломорской популяции, но ежегодные авиаучёты показывали это сокращение. Было предпринято несколько экспедиций, созданы два дрейфующих стационара «Белёк 1» и «Белёк 2», тем не менее причину уменьшения поголовья этих зверей так и не определили. Но одной из причин сокращения численности этих животных, по мнению автора, и, может быть, даже основной, было большое количество подранков, не попадавших в число добытых, но исчезающих из числа живых. Посудите сами. На зверобойной шхуне «Тюлень», в составе команды которой участвовал в промысле автор, из 13 винтовок кал. 7,62 системы С.И. Мосина только у двух не провалялись дула пули, а, значит, ни о какой точной стрельбе не могло быть и речи. По его подсчётам на каждого добытого из такой винтовки тюленя приходилось 4,5 подранка, так что ежегодно из популяции изымались не менее 55 тысяч взрослых особей, а это не 4 %, как предполагали учёные, а 22 % от общей численности стада. С таким изъятием восстановительный потенциал справиться не мог, и количество гренландских тюленей стало быстро сокращаться. Для сведения, при использовании патрона 5,6х39 число подранков (не добытых

после выстрела) не превышало 3 на 10 добытых, то есть в 15 раз меньше! И это при не достаточно высокой, на тот момент, для испытателя квалификации зверобоя-промысловика.

Промысловый отстрел сурка особенно широко был развит в Казахстане. Стреляли этого зверя и из ружей крупного калибра, и из малокалиберных винтовок (патрон кольцевого воспламенения — LR). Сейчас, благодаря новому направлению в охотничьей пулевой стрельбе — варминтингу, охота на сурка получила определённую известность, хотя, на мой взгляд, охотой это мероприятие назвать нельзя, скорее это спортивная стрельба по живой мишени. Но вернёмся к промысловой охоте прошлого. Как и тюлень, сурок для гарантированной добычи должен быть поражён в голову. Максимальная дистанция результативной стрельбы — 70 метров. Это при стрельбе из малокалиберной винтовки. Если же охотник вооружён гладкоствольной, то эта дистанция сокращается до 30 метров. Подобраться на такое расстояние к зверю практически невозможно. Выход один: надо караулить сурка у норы, то есть занимать позицию до его выхода из норы. Продуктивность такой охоты очень мала. Несмотря на то, что сурки живут колониями, добыть больше двух зверьков из одной засидки удаётся редко. Засидка, сделанная возле одной норы, не даёт возможности сделать результативный выстрел по суркам у других нор, т.к. увеличивается дистанция стрельбы, а, значит, исчезает гарантия надёжного поражения. Сурок, как и тюлень, должен быть убит наповал, иначе он, будучи даже смертельно раненным, скатится в нору, откуда достать его практически невозможно.

Применение нового патрона значительно расширило возможности охотника. Заняв позицию вблизи одной из нор сурчиной колонии, охотник, при хорошей стрелковой подготовке, получает возможность отстрелять нескольких зверьков, находящихся в радиусе 180—200 метров. Технические возможности и патрона, и карабина вполне позволяют сделать это. Забыл упомянуть, что все карабины, участвовавшие в испытаниях, были укомплектованы абсолютно надёжными оптическими прицелами марки ТО-4.

Промысловый выстрел сайгаков из-под прожектора имеет свои особенности и необходимость дальнего и особо точного выстрела возникает очень редко.

Процесс охоты происходил следующим образом. Выхав в ночную степь, фарщик через определённые промежутки времени, а они зависят от скорости машины, проводит лучом по горизонту, стараясь заметить зелёные огоньки сайгачьих глаз. А глаза у них крупные, слегка навыкате и отражённый в них свет виден километра за полтора. Если попадает крупный табун, то создается впечатление далеких городских огней. Очень красивая картина! Заметив сайгаков, водитель сбав-

ляет скорость и начинает приближаться к табуну. Фарщик продолжает светить на животных. Сайгаки в это время или стоят на месте, или движутся своим направлением, и начинают проявлять явное беспокойство, напустив машину метров на 500—600. Они увеличивают скорость и стараются уйти от опасности. И тогда начинается работа фарщика. Он должен, дав световую дорожку передовым, направить весь табун по пологой траектории и постепенно по спирали приблизить его к машине, чтобы дистанция стрельбы была не более 30—35 метров. Сайгаки набегают довольно плотной массой, а стрельба по ним велась мелкой картечью из самозарядных гладкоствольных ружей в то время только двух марок Браунинг Авто-5 и МЦ21-12, с кустарно удлиненными магазинами, чтобы увеличить их ёмкость до 10 патронов (длина гильзы 70 мм). Вроде бы всё нормально, дистанция стрельбы маленькая, убийность картечного снаряда мелкой (6 мм) картечи для сайги вполне достаточна. Собрали битых и поехали дальше. Но если вдруг по месту ночной стрельбы случается проехать днём, то картина, которая открывалась глазам, была кошмарной. Десятки уже вздувшихся сайгачьих туш и сотни птиц-падальщиков на них. Вот уж кому пир! Разброс картечи, даже при стрельбе с расстояния 30 метров, превышал 40 см (примерная ширина туши сайги по лопаткам) и картечины, пролетевшие мимо, находили себе другую цель. Освещаемая прожектором зона относительно невелика, а за её пределами — мрак. Отбежавшего на 50—200 метров подранка никто не замечает, а таких подранков получается не меньше, чем добытых и загруженных в машину. Стрельба сайгаков в тех же условиях, но пулевым патроном, в нашем случае 5,6х39, позволяла в несколько раз сократить потери при таком промысле. Овчинка, безусловно, стоила выделки! Пуля — не картечный снаряд, она одна, и если она находила свою цель, то зверь, как правило, оставался на месте, т.к. убийной силы для сайги у пули этого патрона хватало с избытком.

Мы рассказали, как появился патрон 5,6х39, а теперь немного об охотничьих качествах этого патрона. При разработке охотничьих патронов всегда определяется примерный перечень животных, для отстрела которых его можно использовать. Баллистические характеристики и результаты проведённых испытаний позволяют рекомендовать этот патрон для охоты на следующие виды животных: косуля, сайга, серна, кабарга, волк, лисица, сурки, практически все виды настоящих тюленей. Для перечисленных видов патрон имеет достаточную, а не чрезмерную, убийность на минимальной дистанции стрельбы, и достаточную же, но не минимальную, на предельных дистанциях. Из птиц объектами охоты могут служить глухарь, тетерев, при определённых условиях гусь.

Посмотрим, как действует пуля патрона 5,6х39 при стрельбе по животным значительно крупнее и мельче перечисленных. Обратимся к таблице и увидим, что на небольших расстояниях пуля несёт в себе запас энергии вроде бы достаточный, чтобы поразить даже таких крупных зверей, как лось или благородный олень. Проведённые в своё время испытания показали, что лоси, стреляемые этим патроном с близкого расстояния по лопатке и даже по грудной клетке, уходили подранками и добытые несколько позже дали достаточно однотипную картину. Полуоболочечная пуля делала значительный разрыв в шкуре зверя и довольно большую по площади с обширной гематомой неглубокую рану в мышечных тканях. При попадании по грудной клетке не были пробиты или сломаны рёбра, и в полость грудной клетки пуля не проходила. Внимательный осмотр ран показал, что в разорванных мышцах присутствуют очень мелкие частицы пули — медной оболочки и свинца, а это значит, что пуля срабатывала практически как разрывная. Вернёмся к таблице и посмотрим на величину энергии пули на расстояниях до 100 метров, и увидим, что этой энергией, заметим, весьма большой, наделён предмет, состоящий из непрочных материалов и очень маленькой массы, всего 3,5 г. При встрече этой пули с тушей зверя, имеющего достаточно плотные мышечные ткани и прочную шкуру, высвободившаяся энергия разрывает её на мелкие частицы и дальше проникает просто нечему. Подобную картину мы наблюдали даже при стрельбе по сайгакам с расстояния 20—30 метров. При попадании пули по рёбрам образовывалась огромная (относительно размеров сайги) рана, исчезал участок шкуры размером примерно 8х8 см, практически исчезал и тонкий мышечный слой с рёбер, но проникающего ранения не было. Пуля тоже исчезла, то есть разрушилась полностью. Тем не менее сайгак погибал, погибал от шока, а не от поражения внутренних органов. Но, чтобы свалить крупного зверя, шока от попадания такой маленькой пульки недостаточно, ведь масса лося превышает массу сайги почти в 10 раз.

При стрельбе по лосям на 100—150 метров, как ни странно это может выглядеть, количество особей, добытых на месте стрельбы, то есть не отошедших далеко подранками, было значительно выше, несмотря на то, что пуля уже основательно потеряла скорость. Это происходит потому, что, благодаря малой площади поперечного сечения пули, её проникающая способность в тушу зверя довольно велика, тем более, что потеря значительной части энергии уменьшила её способность к деформации. Этот патрон обладает удивительной точностью, разумеется, при качественном оружии, а если есть возможность пользоваться оптическим прицелом и хорошо прицеливаться по месту, например, по шейным позвонкам, позвоночнику или в сердце, то можно добыть и крупного зверя.

Теперь немного о стрельбе таких относительно мелких животных как лисица, глухарь и т.п. Что в таком случае происходит при попадании пули? Как уже отмечалось выше, пуля патрона 5,6х39 несёт большую энергию, и хотя прочность шкурки и плотность мышц у этих животных не столь велика как у лося или оленя, и пуля не разлетается «в пыль», но сильно фрагментируется, причём не просто на оболочку и сердечник, а каждая из этих составляющих еще на более мелкие части. Огромные раны у этих животных образуются не только непосредственно фрагментами пули, а ещё и кусками раздробленных костей и мышц и даже кровью, которая находится в капиллярах мышц, образовавшихся от удара пули, т.е. возникает так называемая «временная пульсирующая полость». И всё это «месиво», разрывая шкуру, вылетает с противоположной стороны, делая огромную дыру. Такой результат продемонстрировала стрельба по нескольким крупным серебристым чайкам, отстрелянным на льду с расстояния 40—80 метров, в процессе добычи тюленей. После попадания полуоболочечной пули практически выносилась вся тушка, оставляя только лапки, голову с шеей и спинку. Такой характер ран является признаком чрезмерной убийности пули для данного объекта охоты, а, значит, стрелять жи-

Таблица
Баллистические характеристики патронов 5,6х39 и .223 Remington

Патрон	5,6х39	.223 Remington
Масса пули, г	3,5	3,56
Баллистический коэффициент	0,15	0,197
Начальная скорость пули V_0 , м/с	925	950
Скорость пули, м/с на дистанции		
100 м	706	744
200 м	520	605
300 м	382	484
Дульная энергия, Дж	1498	1579
Энергия пули, Дж на дистанции		
100 м	872	987
200 м	473	652
300 м	255	417

вотных таких размеров можно только на дистанциях, когда пуля уже потеряла скорость и с ней значительную часть энергии, то есть не ближе 150 метров. Ещё раз хочу напомнить, что речь идёт о полуболочечной пуле.

У меня, при оценке баллистики этого патрона, возникают некоторые вопросы. Те данные, которые помещены в таблице, взяты из книги М. Блюма и И. Шишкина «Охотничье ружьё», но не нужно забывать, что им уже более 25 лет. Единственный производитель патронов 5,6х39 в настоящее время это Тульский патронный завод, который в своих проспектах не показывает его баллистику. Хотелось бы видеть результаты заводских отстрелов, так как их даёт, например, барнаульский патронный завод в своих проспектах. Они нужны хотя бы для того, чтобы покупатели могли сравнивать патроны 5,6х39 и .223 Remington, причём эта информация должна быть в наличии в каждом магазине, торгующем этими патронами, тем более, что ИЖМАШ производит карабины «Барс» под оба эти патрона.

Сравнение баллистических показателей (по имеющимся данным) не в пользу отечественного патрона, а видящая причина этого только одна — разная форма пули. Масса пули практически одинакова, начальная скорость — тоже, условия стрельбы если

и не одинаковы, то очень близки. Остаётся форма пули, то есть её способность преодолевать сопротивление воздуха. И тут мы видим, что при практически одинаковых начальных параметрах патрон .223 Remington производства Барнаульского патронного завода имеет скорость пули на 300 метровой дистанции на 100 м/с выше, чем пуля патрона 5,6х39. Возникает вопрос: «Почему не заменить пулю нашего отечественного патрона 5,6х39 на пулю .223 Remington с лучшим баллистическим коэффициентом? Или не хочется его улучшать, или не хочется им заниматься?» Кстати, тогда и стволы можно было бы делать с одинаковым шагом нарезов под оба патрона.

В заключение надо сказать, что испытания патрона 5,6х39 с полуболочечной пулей показали по всем параметрам хорошие результаты на промысле тюленей и сайгаков, чего нельзя сказать об отстрелах сурков. В процессе охоты на этих зверьков очень быстро выяснилось, что этот патрон обладает чрезмерной мощностью. Если дистанция стрельбы не превышала 100 метров, разрушения, которые производила пуля при попадании в любую часть тушки сурка, были столь значительны, что заметно снижали качество шкурки, исключение составляло только попадание в голову, т.к. по правилам приёмки шкурки даже её отсут-

ствие не дефектировалось. Вывод напрашивался сам собой, надо либо уменьшить мощность патрона, либо надеть на пулю полную оболочку. Пробовали и то, и другое. Оболочечная пуля в целом показала хорошие результаты, правда, при близкой стрельбе (не далее 50 метров) довольно часто имело место полное разрушение пули, и, как следствие, значительные повреждения шкурки, почти, как и в случае с полуболочечной пулей. Был сделан и малоомощный патрон. Но не нужно забывать, что испытательные отстрелы проводились из самозарядного карабина, а это значит, что ослабленный патрон должен был обеспечить нормальную работу автоматики. М.Н. Блюм добился того, что автоматика работала хорошо на патроне с начальной скоростью пули 620 м/с. Новый патрон полностью удовлетворял всем требованиям сурчиного промысла. По существу, на первом этапе использования патрона 5,6х39 он был представлен в трёх модификациях: с полуболочечной пулей, с оболочечной пулей и ослабленный с полуболочечной пулей. Несколько позже этот патрон стали использовать как спортивный, для стрельбы в упражении «бегущий олень», уменьшив массу оболочечной пули до 2,8 г, но увеличив начальную скорость этой облегчённой пули до 1050 м/с.

Если вы хотите стать охотоведом!

Химкинский филиал автономной некоммерческой организации высшего профессионального образования Центр-союза РФ «Российский университет кооперации», организованный в 2006 году, основан на базе Московского зоотехникума, первый выпуск которого прошел в 1946 году. Это были специалисты в области товароведения пушно-мехового, кожевенного сырья, шерсти, охотоведения и звероводства. В 1956 году зоотехникум переименован в Московский заготовительный техникум и перешел в ведение системы потребительской кооперации. В июне 1968 года его переименовывают в Московский пушно-меховой техникум Роспотребсоюза.

Наше учебное заведение является университетом, но, помимо высшего образования, у нас также есть среднее специальное. Конкретно — «Охотоведение и звероводство», заочная форма на базе среднего полного образования. Квалификация — «Охотовед». Высшего образования по этой специальности нет.

Программа подготовки студентов включает базовые предметы — зоологию, ботанику, гистологию, эмбриологию. Кроме них преподаются спецдисциплины — техника добычи зверей и птиц, учет животных, экономика охотхозяйства, природоохранное законодательство, заповедное дело, типология охотничьих угодий, трофейное дело и основы таксидермии, фотография биологических объектов, товароведения, охотничье оружие. Будущие охотоведы изучают дендрологию, почвоведение, лесоводство, лесные культуры, лесоустройство, лесозащиту.

Охотоведы работают в охотхозяйствах, заповедниках, заказниках, в природоохранных организациях, в органах охотнадзора, в туристических фирмах. В охотхозяйствах специалисты ведут учет промысловых животных, планируют их отлов и расселение, проводят мероприятия по борьбе с вредными хищниками, следят за добычей зверей, на которых объявлена охота. Они обследуют охотничьи угодья, разводят охотничьих собак, контролируют работу егерьей, ловят браконьеров. В турфирмах охотовед занимается организацией и проведением охотничьих туров по России или за её рубежами.

В охотничьих хозяйствах большой дефицит специалистов, поэтому здесь всегда рады молодежи. Средняя зарплата — 20—25 тысяч рублей. Прежде чем выпускника специальности назначат на должность охотоведа, он должен поработать стажером-помощником опытного биолога-охотоведа, поехать вместе с ним по охотничьим угодьям, познакомиться с егерями и охотоведами на местах. Более доходной сферой является экологический и охотничий туризм, где специалист может зарабатывать более 50 тысяч рублей. В этом случае шансы на успешное трудоустройство повышает знание иностранного языка.

Набор на «Охотоведение и звероводство» идёт с 01.02.2013 г. до 30.12.2013 г.

Период обучения 2 года 10 месяцев.

Более подробную информацию о нашем учебном заведении можно узнать на сайте www.khimki.ruc.su и по телефону 8 (495) 574-14-37, 574-12-96, e-mail: ruchim@mail.ru

Ещё одна жизнь

Вадим ЧЕРНЫШЁВ

*Слёзной памяти милого друга
и жены Аллы*

Есть неизъяснимая прелесть свидания с знакомыми местами, куда приезжал когда-то на охоту: вот тут сидел, отдыхая, освобожденно скинув рюкзак и оставив ружьё, тут перебирался через набухший в ненастье ручей, вот здесь, пластаясь по стволу, гонялись друг за другом на сосне белки, а вот знакомый сувель на берёзе, вызывающий каждый раз сожаление, что нет ножовки, чтобы срезать и выдолбить из него чашу... Да мало ли таких примет, которые потом не раз оживают в памяти и порождают родственные чувства! Освобождаясь от сиюминутной суеты, воспоминания приходят в тишине одиночества, когда слышнее собственные мысли — из уединённого разговора с прошлым вырастает будущее. И охота, где человек наиболее открыт впечатлениям и остро воспринимает их, глубже всего роднит со своей землёй, её природой и порождает к ним любовь.

Но не меньшее очарование есть и в знакомстве с новыми краями. Волнующую неизведанность и новизну заключает в себе географическая карта. Она будит воображение, её можно читать, как увлекательную книгу. И чем крупнее её масштаб, чем подробнее карта, тем интереснее её чтение, тем отчётливее представляется то, о чём она говорит.

Я люблю читать географические карты. Это подготавливает к поездке, которая чудесным образом оживит и превратит бумагу карты в леса и пожни, затихшие в привычном ожидании лучших перемен деревни, в разъезженные грейдеры и разбитые просёлки, и запахи типографской краски карты обернутся запахами оттаявшей земли, талого снега и набухших берёзовых почек. Запахи странствий, запахи дороги! Надо доверяться дороге. Бежит она по родной земле, разветвляется дорожками и тропками к жилью людей, говорящих на одном с тобой языке. Отправляясь в путь с лёгким сердцем, надо им доверяться, этим людям. Странников на Руси всегда привлекали.

У нас впереди майские праздники. Почти неделя! Можно ли усидеть дома? Нас манит Север, вологодские края. Во-лог-да! В этом окающем слове слышится что-то притягательное. Притягателен Север с его целомудренными белыми ночами, тишиной мшистых урочищ, с его от века вольными людьми, не знавшими ни господского кнута, ни барской милости.

Так мы с Аллой оказались в Воробьёве, вологодском селе, возле сельсовета с обвисшим в безветрие выцветшим флагом. Здесь место ожидания авто-

буса. Он должен был прийти час назад, а его всё нет. Но ждать — не привыкать: земля усыпана подсолнечной лузгой долгих ожиданий. Молодёжь бойко щёлкает семечки, забрасывая их в рот. Праздники приводят сельский люд в движение. Пожилая женщина в плисовой кацавейке, в шали, по-зимнему повязанной поверх споднего белого платочка, осуждающе косится на девок-подружек, плотно налитых пышущей молодостью, насмешливо поглядывающих из-под насурьмяненных вздёрнутых бровей.

— Тонь! — не выдерживает женщина. — Не рано ли заголилась, май еще себя покажет, на печь залезешь!

Но осуждение в её голосе едва ли было связано с погодой.

— Во, глянь-ка, Антонина! — подхватила её подружка, догадываясь, о чём речь. — Мужа нет, а свекруха — вот она! Не нравится, тётё-Шур, — не гляди. Мы девушки свободные, не мужние, когда же еще принарядиться, как не на праздник, — правда, Тонь?

— Вон ещё один опоек идёт, — словно бы про себя заметила Тоня, снимая согнутым пальцем налипшую на губах шелуху.

— Из гостей своего Стёпку ведёт, — сказала молчавшая до сих пор женщина с кошёлкой, из которой торчало горлышко бутылки с молоком. — У Храпцовых гуляли, меньшей из армии вернунся.

— Степуня! — закричали подружки. — Зайди, повесели народ! Тут у нас «улица» собралась, гармониста не хватает!

Парень в сопровождении насторожённо молчавшей матери, в распахнутом полупальто, с болтающимся в распахе длинным шёлковым кашне неверным движением отпустил застёжку гармона, и она растянулась, издав звук и выказывая цветастые мехи.

— Чё? — обвёл Стёпа собравшихся ословелым взглядом. — На автобус, чё ли?

— Давай, Степуня, «Семёновну»!

Подружка Тони растянула по плечам за углы косынку и прошлась топотухой по кругу, стуча резиновыми сапогами с отвёрнутыми голенищами на толстых икрах, подрагивая плотной вислой попкой:

И-эх! Молодая я была,
С председателем жила,
На работу не ходила,
А ударницей слыла!

Сидевший рядом мужик в клетчатой кепке затынулся напоследок, сплюнул, целясь на окурок, не попал и затоптал его ногой.

— Постояла бы такая погода на майские, — сказал он мечтательно и отрезанно, не обращая внимания на фаль-

Камчатка. Берег Тихого океана. 1963 г.

шивый визг гармони.

— Хорошо бы! — подхватила Алла. — Очень на это рассчитываем!

И в самом деле, было тепло и благоприятно. Исхлестанные зимними ветрами избы нежились под ласковым солнцем. В старых берёзах за сельсоветом горланили грачи, перелётывали в ветвях, чинили гнёзда, роняя веточки. И эта благодать смягчала раздражение людей, терпеливо дожидавшихся автобуса.

— Чтой-то долго нет его, — посетовала женщина с кошёлкой. — Либо гвоздь поймал, или авария какая... Тот раз...

— А вы, наверно, зря ждёте его, — обращаясь к нам, перебил её мужик в кепке. — Он ведь до Михалёва не доходит.

— Ну, там недалеко, — возразили ему. — С километр.

— «С километр»... С такими-то «сидорами»!

И ожидающие стали обсуждать, как нам добираться до деревни.

— Им бы лучше на попутке. Только их под праздник не поймать...

— А вон, кажись, Пашка Кочанов едет! Он же михалёвский, молоко на сдачу привозит!

— Да уж, видно, сдал! Посудой-то гремит.

Показался синий трактор-колёсник с тележкой, из-за бортов которой выглядывали алюминиевые молочные фляги.

— Паша! — закричали ему. — Пашуна, ты в Михалёво? Прихвати туристов!

— В Михалёво? — удивился тракторист, приглушив мотор. — А вы чьи же там будете?

— Мы ничьи, — стал объяснять я. — Мы не в деревню, мы в лес. На охоту.

— На охоту? — Павел недоверчиво оглядел Аллу. — Ну, давайте... — нерешительно протянул он. — Только я не сразу, сначала на ферму, бидоны заведу...

И вот мы снова в пути. Что может быть лучше дороги! Пусть даже такой, еще не оправившейся после распутицы, разбитой тракторами, и пусть у нас не самый удобный «экипаж», тракторная тележка, подбрасывающая и кидающая нас от борта к борту на каждой водомоине — всё равно великолепно чувствовать себя в движении, ощущать на щеках дуновение рождённого им ветерка, ловить в нём запахи пробудившейся земли, истаяк снега и талой воды, вывезенного на поля навозца... Дорога, даже изъезженная и исхоженная, всегда даёт что-то новое, всегда наполнена стремлением к цели. Самые первые впечатления пробудившейся младенческой памяти связаны у меня с дорогой. Мы переезжали в другое село заливым лугом с кудрявыми лозняками, полными птичьего гомона, среди блестящих зеркалец пойменных озёрков, я сидел на руках матери в набитой свежим сеном фуре, запряжённой парой лошадей, из-под копыт которых взлетали с влажной колеи голубые и перламутровые мелкие бабочки. Радость близости звящего, солнечного мира, в котором я оказался, пробудила ожидавшую такого толчка память, и эта поездка стала первым памятным в жизни событием, на которое потом наслаивались годами другие. Слава тебе, Дорога!

Мы едем мимо влажных полей с бурьянками на межах, сквозных перелесков, спускаемся в лощины с дробно пляшущими бревёшками мосточков, кособоимся на изволоках и рытвинах. Мы видели такие же ельники, сохранившие усыпанный опавшей хвоей снег, такие же зазеленевшие по весне осинки, да и деревень немало, подобных, вероятно, здешнему Михалёву. Они-то и позвали нас сюда, в вологодские края. Всё знакомо и всё новое...

Пустые грохочущие, как всё порожнее, молочные бидоны елозят по тележке, мы, держась за борта, отпихиваемся от них ногами, нас смешит их ходьба, как на шахматной доске. В заднее стекло кабины видна мотающаяся голова Павла в шерстяной замаскированной шапке с помпоном, он обозначивается, улыбается: «Ну, как, живы?» — и показывает пальцами, что осталось немного, потерпите.

Так мы доехали до михалёвской фермы, окутанной запахами коров и навоза.

— Паша! Пашенька, скорее! — навстречу трактору метнулась женщина в сбившемся на волосах платке. — Сильва пропадает, растелиться не может!

Я тоже прыгнул в месиво двора, помог выбраться Алле.

— Давайте, давайте, мужики! — кинулась и ко мне женщина. — Первотёлом она, корова-то уж больно хорошая!..

Коровник был обхвачен тревогой, нестройным хором ревели коровы, почувствовавшие беду. Даже самые дальние, в углях коровы крутились на привязи, выкатывали лиловые белки глаз и ревели. Неподальёку от входа, в слабом свете распахнутых ворот и узкого запылённого оконца, стояла, сгорбившись, чёрная корова и испуганно тарасилась назад. Сзади у неё висел передок мокрого телёнка, высунувшиеся ножки и поникшая голова. Корова горбатилась в родовом усилии и, постанывая, мычала.

— Сильва, ну постарайся!.. Ещё чуток!.. — суежилась, мотая подолом, женщина.

— Тётё-Дуня — верёвку! — крикнул Павел. — Давайте по-быстро!

— Нюськ! На столбе у дежурки сенная висит. Скорее! — послала тётка Дуня молодую скотницу, растерянно топтавшуюся возле рожицы.

Павел обвязал телёнка, взялся за верёвку, сунул конец мне.

— Бабы, помогайте!

И мы, упираясь, что было сил, стали тянуть телёнка. Бедная Сильва, шатаясь, легла.

— Не пропала бы... — причитала тётка Дуня, — Корова-то кака хорошая... Костромская, из Караваева...

Наконец, под истошный рёв коров, Сильва опросталась, телёнок оказался на полу.

Живой ли... Теперь тётка Дуня знала, что делать. Она приподняла голову телёнка, продула слизь в ноздрах, подняла его, пошлёпала по щекам... И он вздохнул.

— Слава Тебе, Господи... — перекрестилась тётка Дуня. — Тёлочка... Нюськ, возьми лопату, закопай послед, чтобы корова не сглотнула... Молозиво будет вонять... Шпагатик прихвати, пуповинку перевязать...

— Это хорошо, что нормально шёл, передом, — вытер Павел шапкой потное лицо. — А то бы хана нашей Сильве.

А Сильва с усилием поднялась, как все коровы, сначала задними, а потом передними ногами, и принялась обливать телёнка, которого тётка Дуня обтирала своим передником.

— Слава Богу, мужики, что вы вовремя приехали, — причитала доярка, придерживая шатавшуюся новорождённую. — И корова, и тёлочка живые...

— Вы, небось, тоже умыкались, — сказал Паша, когда мы вернулись к трактору выгружать фляги. — Ну, я вас маленько подвезу к лесу, там такое местечко есть высокое, куда Разливка не достаёт.

Он привёз нас на опушку, показал, как пройти.

— Ну, устраивайтесь. Может, в праздники наведаю вас.

И вот мы «дома». День погожий, светлый и длинный, у нас есть время для привычных и приятных хлопот по благоустройству нашего временного жилья: заготовка лапника, установка палатки, оборудование кострища... Пришли лесные запахи и звуки. Точка на географической карте ожила небольшой полянкой, спускающейся к лощине с ручейком, поросшей осинками, опушившимися червячками серёжек, сухим ломким дудником, ельничком, выдыхавшим холодок затаившегося в нём сугроба. Полянка наша на пригреве обнажилась, но в лесу еще много снега. Лежал он и на дорожке, которая приглянулась мне, когда мы пересекли её на пути к биваку. Я люблю такие дорожки. В них всегда есть загадка: куда ведёт она — к зазимовавшей поленице дров, к остожьям вывезенного по зимнику сена, с разобранной загородой от лосей, к кордону лесника? Любят дорожки и лесные обитатели. Весной протянет вдоль неё вальдшнеп, пролетит глухарь, ощутив после лесной крепи простор своим крыльям, оставит строчку следов лиса, и волк, и сохатый. Моя дорожка привела меня к лужу на опушке, за которым чернела зябь. Открылась даль. Ещё из леса заметил я на лугу птиц. В половинку развинченного бинокля (чтобы меньше занимал места), которую я всегда беру

Карелия. Уницкая губа. Охота на островах. А во время плавания — обработка добычи. 1967 г.

с собой, я разглядел их — это были чибисы. Они молча сидели на земле кружком, будто что-то обсуждая. Это походило на сходку заговорщиков, избравших местом совещания этот уединённый лужок. Иногда то одна, то другая из птиц, приспустив крылья, перебегала через круг на другую сторону, словно переноса туда какую-то, услышанную от соседа, весть. И снова они замирали в ритуальном молчании, распушившись и приспустив крылья. Кулики не издавали каких-то звуков, но, может быть, они были такими тихими, что на расстоянии я их не слышал? Это, несомненно, был ток чибисов. Мне никогда не приходилось слышать об этом. Этим широко известным птиц привычно видеть в их токовом полёте где-нибудь над лугом, над полем, когда они, козыряя и падая на крыло, мечутся парами с резким криком «чи-издрик!» и всхлипывая широкими крыльями. Я не стал подходить, чтобы не тревожить их и решил подождать, что будет дальше. Но вскоре, будто кто их спугнул, они разом снялись и удалились в поле.

Свечерело. Лес затухался кисейей сумерек. А когда я добрался до нашего стана, и вовсе стемнело. Я издали увидел меж стволов деревьев свечение костра, тёмную фигуру хлопотавшей возле него Аллы. Костёр — это, пожалуй, единственное, что осталось неизменным с доисторических времён. Вот так же возвращался от своих мужских забот первобытный охотник, заведя сквозь лесную чащу огонь, подсвеченный им силуэт женщины, хранительницы очага, и душа его наполнилась спокойствием и теплом к Той, что ждала его и готова была уступить ему лучшее у костра место.

Мы долго чаёвничали, любуясь игрой прогорающих углей, слушали звуки весеннего леса и звоны в ночном небе крыльев нырковых стай, спешивших на Север. Только огонь и вода могут так привязать взор человека, умиротворить его душу и помочь заглянуть в себя. Апрельская ночь в лесу полна жизни: вздыхает и чмокает открывшимися порами земля, тихо бормочет присмиривший к ночи ручеёк, мерно отсчитывают время капли сока из сломанного на берёзе сучка, щёлкаясь о палый листок. И летят, летят, застилая в небе звёзды, утиные стаи... Дремотная усталость мешает во впечатлениями длинного, богатого событиями дня: как хорошо, что подвернувшаяся попутка подбросила нас до Воробьёва, мы успевали на автобус... Интересно, дождались ли его люди. И как кстати оказался трактор...

— Как там наша Кармен? — угадала мои мысли Алла.

— Кармен?

— Ну да. Я посоветовала тёте Дуне так назвать тёлочку, ведь отца-то зовут Каро... Мать — Сильва, и у дочки имечко в том же духе.

«Наша»... Видно, Алла уже полюбила телушку. Причастность к зарождению или к спасению чьей-то жизни при-

вызывает к ней. Я тоже неравнодушен к судьбе новорождённой, появившейся на свет с нашей помощью. Что же должны испытывать врачи-акушеры, в руках которых зарождается одна из величайших тайн — будущая судьба человека? Ещё одна жизнь... А у меня расчихлена, приготовлена к выстрелу бескурковка, я приехал, чтобы добыть царственную птицу, глухаря-мошника. И если так будет, я знаю, так уже было не раз, в душе проснётся, забьётся радость того дикаря, который когда-то пускался в ритуальный танец над своей добычей, прежде чем принести её к костру своей женщине... Однако для этого надо найти ток. Найти свой глухариный ток — это мечта каждого охотника, это дело удачи, и это куда сложнее, чем сам выстрел по неподвижной птице, который всегда несколько разочаровывал меня своей простотой после бессонных поисков, после осторожного подхода к поющему петуху, оглушающему себя коротким захлебывающимся концом своей песни. Мечта ведёт в поиски, а всегда ли она легко достижима? Простой выстрел обесценивает мечту. И, может быть, — так тоже бывало, — после него появится сожаление, подобное тому, которое я испытывал мальчишкой, когда не удавалось выходить выпавшего из гнезда птенца и я должен был хоронить его вместе со своей надеждой увидеть его в полёте. М-да... Загадочно и неизяснима душа охотника, и не понять её человеку со стороны, если я и сам, начавший охотиться подростком, не могу себе объяснить, как может ужиться давняя, с мальчишеских лет, любовь к природе и жалость к ней с охотничьей страстью. Но, наверное, без этой любви не родится настоящий охотник...

Тихо, чтобы не потревожить Аллу, я выбрался из палатки в ночь и наудачу отправился на поиски тока. Чудесен ночной лес, живой своей особой, не похожей на дневную, жизнью! В пред-рассветном небе ярко, жадно полыхают звёзды, трепещет, играя светом, Сириус. В торжественной тишине спят деревья, спят дневные птицы и звери, уступив лес живущим ночной потайной жизнью. Скоро прочистит горлышко первой песенкой ранняя птичка зорянка, очнётся от дремотного сна, услышав её голосок, перетряхнёт холодные перья глухарь, прежде чем начать отщёлкивать свою ни на что не похожую песню...

Человек сызмальства тянется к чудесному, нарушающую череду будней, возбуждающему любопытство и воображение. В мир чудес его уводит сказка. С детской доверчивостью переживает он судьбу шаловливого Колобка, отправившегося побродить по свету, до слёз жалеет братца Иванушку, превратившегося в козлёночка, цепенеет от ужаса, когда Медведь на липовой култышке приходит к избе, где старуха варит его отрубленную ногу... Человек тянется по-иному посмотреть на привычный мир — не потому ли маль-

чишек так манят крыши и деревья, чтобы сверху оглядеть, как течёт внизу знакомая жизнь?

Со сказкой в душе охотник входит в ночной лес. Я загадывал её, выбирая место на карте, где можно было бы вот так идти, прислушиваясь к тихим звукам спящего леса, стараясь выделить из них костяные щелчки глухариной песни. Они стояли у меня в ушах, я останавливался, тайл дыхание, но всё это лишь чудилось. Програл меж деревьев мог означать дорожку. И я доверился ей, — куда-то она меня приведёт? Дорога угадывалась и по белым ледяным кружевам над опустевшими колеями, из которых скатилась дневная вода — при неосторожном движении эти кружевные покрывала с хрустальным звоном опадали разом, и я старался их обходить, их грохот в тишине казался оглушительным. Неподатливу сонно бормотал ручей, который Павел называл Разливкой. Пригретый полуденным солнцем он действительно широко разливался по луговине, это видно было по таким же белым ледяным полотнищам, нависшим в пустоте над обсохшей землёй. Я держал на слуху говорок Разливки, и ручей вёл меня, как нить из того клубочка, который катился передо мною и указывал мне путь... Идти было непросто: ночной морозец сковал мокрый снег настом, он местами держал меня — я шёл тогда бесшумно, как по паркету, стараясь стать невесомее, но, когда он хрустал под ногой и просаживался по колени, каждый шаг давался с трудом. Я отдыхал, слушал лес. В один из таких «перекуров» на осинку передо мной сел рябчик, удивлённо вытянул бутылочкой шею, и мы долго рассматривали друг друга.

Быстро светало. Давно обозначились, выступили из чащи, каждое на особицу, деревья, в птичьем хоре прибывало голосов, с первым лучом солнца, зажжённым макуши елей, где-то недалеко протрубили журавли, и в лесу, пронизанном косыми столбами солнца, как из высоких окон храма, стало празднично. Нет большего торжества в природе, чем погожее утро в весеннем лесу! Ликовали, не обращая друг на друга внимания, славили начало дня птицы, снова протрубили журавли, теперь уж, вероятно, от упавшего на болото солнца, а я понял, что мне уж сегодня желанной песни не услышать... По лесу разлилось тепло, наст отдался, снег стал зернистым и мокрым, слепил своими кристаллами глаза, теперь я проваливался на каждом шагу и постарался поскорее выбраться на дорожку, которой пришёл.

Весь день мы с Аллой выдумывали какие-то дела по нашему бродяжескому хозяйству, радовались приволью, праздновали солнце, ленились на его пригреве, слушали поднебесные голоса птичьих стай, а на самом верхнем пальчике нашей ели, гордый красотой своей бронзовой, сившей в лучах груди, гурчал-ворковал голубь-витютень.

Я опять полуношничая в лесу. Знакомый лес остался позади, я прошёл много дальше и встретил рассвет, упёршись в реку. Это, как говорил Павел, должна была быть Шорега. Я устал от бесконечных просовов в снегу, от усилий стать более лёгким там, где наст держал меня, и присел отдохнуть. Река казалась на стрежне выпуклой от переполнившей её полой воды, текла вровень с берегами и, казалось, выплески в неё пару вёдер, — и она тут же выльется в лес. Но самое-то высокое водополье было, вероятно, впереди — снега в лесу было еще много... Утро наполнилось голосами. Как и вчера, опять отметили восход солнца ликующими кликами журавли. Где-то не очень далеко, так, что было слышно не только бормотание, но и чужаканье косачей, бурлил тетеревиный ток. Он сам манил направиться к нему, засечь его место, поставить скрадок и... Но загаданное отвлекает от более доступного. Без этого никогда мечты не достигнешь. Я сидел, не в силах оторвать взгляд от быстрого течения реки, и думал, всегда ли надо быть настойчивым в её достижении...

Моё внимание привлекло какое-то движение на том берегу. Мой «полубиноколь», «моно-окуляр» сократил расстояние: вдалеке среди редких сосен ходил глухарь. Он казался огромным! Обычно птица на земле не видна полностью, утопая в траве или снегу, а этот петух был весь на виду. Приспустив крылья и раскрыв хвост, вытянув шею, он гулял по насту, как на плацу, как на подиуме театра «моделей», и, казалось,

упивался своей красотой. Других птиц не было. Он был один. Это не мешало ему отдаваться переполнявшим его чувствам. Но щелчков его песни не было слышно: их то ли заглушал близкий говорок быстрой реки, или он просто молчал? Вполне вероятно, это был прошлогодний глухарь, встречающий свою первую весну, еще не растоковавшийся, не обретший настоящего голоса, как сеголетний августовский петушок на дворе? Таких молодых глухарей охотники называют «скрипунами». Он, конечно, был недосыгаем для выстрела, но он был отлично виден, и я наслаждался этим видением. Глухарь был красив! Веером торчащий хвост, отливающая зеленью грудь, набухшие красные брови на вскинутой бородастой голове... Сознал ли он своё величие? Я долго любовался им, пока он не сложил вдруг хвост и не взлетел в кроны сосен, исчезнув из вида...

Река привела меня к лугу на берегу. Открытый солнцу, он был чист от снега, не было на нём и воды, хотя он заливался — об этом говорили несколько стоящих на лугу срубов в два-три венца, служивших подстожьями для сена, чтобы оно не прело от мокрой земли. Я догадался, что дорожка, по которой я уходил в лес, приводила именно сюда, на этот дальний заливной луг, за лесным шёлковым сеном. Но сейчас сена не было: оно было вывезено по осени или по зимнику. В стороне, в заснеженном осиннике, виднелся дощатый вагончик на тракторных санях. Замка на двери не было — как

не заглянуть? В вагончике было пусто, на подоконнике стояла обсохшая от кросина коптишка. Стёкла в окошке уцелели, вагончик был вполне пригоден для жилья.

— Я обнаружил на дальних лесных пожнях вагончик, где в сенокосную пору живут косцы — почему бы нам не пожить там оставшееся время? — предложил я Алле. — Скатаем спальные, возьмём необходимое, палатку спрячем... Как ты?

— Только нам придётся быть здесь в канун праздника, — сразу согласилась она, — Павел обещал прийти: как он нас найдёт?

В первую же ночь в вагончике нас разбудили чьи-то шаги за стеной. Схватившийся наст звучно хрустал от тяжкой ходьбы. Мы прислушались: так мог ходить только человек. Или медведь. Но кто бы из людей мог забрести сейчас ночью на дальний лесной покос?

— Кто это? — прошептала Алла.

— Не знаю... Пожалуй, медведь.

— Может, выстрелить?

— Зачем он нам?

— Да нет, попугать. Дверь без запора...

— Не полезет же он по лесенке к людям. Они людей избегают. Уйдёт...

Шаги и в самом деле удалились и затихли. Утром следы показали, что мимо вагончика прошёл медведь. Нежданное соседство!

— Может, вернёмся на наш бивак?

— Вряд ли он придёт ещё. Убедился, что появились люди, побоится. А у меня всегда на всякий случай есть пули.

В полдень мы добрались до своего стана. Павел опередил нас. Он пришёл с детьми, две девочки-погодки лет шести-семи расположились на примятом из-под палатки лапнике и тихо разбирали какие-то тряпочки. Апрельский день набрал силу, расцвёл, объял землю благодатью. Было жарко. В полном безветрии почти бесцветно горел костерок, для угощения было разостлано полотенчишко. Алла поспешила извлечь московские припасы.

— Я гляжу — палатка собрана, в снег закопана, но вытаяла, торчит, котелок полон берёзовки, — значит, придут, — встретил нас Павел. — Эко, куда вы забрались, — удивился он, узнав, что мы переселились на пожни. — Да, там ходит, — подтвердил он, когда Алла рассказала о ночном пришествии соседа. — Тот год мужики там косили, дак видели его. Небольшой, муравьятник. Но всё одно — медведь! Так что вы там поосторожнее, — озабочился Павел по-хозяйски.

Девочки от застолья стеснительно отказались — отец не настаивал, сидели в сторонке, шелестели бумажками столичных конфет, складывали «фантики». Я давно заметил, что у таких смиренных, «домашних», равнодушных к спиртному мужиков, как Павел, чаще всего родятся дочери, такие же тихие, беленькие и скромные. Подтверждалось это и в семье Кочановых. А гость из Михалёва всё извлекал из

Заонежье, дер. Федотово. Старый дом друга лесника Миши Хотеева. 1970-е гг.

кошёлки какую-то снедь.

— Это вам Дуняша прислала, — молозиво! Небось, москвичи и не пробовали. А это я у соседки взял, она гонит на продажу, мы-то не гоним, — достал он поллитровку с мутноватой жидкостью.

— Молозиво? — переспросила Алла. — Я действительно не знаю, что это такое.

— Первый удой после отёла, — пояснил Павел. — Бывает, горчит маленько, а это, вроде, ничего. Это от Сильвы.

Застолье затянулось. Мы ели домашние лепёшки, холодец, запечённое молозиво, потягивали пахнущую дрожжами бражку... Цвёл прекрасный день, от свежего лапника хорошо пахло хвоей, слышнее стал ручей, далеко видные в голом лесу меж стволов летали бабочки-лимонницы и крапивницы, и на той же старой ели всё пел-ворковал, надываясь зобом, красавец-виютень. Полужёла на лапнике, мы разговаривали, расспрашивали Павла о делах в совхозе, об урожаях, о семье... Девочкам надоело сидеть, они навалили у ручья первых цветов калужницы, плели жёлтые венки.

— Завянут быстро, — сказала Алла. — Калужница любит воду. Вы хоть скажите, как зовут-то вас...

— Вера, — ответил Павел за дочерей, смущённых замечанием гостя. — А та, что помоложе, — Настя, Настёна-Сластёна. Так, что ли, Настюш?

— Передай, Паша, большое спасибо тёте Дуне за угощение, — поблагодарила Алла. — Очень вкусно, похоже на омлет.

— Вы теперь с телушкой вроде как молочные сродственники, — улыбнулся Павел. — Одно молозиво покушали. Говорят, оно очень полезное, телятам как прививка от всех болезней.

— Как она там, наша Кармен?

— Её вроде как-то по-другому назвали... Да вы сами увидите, мимо поедет. Я за вами заеду, всё одно молоко сдавать, чего вам с вашими «сидорами» хрипку рвать!

Мы вернулись к вагончику, когда день стал клониться к закату. Двойной переход к биваку, жаркий день и застолье сморили нас. Хотелось расслабиться и лениться.

— Давай, посидим на брёвнышках, отдохнём, — предложила Алла. — Погода-то какая, весь день прошёл, как праздник... Праздник погоды.

Таким же наступило и предвечерье. Солнце обожгло вершины елей и пало в лес, но светлы и благодны были небеса, словно налитые тёплым топлёным молоком, и такое же умиротворение и благодать разлилось по земле. Свивая струи, немолчно бормотала переполнившаяся, вздувшаяся Шорега, готовая вылиться на наш лужок, где мы с Аллой удобно, надолго устроились на срубе подстожья. Воздух над нами дрожал от множества токующих бекасов. Их становилось всё больше, словно они собрались сюда со всего леса.

Услышать над весенним лесом знакомое каждому бление бекаса вовсе не диво, но чтобы в таком количестве! Бекасы во всех направлениях стремительно пронизывали небо, забирались в высь и, топыря пёрышки хвоста и крыльев, с металлическим дребезжанием падали с высоты. Десятки, несколько десятков птиц! Некоторые из них, приближаясь к земле, усаживались на вершинки окрестных ёлочек, заморили на несколько секунд и снова срывались в небо. Другие, не сумев зацепиться на пальчике ёлки, пронеслись мимо, чтобы забраться в вышину и вновь повторить попытку. Третьи слёту вдруг тукались ногами в землю и, замерев, будто приходя в себя, принимались покачиваться, издавая звуки, как бы накачивая себя — «тэке, тэке, тэке...» И, «накачав», вздымались в небо...

— Господи, такие малыши, чуть больше спичечного коробка, а сколько в них страсти, — шептала Алла. — Ты говорил, что птицы-звери больше всего реагируют на движение, но боятся и человеческого силуэта — давай сдем

вплотную, чтобы слиться, изменить наши силуэты и стать чем-то вроде копейки. Нас двоих птицы будут бояться меньше, чем тебя одного.

Один, а затем и другой, над нами за речку протянули два глухаря. Я указал их Алле глазами: «смотри, идут, наверное, к токовищу... Их время...» Да, вернее всего, ток был где-то неподалёку за Шорегой. Нам слышно было, как они с шумом садились, обрываясь, на деревья. Видел я и ещё одного петуха, летевшего в том же направлении. И потом, этот «гвардеец», вышагивавший вчера по насту, которого я видел за рекой...

Это был Вечер Больших Токов. Как, всё-таки, зависит настроение и поведение птиц от погоды! Птицы токовали не только в небе, но и на земле. В нескольких метрах от нас как-то незаметно, сам собою, возник ещё один ток. Птицы, размером с бекаса, похожие на него, собрались на лугу, бежали друг за другом, распушась, принимали различные позы, задирали вверх длинные клювы и возбуждённо щебетали.

Воронежская область. Знаменитый Хреновской бор. Грибной год. 1979 г.

— Смотри, — шепнул я Алле. — Это дупеля! Тоже кулики. Я никогда не видел дупелиного тока. Это редкостное зрелище!

Прижавшись друг к другу, стараясь предстать «копёшкой», мы совершенно открыто, неподвижно сидели на виду у токующих птиц. Они не обращали на нас внимания.

— А вон там ещё какое-то сборище! — подтолкнула меня Алла. — Не там — правее!

В стороне от нас токовали турухтаны. Их сразу можно было узнать по разноцветным «воротникам». Они бегали по токовищу, подпрыгивали, ерошили свои взбитые ожерелья, закидывали на спину головки с тонкими носами.

— Какие у них пышные «жабо», — шептала Алла. — И у всех разные... Как они азартны!

Бекасы, дупеля, турухтаны — все были заняты своим, всяк токовал по-своему, они и друг на друга не обращали никакого внимания. Занятые необыкновенным представлением, мы не замечали времени. Вероятно, наше неподвижное присутствие на подстоже действительно никого не настораживало. Такую осторожную птицу, как журавль, неосмотрительной не назовёшь. Но прилетел. На распластанных неподвижных крыльях он появился над лесом и плавно спланировал на наш луг. Сел метрах в двадцати от нас, уложив крылья, осматрелся и степенно зашагал, высматривая что-то на земле. Мы замерли. Главная фигура нашего вечернего действа... Журавль походил, что-то подобрал с земли, не удовлетворился, видимо, замер, чуть присел, готовясь, — и побежал, помогая крыльями, поднялся и потянул в ту сторону, откуда прилетел. А у меня появился новый гость: по бревну ко мне подбежала лесная мышка, привстала на розовых задних лапках, выносившая подвижным хоботком в кармане куртки залежавшийся ржаной сухарик, который я, вместо перекура, люблю размокчить во рту и пососать. В лесу он имеет совсем другой вкус...

Так нас застали на лугу сгустившиеся сумерки. Незаметно, как и появились, исчезли куда-то дупеля и турухтаны, и только стемневшее небо по-прежнему звенело дребезжащим металлическим блявьем бекасов.

Я запомнил этот день. Это было 30 апреля. Только год я не помню, год я забыл...

Павел сдержал своё слово, заехал за нами. На ферме нам показали нашу «крестницу». В тёплом хлеву таких же отёмных, как она, телят, она сама подошла к нам, заинтересовавшись новыми людьми.

— Кармен! — обласкала её Алла.

— Зоотехник записала её как Кострому, — поправила её тётя Дуня. — Костромской породы. Только ничего не давайте, ей можно пока одно молоко.

Лишь у телушек да коров бывают такие по-человечьи смазливые выражения

«лица»: с волоокими глазами в длинных ресницах, с кокетливыми курчавыми чёлками на лбу. С остатками подсохшей пуповинки, она просунула меж слег курносую мордочку. Что тебя ждёт, Кармен-Кострома? Вырастешь, станешь нетелью, потом коровой и будешь каждый день давать, давать молоко, только давать, ничего не требуя взамен, кроме ласкового слова и того, что попадёт к тебе в ясли, ведь у коровы «молоко на языке». Одно из самых благодарных созданий в домашнем хозяйстве, она издавна слыла кормилицей. Сколько людей поставила корова на ноги в годы голодного лихолетья?

В войну мы уходили от немцев, когда они были в шестидесяти километрах. Вагонов конному заводу не дали, вагоны нужны были для эвакуации промышленных предприятий из-под немцев на восток. Ехали на лошадах, гнали табуны орловских рысаков. Наша небольшая лёгкая корова красно-степной украинской породы, привязанная за повозкой, проделала весь пятимесячный долгий путь от воронежских краёв до заволжских степей. Паслась урывками, чаще по ночам, но каждый день утром и вечером давала нам молоко. Она спасла сидевшую на диете больную желудком маму, помогла нам выжить в полуголодные годы. Тринадцатилетний подросток, я ухаживал за нашей Помстой (по-украински «месь») как за членом семьи. Навсегда у меня осталось к корове благодарное чувство. Помнится, как писал о пастухе и коровах Пушкин «и в час полуденный, в кружок их не зовёт его рожок»... Это — с наступлением поздней осени. Теперь рожок давно забыт. Не за его пенем следует стадо, а наугано трусит, мотая выменем, подгоняемое матерной бранью и бичами полупьяных пастухов. Нужно очень сильно огрубеть и одуреть от колхозной трудовёщины, чтобы охлёстывать кнутом ноги кормилицы и полное вымя в набухших ручьях жил...

Ничего мы не добыли в ту весну на вологодской земле. Но покидали мы её с тёплым и благодарным чувством. Вологодчина обласкала нас прекрасной погодой, одарила чуткой тишиной строгих ночей, сменявшихся всеобщим ликованием на восходе солнца, волнуемым ожиданием песни мошника. Я не попал на глухариный ток, но я нашёл его, он был совсем рядом, за рекой. Мне трудно вспомнить сейчас подробности удачных охот с глухарями, взятыми на току, но не забыть радость того Вечера Больших Токов, когда, не таясь нас, сидящих на лужке, вокруг кипела жизнь. Ничто так не трогает и не подкупает сердце, как доверие.

На вологодской земле у нас осталась наша Кармен-Кострома, с нашим участием ей была сохранена жизнь. Общее доброе дело сближает людей. Мы были рады этому сближению, благодарны людям, так тепло принявшим нас, оценившим нашу любовь к их земле.

Мы были счастливы...

Круглов Леонид. Птичий алфавит. — Изд-во Московского университета. 2013. 63 с.

От аиста до ястреба

Чем больше город, тем ограниченный мир диких животных, обитающих в нем бок о бок с человеком. Точный сигнал экологического бедствия — обеднение биоразнообразия мегаполиса. Плохо «братьям нашим меньшим», стало быть и нам не сладко. Ну, кто из тех же диких пернатых обитает сегодня в границах столичной кольцевой автодороги? Сизари, воробьи, вороны да редкие синицы.

А ребята должны знать и любить птиц во всем многообразии пернатого царства. Этой целью и задался журналист Леонид Круглов, многие годы выпускавший в газете «Сельская жизнь» популярную страницу «Времена года». От аиста до ястреба — рассказывается в его стихотворной книжке «Птичий алфавит», выпущенной в нынешнем году Издательством МГУ.

В книжке, в основном, собраны личные наблюдения Леонида Круглова, который посетил не один десяток заповедников страны. К примеру, в Астраханском ему посчастливилось увидеть, как ремез вьет гнездышко-сапожок на ветке ивы в дельте Волги. В Кандалакшском наблюдал, как гага высидывает птенцов в... собачьей конуре рядом со сторожкой егеря. На каменистом берегу стремительно Баксана в Приэльбрусье не раз видел, как бесстрашно ныряет в горный поток оляка.

Иллюстрирован «Птичий алфавит» очень точными рисунками художника Алексея Мосалова, взятыми из полевого определителя «Птицы Европейской России» и любезно предоставленными Союзом охраны птиц России.

Значительный (3000 экз.) тираж издания распределен в школах, детских садах, детских библиотеках и детских клиниках. Книжку можно заказать в отделе распространения Издательства Московского университета (тел. (495) 939 34 93).

Волшебные краски охоты

Валерий ПАНКРАТОВ

— Сижу я как-то раз в ресторане на Итальянском бульваре в Париже, как вдруг туда входит молодой человек, франтовато одетый, в цилиндре и перчатках. Садится за столик возле самого окна и заказывает обед. Цилиндр его отверстием вверх поставлен на свободный стул, а перчатки небрежно брошены в него. Расторопная прислуга всегда почему-то с особым почтением относится к господам в цилиндрах. Стараясь заслужить хорошие «на чай», гарсоны с необыкновенным усердием и поспешностью приносили ему блюдо за блюдом. Очевидно, юный щеголь очень проголодался, так как молниеносно уничтожал подаваемое. Когда сладкое было уже съедено и выпит кофе, он вдруг, как будто увидев через окно своего знакомого (ресторан был почти на одном уровне с тротуаром), громко крикнул: «Постой, голубчик, я сейчас на минуту к тебе выйду». И с этими словами он вышел из ресторана. Цилиндр остался на прежнем месте, и слуги были уверены, что господин сейчас вернется и уплатит по счету: нельзя же без шляпы идти по улице. Но клиент не возвращался. Он преспокойно вынул из кармана своего пиджака маленькую дорожную шапку, надел ее при выходе и, не торопясь, удалился. А одинокий цилиндр по-прежнему красовался на старом месте, — закончил свой рассказ архитектор А. Бравура и с любопытством посмотрел на собеседника — Павла Петровича Соколова.

— Ты знаешь, кто это был? — нерешительно, как будто о чем-то догадываясь, спросил тот.

— Bien sur, mon cher, твой братец Пьер.

— Да-а-а, — протянул слегка смущенный Павел Петрович. — Что ж, очень на него похоже. Кажется, он совсем запутался в своих легкомысленных связях и промотал все деньги. Когда был жив отец, он очень переживал за Пьера из-за его разгульной жизни. А когда отец умер, брат отнесся к этому индифферентно. Более того, прислал к матушке какого-то француза с поручением получить тысячу рублей из трех оставленных батюшкой в завещании. — Откуда в нем столько эгоизма и бессердечия? Может быть, от дяди?! — грустно закончил Соколов, переведя разговор на другую тему.

Рассуждения о наследственных чертах Петра Соколова нельзя назвать праздными: от своих неординарных предков он действительно унаследовал всякого-разного. Петр с детства находился среди людей, имевших самое непосредственное отношение к искусству. Его мать, Юлия Павловна, была сестрой автора знаменитой картины

«Последний день Помпеи». Родные братья Павел и Александр тоже были живописцами. Ну, а отец — Петр Федорович Соколов, вообще считался родоначальником русского акварельного портрета.

Петя рос красивым и способным мальчиком, как первенец — любимцем отца и матери. Вместе с Павлом они закончили престижный пансион Журдана. Горный корпус им не понравился, минуло лето в Павловске, и отец повез обоих детей на Васильевский остров в Академию художеств. Испытания, которые им там устроили, оказались несложными, и через двадцать минут оба были записаны вольноприходящими в первый рисовальный класс.

Академию, однако, Петр не закончил. «Брюлловское» начало в его характере, наверно, не позволяло уживаться с самим «великим» его носителем. Однажды, когда семья Соколовых обедала, в столовую неожиданно вошел Карл Павлович с самодовольной улыбкой. Увидев Петра, он смерил его взглядом с головы до ног и с ехидной улыбкой проговорил: «Ишь, франт каков!» Юноше подобное замечание явно не пришлось по вкусу, и он заметил: «Мне-то франтить подобает, а вот в ваши годы это может показаться странным: посмотрите-ка, на каких вы огромных каблуках». При своем малом росте Брюллов носил туфли с очень высокими каблуками, чтобы казаться повыше, и выглядел комично. Он ужасно обиделся, так как воображал себя неотразимым

красавцем. Хвастался, что в Риме его называли «Венерова голова».

Нашла коса на камень. Не проучившись и трех лет в ИАХ, племянник «великого Карла» оказался на свободе. Но уход из Академии не стал трагедией для Соколова, а помог выйти на самостоятельный путь и обратиться к лучшему учителю — природе.

Торжество любимого жанра

Первый период творчества художника охватывает 40—50-е годы XIX века. Портретные произведения Соколова этого времени выполнены под непосредственным влиянием отца. Но в отличие от отцовской живописи портреты Петра, хоть и прекрасно исполненные, не отличаются еще психологической глубиной, в них нет тонкости рисунка и цвета. Жизнь в Петербурге мало привлекает юношу, и он переезжает в деревню: сначала в Тамбовскую, затем в Рязанскую губернии. Почти пятнадцать лет «странствий» по уездам стали на деле годами ученья, заменившими скитальцу профессорские представления.

Самостоятельным дебютом Соколова на поприще искусств считается 1845 год, когда на выставке Московского училища живописи и ваяния появились его первые «Тройки» — зимняя и летняя. Эти работы принесли автору настоящую известность. Но портретный жанр он не оставил. Напротив, по заказу пишет «Портрет старухи в красном» (1852), выполненный с обилием деталей обстановки. Любопытно, что

П.П. Соколов. Выезд охоты. 1870-е гг.

сидящая в кресле карлица окружена охотничьими (!) принадлежностями. Другим примером заказного портрета является изображение Н.П. Муромцева в рост, опять же с охотничьим ружьем (1858).

Постепенно внимание художника, продолжающего жить в деревне, сосредоточивается на народных и охотничьих сценах. Там он в полной мере нашел себя, талант его окончательно определился. Брички, лихие тройки, безумные скачки с борзыми за волками, лисами и зайцами стали его постоянными спутниками.

Охотничьи сюжеты побудили Петра Петровича обратиться к изучению анатомии, характера и повадок животных. И эту науку он в совершенстве освоил и воплотил в своих работах. Заядлый охотник соединился в его лице с талантливым художником, и в 60—70-е годы позапрошлого столетия Соколов порадовал любителей искусства серий картин и рисунков с охотничьими сюжетами: «Потрава», «Охотники», «Охота на зайца», «Привал на охоте», «Расправа», «У шалаша с гончими», «Охота на лося», «Затравили лисицу», «Борзятник».

«Борзятник» (1869) — одно из самых известных графических произведений Соколова на тему охоты. «Чудная даль открывается взору, речка бежит, зелень блестит инеем, все это освещено огнистой зарей. Раннее утро, но борзятник на бойком коне уже занят своим делом. Этот момент превосходно иллюстрирован Соколовым, а его акварель является своего рода маленьким шедевром», — так оценил журнал «Нива» № 43 в 1900 году эту чудную вещь уже покойного художника.

Из четырех имеющихся в Московском музее коневодства масляных полотен можно выделить небольшую по размерам композицию «Заснул» (1872).

Около лесной сторожки спит утомленный охотой псарь. Рядом понуро стоит усталая после скачки лошадка, у ног которой растянулась серо-пегая борзая. Незамысловатая, но очень правдивая сцена в типично русском пейзаже.

Весьма выразителен эпизод в акварели «Доезжачий» (1871). Спешившийся охотник отпазанивает заднюю лапку затравленного зайца. Уставшие борзые внимательно наблюдают за этим действием в предвкушении заслуженного ритуального лакомства.

В отличие от Сверчкова, писавшего исключительно охоту псовую, Соколов изобразил ее во всем многообразии. В 1870-х годах в Петербурге Фельтен издал альбом «Русские охоты», в который вошли хромолитографии с акварелей художника, находящихся в настоящее время в Русском музее (за исключением двух работ — «Медведь подмял под себя охотника» и второго варианта акварели «На тяге»). Даже неполный перечень вошедших в это издание листов показывает широту охотничьего и художественного кругозора автора: «Убитый лось», «Охота на дроф», «Охота на глухаря», «Охота на чернышей с чучелами» и т.д. С этого времени за Соколовым окончательно утвердился слава изобразителя охотничьих сцен. «Можете упомянуть еще одну очень лестную для меня правду — то, что мои охотничьи сюжеты так популярны, что хромолитографические снимки с них встречаются в самых дальних окраинах и захолустьях России», — сообщал Петр Петрович в письме знакомому журналисту.

Популярности художника помогало его участие в отечественных и зарубежных экспозициях. Он показывает свои работы на Академических выставках в Петербурге: в 1874 году картину «Обоз» и «Баба, убивающая медведя» (исторический эпизод); в 1876-м — акварель

к стихотворению Некрасова «Сам топыгин-генерал едет на берлогу»; в 1877-м — «Охотник на оленя».

В 1867 году Соколов дебютирует на Всемирной выставке в Париже, затем выставляется в Филадельфии в 1876 году и в 1879 году — в Чикаго.

Конец 1870-х для Соколова оказался периодом очень насыщенным разным рода событиями. Он много охотится, работает, путешествует по России, выезжает за границу со своими картинами. Как большинство русских людей, Петр Петрович не остался равнодушным к событиям на Балканах. С начала русско-турецкой войны 1877—1878 годов Соколов получает назначение в штаб наших войск в качестве баталиста. Восприняв как честь эту должность, он с энтузиазмом принялся за новое для себя дело. Однажды в ходе жаркого сражения под Плевной художник так увлекся наброском с натуры, что не заметил команды к отступлению. Тяжело раненный, он остался лежать на поле боя, пока солдаты не подобрали его вместе с этюдником и картиной. Домой в Петербург живописец вернулся счастливым и гордым, с Георгиевским крестом и толстой папкой зарисовок. По ним он написал несколько работ, из которых можно выделить «Переход через Балканы», «Переправа через реку Марицу», «Редут в Журжеве», «Казак с болгарским ребенком на руках».

Иллюстратор-жизнелюб

И. Левитан говорил, что «надо жить красиво». Соколов, конечно, не мог слышать этот мудрый совет, но всю жизнь придерживался подобного принципа. «Как только Петр успел опереться, — пишет его брат Павел в книге воспоминаний, — так выпорхнул из родного гнезда. Еще в очень молодых годах он имел склонность связываться с шалопаями, кутилами и находил в этой среде почти удовлетворение своей ищущей сильных впечатлений натуре».

Благодаря привлекательной наружности, таланту и светским манерам, Петр быстро вошел в высшее общество и совсем оторвался от семьи. Отец, Петр Федорович, степенный человек, сильно переживал за сына, недоумевая о причинах его поведения. Он, очевидно, запечатлел о «подвигах» собственного покойного батюшки, деда Петра. А дедушка, будучи весьма состоятельным человеком, пристрастился к карточной игре, которая в конце концов и погубила его. В один прекрасный день он проиграл все состояние и, не перенеся случившегося, скоропостижно скончался. Семья осталась без средств к существованию.

И вот теперь внук неудачливого игрока пытался встать на аналогичную стезю. Однако его интересовали не только карты, но и другие игры: бильярд и скачки, охота и прекрасный пол. Успех у представительниц лучшей половины человечества, естественно, требовал средств. Слава Богу, Соколов прилично зарабатывал рисунками, но

П.П. Соколов. Расправа. 1869 г.

размах широкой русской души все-таки превышал размер доходов художника. Особенно тяжело пришлось ему с французской актрисой Лени Фолкон, связь с которой затянулась надолго. Не всегда выручали даже солидные заказы. Однажды он подрядился писать охоты Воронцова, но, получив от графа аванс, очутился в Париже в обществе веселых гризеток...

Репутация Петра Соколова как охотничьего живописца и графика с особой наглядностью проявилась в его сотворчестве с И.С. Тургеневым. Их роднили не только европейские пассии. «Записками охотника» Петр Петрович просто не мог не увлечься. Над их оформлением художник много работал. «И как же сам художник любил и ценил «Записки охотника». Они всегда были перед глазами его, сопутствуя Соколову при поездках», — читаем о нем в рукописных воспоминаниях В.С. Кривенко (зятя П.П.). В течение десятилетий он неустанно варьировал свои иллюстрации к Тургеневу, добиваясь большего звучания и соответствия оригиналу. Есть предположение, что он специально ездил в имение Тургенева Спасское-Лутовиново, где познакомился с камердинером писателя и знаменитым персонажем «Записок» Ермолаем.

В конце 80-х — начале 90-х годов Петр Петрович много и проникновенно трудился над рисунками к «Мертвым душам» Н.В. Гоголя. Их первое издание относится к маю 1891 года. Не упустив бытовых полостей, Соколов воссоздал саму жизнь мелкопоместной провинции. Вместе с тем бытовые де-

тали он подчинил главному — раскрытию характеров гоголевских героев. Для охотников особенно привлекателен лист «Чичиков у Ноздрева», отобразивший со скрупулезной верностью текст соответствующей главы книги: «Вошедши на двор, увидели там всяких собак... Ноздрев был среди их совершенно как отец среди семейства...»

Пик популярности

Когда П.П. Соколов перевалило за пятьдесят, он не изменил своим главным принципам и старался поддерживать «качество жизни» на прежнем уровне. Жил в окруженном садом особняке на 14-й линии Васильевского острова. Мягкая мебель и рояль были привезены из усадьбы. В кабинет-спальне стояли прекрасные столы мореного дуба, на стенах восточная ткань, охотничьи принадлежности, две собственные вещи — «Тетерев на току» и «Доезжачий».

Картины Соколова раскупались очень быстро, в том числе членами так называемого «малого двора». Например, великий князь Владимир Александрович владел пятью соколовскими работами: «Привал», «У крыльца», «Утиный перелет», «Квартет», «Травля лисицы в горах». Графиня Голенищева-Кутузова приобрела поэтичную акварель «Ночное» на тему тургеневского рассказа «Бежин луг». Знаменитому коллекционеру П.В. Деларову принадлежал своего рода «натюрморт» — седло, уздечка и стек на стуле. Но как он написан! Каким бархатом отливают красная подбивка седла! Тот, кто видел эту работу, неизменно приходил от нее в не-

описуемый восторг. П.М. Третьяков купил у Соколова «Охоту на волка» и «Конную ярмарку в Лебедяни». Самая же богатая коллекция «соколовых» была у коннозаводчика Я.И. Бутовича (около тридцати только одних акварелей). Кое-что Яков Иванович приобрел уже в 1920-е годы, в частности, две небольшие акварели: «Лошади в поле», полную романтичности, правды и красоты, и «На лазу». Соколов иногда писал конские портреты, которыми Бутович в разное время пополнил свое богатейшее иппическое собрание.

Только при жизни Соколова его произведения экспонировались на восемнадцати российских и зарубежных выставках. Помимо Академических он участвует в выставках Общества русских акварелистов в 1893, 1894 и 1895 годах, на которых демонстрируются десятки его графических работ, причем с неизменным успехом. Журналы отмечают виртуозность техники автора, достоверность ситуаций и пр. «Чрезвычайно эффектен его (Соколова — В.П.) сеттер, с недоумением взирающий на взлетевшего перед ним бекаса», — писали «Художественные новости» в 1887 году.

Большие средства Соколов по-прежнему тратил на поездки для участия в заграничных выставках: в 1889 году в Париже, в 1891 году в Берлине, в 1883 году в Чикаго и Лондоне. Самый большой успех выпал на долю художника во Франции в 1889 году, где он вместе с другими работами выставил в галерее Бернгейма свою знаменитую акварель-гуашь на тургеневскую тему — «Конная ярмарка в Лебедяни» (1886).

П.П. Соколов. Борзятник. 1869 г.

П.П. Соколов. Травля волка. 1872 г.

В Париже Петр Петрович получил за нее орден Почетного Легиона, а депутация французских живописцев во главе с маститым Ж.Л. Мейсоном поднесла ему диплом почетного члена Общества французских художников.

Немало повидал неувядаемый Соколов охот на своем веку, во многих и сам принял участие. Поэтому заметно, что рука анималиста повторяет ранее увиденное и пережитое. Как, например, в акварели «Охотник в лесу» (1882), в гуаши «Охота на волка с борзыми» (1892) или темпера «Вьюга» (1886). В журнале «Нива» № 3 за 1883 год отмечалось, что акварель «По пороше за красным» «несомненно, очень удачна. С первой порошей охотникам не утерпеть, и быстро снаряжаются в путь... Стерегутся по глубокому логому, оврагам и перелескам хищники. Травленный волк издали чует и понимает, что значит этот топот лошадей, твяканье свор, и в испуге, взглянув на охотников из-за куста, тянет через снежную равнину подальше в синеющий лес... а хитрый лис, таща скраденную на селе курицу, несет ее опушкой в свою темную, глубокую нору».

Скажи, кто твой друг?

Принято считать (в среде искусствоведов), что у Соколова был «неуживчивый» характер, что он плохо сходился с людьми. Близких друзей у Соколова в самом деле было не так много. Среди них Сергей Николаевич Терпигорев (псевдоним Атава), известный в прошлом ружейный охотник и писатель. Именина Соколова и Атавы располагались в Тамбовской губернии по соседству, и в 1880-е годы они там вместе охотились. Оба претендовали на звание «летописцев помещичьего и мужичьего оскудения». Но главное, что у обоих совпадало восприятие природы и ощущение ее красоты. Их дружба подарила нам чудесный портрет Сергея Николаевича в красной рубаше с черным сеттером на коленях.

Соколов сдружился с еще одним замечательным охотничьим писателем — Николаем Григорьевичем Буниным. Многие годы их связывали крепкие товарищеские отношения. К книге Бунина «Рассказы охотника», изданной его дочерью в 1900 году, Петр Петрович написал веселое стихотворное послание. В кабинете литератора долго красовались выполненные Соколовым рисунки к бунинским очеркам.

Добрые отношения с Н.Н. Каразиным, писателем, живописцем, путешественником, охотником и просто прекрасным человеком, составили бы честь для любого. Соколов поддерживал с ним дружескую связь. И в русско-турецкую войну приятели, не сговариваясь, отправились на фронт в одно время. Оба участвовали в выставках Общества русских акварелистов.

Соколов гостил во многих помещичьих имениях, где охотился, изучал

особенности разных охот, писал портреты хозяев и их питомцев — лошадей, собак, делал зарисовки будущих жанровых картин.

Почитателям творчества мастера почти незнаком его смоленский период деятельности, относящийся к концу 1880-х годов. В это время Соколов помогал владелице Ярцевской мануфактуры В.А. Хлудовой в устройстве галереи живописи и скульптуры. Там, в уездном городке Ярцеве, Петр Петрович работал довольно долго и оставил три акварели: «Становой на тройке», «Привал на охоте» и «Голова мопса». Первые две работы навеяны смоленскими мотивами. На переднем плане «Привала» отдыхают два охотника с легавыми. К ним подошел старик пастух, поздравил «с полем» и заслужил полшкалика горячительного. Жанровая сцена умело вписана в местный пейзаж — типичную смоленскую болотистую природу. Автор демонстрирует зрелую живопись: чувствует цвет и его разнообразные оттенки.

Владельцы имения Талашкино Смоленской губернии Тенишевы одобительно относились к графике Соколова. Приглашенный хозяевами в Талашкино художник сошелся с князем В.Н. Тенишевым, и они вместе не раз выбирались с ружьем в смоленские леса и болота. Под впечатлением этих вылазок Соколов выполнил две акварели: «Охотник» (1895) и «Князь В.Н. Тенишев на охоте».

В первом ряду

Еще в начале 1890-х годов П.П. Соколов продолжал интенсивно трудиться. Современники не раз говорили, что

он обладает секретом вечной молодости, что его искусство «неувядаемо». Действительно, творческого упадка Соколов не знал до конца жизни. «И до седин молодые порывы в нем сохраняются, прекрасны и живы», — как будто о Соколове сказал Н.А. Некрасов. В 1895 году исполнилось пятьдесят лет художественной деятельности Петра Петровича. Общество русских акварелистов прислало ему адрес. В газетах и журналах появились статьи, восхвалявшие искусство юбиляра.

В феврале 1899 года на собрании академиков И. Репин, В. Маковский и К. Лемох выдвинули кандидатуру П.П. Соколова на присвоение ему академического звания, которого он был удостоен 6 апреля того же года. Жаль, что в это время художник тяжело болел и не мог по-настоящему порадоваться запоздалой высокой оценке. Он уже самостоятельно не передвигался, доживая свой век на даче в Царском Селе. 5 октября скромный траурный кортеж проводил его в последний путь до местного кладбища.

На следующий год в Петербурге устроили посмертную выставку произведений П.П. Соколова. До октября 1917 года его картины экспонировались еще на шести российских и одной парижской выставках, затем — на трех экспозициях в советское время (1948, 1949 и 1951 годы). Почти 400 работ мастера, из которых более ста посвящено охоте, украшают стены (или запасники) Русского музея, Третьяковки, Музея коневодства, картинные галереи Киева, Омска, Риги и других городов России и зарубежья.

П.П. Соколов. Охота на волка. 1873 г.

ФАКУЛЬТЕТ ОХОТОВЕДЕНИЯ И БИОЭКОЛОГИИ РГАЗУ ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ

Факультет охотоведения и биозологии Российского Государственного Аграрного Заочного Университета (**ФГБОУ ВПО РГАЗУ**) организован в 2011 г., но вся история факультета насчитывает уже более 80 лет, потому что он организован на базе кафедры экологии и охотоведения ВСХИЗО и знаменитого пушно-мехового института в Балашихе.

Деятельность ВУЗа связана с именами известных охотоведов и биологов — член-корреспондента АН СССР С.П. Боголюбовского, профессоров П.А. Мантейфеля, С.А. Северцова, С.П. Наумова, А.Н. Формозова, В.Ф. Ларионова, А.Г. Томилина, А.М. Колосова, Ю.П. Язана и других.

На факультете работают квалифицированные преподаватели, доктора и кандидаты наук, авторы научных монографий по экологии, охотоведению, биологии и кинологии.

Декан факультета охотоведения и биозологии — Е.К. Еськов, профессор, доктор биологических наук, руководитель научной школы, заведующий кафедрой экологии и охотоведения, заслуженный деятель науки и техники РФ, почетный член Нью-Йоркской академии наук.

На факультет принимаются лица, имеющие профильное среднее профессиональное образование (охотоведение и звероводство, кинология, защита и охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, природообустройство, лечебное, акушерское и медико-профилактическое дело, фармация, лабораторная диагностика, аналитический контроль качества химических соединений, биотехнология) и др. сельскохозяйственные и биологические направления.

Лица, получившие среднее полное (общее) образование до 01.01.2009, а также лица, имеющие профильное среднее профессиональное образование, получившие образование в иностранном образовательном учреждении или иностранные граждане, лица с ограниченными возможностями здоровья имеют право поступления по результатам самостоятельных вступительных испытаний университета.

Для поступающих на обучение по направлению подготовки «биология» проводятся вступительные испытания по русскому языку, биологии, химии. Для лиц, имеющих профильное среднее профессиональное образование, проводятся вступительные испытания по профильному предмету (биология). Лица, получившие образование после 01.01.2009, принимаются по результатам ЕГЭ.

После завершения обучения по одному из выбранных профилей предоставляется право поступления в магистратуру со сроком обучения по заочной форме — 2 года 5 месяцев. После

завершения обучения и защиты диссертации присваивается квалификация (степень) магистр.

Факультет охотоведения и биозологии готовит студентов заочной формы обучения по направлению высшего профессионального образования 020400 – «Биология» с присуждением квалификации (степени) – бакалавр биологии по профилям:

«Охотоведение» — охотovedы успешно работают в охотничьих хозяйствах, заповедниках и заказниках, зоопарках, обществах охотников и рыболовов, научно-исследовательских институтах и центрах, занимают руководящие должности в системе управления охотничьим хозяйством России. В сферу профессиональной деятельности охотovedов входит охрана и организация рационального использования охотничьих ресурсов.

«Биозология» — биозологи занимаются биомедицинскими и природоохранными технологиями, работают в медицинских научно-исследовательских институтах и центрах, лечебных учреждениях, клинических, бактериологических и вирусологических лабораториях. В системе здравоохранения РФ выпускники факультета занимают должности биолога, зоолога, энтомолога и дезинфектолога.

«Кинология» — полученные знания помогают успешно заниматься служебным, специальным и охотничьим собаководством. Студенты овладевают навыками племенного разведения и дрессировки собак всех пород. Приобретаемая студентами квалификация позволяет подготовить своих питомцев к участию в соревнованиях и выставках, а также стать профессиональными хендлерами. Во время обучения наши студенты изучают основы поведения собак, методики их рационального кормления.

На факультете ведутся фундаментальные и прикладные исследования по широкому кругу проблем экологии и охотоведения.

Аккредитованная и оснащенная современным оборудованием аналитическая лаборатория экологического мониторинга позволяет выполнять фундаментальные и прикладные экологические исследования. На факультете ведут исследования аспиранты и соискатели ученых степеней.

Диссертационный совет РГАЗУ принимает к защите диссертации по экологии, звероводству и охотоведению. Результаты исследований ученые факультета публикуют в журнале «Вестник охотоведения», который учрежден РГАЗУ и включен в список ВАК.

Студенты также принимают участие в научной работе, используя результаты исследований для подготовки дипломных работ. Две лучшие дипломные

Евгений Константинович Еськов

работы ежегодно отмечаются сертификатами и денежными премиями Росотрыболовсоюза.

На факультете сформирован зоологический музей, который постоянно пополняется новыми экспонатами.

Сроки приема документов для поступления в РГАЗУ:

с 11 января по 15 марта; с 1 апреля по 10 июля; с 1 августа по 20 сентября; с 1 октября по 20 ноября.

Документы, необходимые для поступления в РГАЗУ:

- заявление;
- аттестат о среднем (полном) общем образовании или диплом о начальном или среднем профессиональном образовании + копия;
- фотографии 3x4 см (4 шт.);
- копия свидетельства о браке (если изменена фамилия);
- документы, дающие право на льготы, установленные законодательством РФ (для лиц, претендующих на указанные льготы);
- паспорт и его копия.

Адрес: 143900, г. Балашиха-8 Московской области, ул. Юлиуса Фучика, д. 1.

Проезд до остановки «РГАЗУ» из Москвы автобусами и маршрутными такси: № 336, 322, 444 от станции метро «Партизанская»; № 338, 396 от станции метро «Щелковская»; № 291 от станции метро «Шоссе Энтузиастов»; № 125 от станции метро «Новогиреево»; № 473 от станции метро «Перово»

Телефон приемной комиссии РГАЗУ: 8 (495) 521-55-46;
e-mail: priemkom@rgazu.ru;
сайт: www.rgazu.ru. Факультет охотоведения и биозологии располагается в 6 учебном корпусе, телефон: 8 (495) 521-45-74.

Гlossарь русского охотничьего языка

Е. ЦЕЛЫХОВА

Мазурина — темный щипец борзой собаки (иногда и темные кончики лап): красная с **мазуриной**; происхождение туманно, однако определенно имеется связь с глаголом «мазать», отсюда же «мазура» — голубь с темным пятном на голове (М. Фасмер); вероятнее всего метафорический перенос по сходству.

Малик — след зайца (Надо полагать, что в бесснежное время зайц не столь старательно усложняет свой след, хорошо понимая разницу между видимым всяким глазом **маликом**, особенно по печатной пороше, и «виртуальным» следом по чернотропу (Т. П. Томилова «Зайцы и охота на них».); **гонный малик** — след зайца, поднятого с **лежки** (Н. Ф. Реймерс «Словарь охотника»); М. Фасмер приводит слово лишь в значении «лыжня на снегу», и предполагает его происхождение от «мал», «малый», в отличие от большого санного следа; В. И. Даль предполагает татарское происхождение слова, приводя его в значении «следы, след, сакма, по песку, илу и прочее, особенно лыжный след»; крайне маловероятна связь с глаголом «малевать» (от нем. malen — «рисовать»); слово вышло из общезыкового употребления, но сохранилось в охотничьем языке; сходить зайца по малику — **тропить** зайца.

Малый секач — (Вост. Сиб.) секач четырех лет. (Молодые кабаны до году здесь называются просто поросятами, двухгодовалые — **лонскими поросятами**, трех лет — **третьяками**, четырех — **малыми секачами**, а пяти, шести и далее — **матерыми секачами** (А. А. Черкасов «Записки охотника Восточной Сибири»)).

Манера отдачи голоса — один из критериев оценки голоса гончей, не входящий, однако, в список её официально оцениваемых качеств, включающий в себя только **полаз** (поиск), **добычливость**, **мастерство**, **чутье**, **вязкость**, **силу**, **музыкальность**, **верность отдачи голоса**, **свальчивость**, **ровность ног** (для смычка), **паратость**, **приездку** (послушание); **частая манера отдачи голоса**, редкая отдача голоса (редкоскалость); **манера** частично определяет **музыкальность**.

Манера поиска — наряду с **быстротой хода** составной элемент так называемого «**поиска**» (одного из ключевых качеств легавой собаки). (В **поиске** легавой собаки нас интересует **быстрота хода** и **манера поиска**... **Манера поиска** у хорошо натасканной собаки также меняется в зависимости от условий места охоты и направления ветра по отношению к линии хода охотника («Пособие по охотничьему собаководству»)).

Манера причуивания — составной элемент и один из критериев оценки **чу-**

тья легавой собаки. (**Манера причуивания** — понятие специфическое, используется только для характеристики чутья **легавых**, точно соответствует термину «верх», является внешним, потому наблюдаемым проявлением **чутья**. Следовательно, оценивается, как и другие проявления **чутья**, в работе по дичи ... причуивания определяется на отработке каждой конкретной птицы от начала **причуивания** (**прихватки** запаха) до подъема дичи на крыло. При оценке манеры **причуивания** учитываются все работы по встреченным птицам. В том, что дальность определяется от начала **потяжки**, а верх от начала **причуивания** ... Именно в момент **прихватки** легавая должна перейти на чистый **верх** (С. Королев «Терминология в правилах испытания легавой»)).

Манить — подзывать птицу или зверя, подражая голосу сородича или потенциальной жертвы с помощью специального устройства или какого-либо другого способа; отсюда: **манок** — приспособление для приманивания определенных видов зверей или птиц; возможно также **манка** — процесс приманивания с помощью манка; добывать на манку, идти на манку, охота на манку; «манить» — слово древнего происхождения: в сходном значении «обманывать, манить» существует в в.-луижском языке — «manic»; М. Фасмер возводит слово к др. инд. «maуа» — «волшебная сила, обман, иллюзия».

Манишка — белое пятно на груди у медведя (Попадаются изредка медведи с белой **манишкой** на груди (А. А. Черкасов «Записки охотника Восточной Сибири»); метафорический перенос.

Манчук — чуело гуся, использующееся на охоте из **засидки** (**скрада**) наряду с профилями.

Мароватый гон — нестабильный **гон** с частыми **сколами** и **перемолчками**; **маровато** (гонять) — нестабильно; **мароватая** (о гончей) — не обладающая достаточным **мастерством** и потому **гоняющая** с большими и частыми **перемолчками**; встречающееся в специальной литературе написание через «о» («мароватый») является ошибочным, лексема «маровато» правильно пишется через «а», так как происходит от слова «мар», «марев» («дымка, туман» — «неясность»), а не «мор»: конечно, заморенные гончие гоняют **маровато**, но это не есть первопричина номинации.

Мартовик — заяц, родившийся в марте, то же, что **настовик** (Н. Ф. Реймерс «Словарь охотника»).

Мастер — гончая, обладающая всеми отличными полевыми качествами. (Которая гончая, будучи еще на **смычке** под **островом** может далеко **причуять** зверя, то есть: лишь только ее спустят со **смычка**, то прямо **полезет**, где зверь **лежит** и, толкнув его с **лога**, **взрячь** помчит (**погонит**), а по-

том будет **гонять** **верхним** **чутьем** (подняв чутье вверх); у которой гончей никогда **упалого**, **отселого** и **удалелого** зверя быть не может; которая не сорвется, не **пролезет** мимо зверя, если он будет даже через реку или побежит мокрыми и каменистыми местами, а потом **повалится** на большой камень такая гончая **мастер** (П. Мачеварианов «Записки псового охотника»)).

Мастерить — 1) путать след (И только вынуждаемый гоним (заяц Е. Ц.) принимается **мастерить** (Т. П. Томилова «Зайцы и охота на них»); 2) — (при загонной охоте, при езде с борзыми вравняжку) не давать зверю свернуть в сторону, уйти в крепкое место; **замастерить** лису — завернуть лису; 3) **пометив** далеко **идушего** в поле зверя, постараться незаметно подскатать к нему поближе, чтобы вернее **набросить свору** (Н. Ф. Реймерс «Словарь охотника»).

Мастерство — 1) ... это быстрое нахождение временно утерянного следа гонного зверя (М. А. Сергеев «...Подвиг всей жизни... Сборник статей») (Пробный камень всех вообще гончих — это островной белаяк; только на нем и можно вполне оценить мастерство; для этого нужно выбирать **незайчистые** острова (Н. П. Кишенский, «Ружейная охота с гончими»)).; 2) проявление борзой особых приемов и сметливости, позволяющих с наименьшей затратой усилий быстро овладеть зверем, например, перехватить его заходом со стороны и срезанием углов; 3) работа легавой в тесном контакте с ведущим, использование ею токов воздуха при отыскании птицы, отсутствие пустых стоек и т. п.; 4) способность лайки искать зверя и птицу, пользуясь одновременно чутьем, слухом и зрением, умение **следить** идущего верхом зверька; 5) способность норной собаки настигать зверя в норе и быстро выставляя наружу, либо **брать его по месту** и, задушив, **вытаскивать** на поверхность; 6) повадки, позволяющие зверю перехитрить преследователя: **сдваивание**, **страивание** следа и **сметка** зайца, выход лисицы на пахнущие горючим и смазочными маслами наезженные дороги и т. п. (Н. Ф. Реймерс «Словарь охотника»).

Матереть (обматереть, заматереть) — достигнуть полного размера и силы (Когда лисята подрастут еще больше и начнут **матереть**, лисяца приносит им живых птичек и мышей, с которыми лисята сначала играют, а потом с жадностью пожирают (А. А. Черкасов «Записки охотника Восточной Сибири»)).; от старославянского «матерство» — «старшинство, почетное положение по старости и первородству» (по П. Я. Черных «Историко-этимологический словарь современного русского языка»).

Продолжение следует

Начало см. № 1—3, 2013 г.

Конференция в Индии

**С. ПУЧКОВСКИЙ, профессор,
доктор биологических наук
Удмуртский государственный
университет, Ижевск**

Международная ассоциация специалистов в изучении и управлении популяциями медведей мира (IBA), объединяющая свыше 500 членов из примерно 50 стран, почти каждый год проводит конференции, которые организуются в разных странах. 21-я международная конференция специалистов в названной сфере (членов IBA и не являющихся таковыми), проходившая с 26 по 30 ноября 2012 года в Нью-Дели (Индия), имела свои приоритеты. Заметно преобладали сообщения о медведях Южной и Юго-Восточной Азии: медведе-губаче, который распространён на полуострове Индостан; малайском (он же солнечный, бируанг) медведе, обитающем в Юго-Восточной Азии и на островах Суматра и Калимантан; гималайском подвиде (т. е. обитающем именно в Гималаях!) бурого медведя и азиатском чёрном (другие названия этого вида: белогрудый, гималайский, лунный) медведе, ареал которого простирается (с большими разрывами) от Ирана до Хабаровского края и Японии, а на юг — до Северной Индии, Северного Вьетнама и Тайваня. Но на конференции были представлены и результаты исследований по другим видам медведей.

Как это обычно бывало и на других конференциях, принимающая страна явно доминировала по числу докладов, поэтому неудивительно, что Индия выглядела мировым лидером науки о медведях. И для этого есть основания! Ведь ни в какой другой стране нет такого медвежьего видового богатства: в Индии живут четыре вида из восьми, населяющих Землю. Содержание и тематика примерно 200 сообщений участников конференции отразили не только уже названные приоритеты, но и тенденции, которые характерны для начала столетия. Новые методы, основанные на современных технологиях, применяются во множестве стран, включая те из них, где социальная и экономическая обстановка не очень благоприятна или даже весьма трудна.

Заметно расширился фронт управляющих воздействий, направленных на сохранение медведей, в основном за счёт мер в сфере образования, социальной работы, взаимодействия с администрацией, совершенствования природоохранного законодательства, международного сотрудничества. При этом в работу по охране медведей включаются не только зоологи и охотоведы, но также работники особо охраняемых природных территорий, юристы, социологи, администраторы разных уровней, студенты и добровольцы.

Торжественный момент в работе конференции

Фото И. Серёдкина

В коллективы, выполняющие программы и отдельные проекты по управлению популяциями медведей, обязательно включаются специалисты с компетенциями ветеринаров, инженеров, математиков, а собранные материалы обрабатываются специалистами в молекулярной биологии, популяционной генетике и экологическом картографировании.

Медведь-губач считается самым многочисленным в Индии (по оценкам 1970-х — около 10 тыс. голов), однако полноценный учёт населения этого вида ещё предстоит осуществить. По одной из недавних прогнозных оценок ёмкости угодий страны, численность губачей в современной Индии может быть увеличена вдвое. Пока же специалисты (их многие десятки) в разных штатах Индии регистрируют довольно много численные конфликты между губачом и местными жителями (напомним, что плотность населения в современной Индии составляет 360 человек на 1 кв. км!), а результаты их исследований будут всё более полезны по мере накопления. Что уже действительно проводится в жизнь, и успешно — это работа по проблеме «танцующих медведей».

В Индии существует своеобразная полукочующая этническая группа «каландары», которые образом жизни похожи на цыган. Среди традиционных занятий каландаров — организация зрелищ с использованием дрессированных животных. В том числе это танцующие медведи, навыками дрессировки и содержания которых каландары владеют уже многие сотни лет. Для дрессировки годятся медведи любых видов, но в Индии чаще всего используются именно губачи, как наиболее

многочисленные.

Начинать дрессировку принято с медвежат, которые игривы и приятны в общении. Однако по мере наступления половой зрелости у губачей (как и у медведей всех прочих видов) очень сильно меняется поведение. Взматеревший зверь становится опасным, а управлять его поведением всё труднее. Поэтому дрессировщик заранее вставляет в нос зверю стальное кольцо (иногда это прочная верёвка), удаляет клыки. Иногда подрезаются когти. Рывок за кольцо в носу причиняет медведю сильную боль, которой он старается избежать и остаётся управляемым.

Особая задача — превращение медведя в «танцующего». Для этого нужна круговая стальная платформа, на которую помещают, крепко привязав за кольцо в носу, медведя. Под платформой разводится костёр, который всё сильнее разогревает металл. Медведь вынужден постоянно переступать с ноги на ногу. Эту процедуру сопровож-

Медведи-губачи в питомнике в окрестностях Агры

Фото автора

дает барабанный бой или иная музыка. Со временем, ещё только слышав дробь барабана (вырабатывается условный рефлекс!), медведь начинает «танцевать», а зрители приходят в восторг: вряд ли они знают, каким жестоким способом добывается каландар успеха в дрессировке.

Напомню, что для каландаров танцующие медведи — средство заработать на жизнь. Поэтому существующие в стране запреты на охоту, содержание в неволе и использование танцующих медведей чувствительны для благосостояния этих людей. Не ограничиваясь только запретами, специалисты в управлении природой и органы администрации (особенно социальные службы) помогают каландарам найти другие способы заработать на существование, изыскивают рабочие места, ведут разъяснительную работу и т. д. Подход, который можно назвать системным, даёт хорошие результаты. Танцующие медведи изымаются и помещаются в особые питомники, где с ними проводится курс реабилитации, включающий в том числе залечивание ран от стального кольца.

Самый малочисленный вид медведей (около 1,5 тысяч особей), обитающий только на ограниченной южной территории Центрального Китая — **большая панда**. Броская чёрно-белая окраска, привлекательный внешний вид в сочетании с редкостью сделали этого зверя символом страны. В Китае проводится очень большая работа по изучению панды, затрачиваются значительные средства на охрану вида в природе и его разведение в неволе. Выяв-

лены 30 популяций, которые невелики по размеру, что по генетическим причинам способно привести к снижению жизнеспособности популяций. Целый ряд щедро финансируемых проектов направлены на решение проблемы. В числе организуемых мер — создание «коридоров» между популяциями, по которым популяции могли бы обмениваться особями для снижения вероятности близкородственного скрещивания. В одном из исследований за три года использовались 242 камеры для скрытой съёмки, получены 3570 фотографий тридцати двух видов местных животных. Добавлю также, что успешно решается непростая проблема размножения большой панды в неволе.

Пожалуй, самый редкий подвид — **мазалай**, или гобийский бурый медведь, житель Монголии. По осторожным оценкам на 2007 г. предполагалось, что в Монголии обитает от 20 до 50 медведей. Исследование, проведённое интернациональным коллективом учёных в 2009 г. (с использованием генетических методов и мечения) выявило наличие в популяции только 14 самцов и 7 самок при низком уровне изменчивости. Состояние популяции — критическое.

Участники 21-й конференции представляли 37 стран. Конференция проходила под патронажем Правительства Индии и при содействии целого ряда ведомств, нескольких международных неправительственных организаций. Место проведения — Центр охраны природы, представляющий целый комплекс зданий с удобными помещениями и прекрасной охраняемой террито-

рией с цветущими магнолиями, лотосами и сотнями птиц. Организация конференции была безупречной.

Материалы конференции и множество публикаций (научные англоязычные журналы, СМИ) показывают, насколько обширен фронт работ по управлению популяциями медведей в зарубежной (для россиян) Азии, насколько велика роль международного сотрудничества. Для меня ещё более очевидным стал факт значительного отставания России в науке и практике управления отечественными медведями. Причины — отсутствие финансирования и общий застой в науке (кроме некоторых направлений в основном оборонного значения), отставание в высоких технологиях и, конечно, недостаточная работа системы образования, СМИ, природоохранных структур. В России много (как нигде более!) бурых медведей, много также желающих поохотиться на них или заработать на продаже права на медвежью охоту. А тех, кто готов поделиться доходами в виде добровольных пожертвований на исследования биологии медведей, как нигде мало! Впрочем, речь, конечно, не обо всех странах мира.

Среди выполняемых, несмотря на трудности, проектов российских авторов наибольшей известностью пользуются работы по воспитанию осиротевших медвежат (руководитель — В.С. Пажетнов, Центрально-Лесной заповедник). Успешны и идут «в ногу» со временем исследования дальневосточников (И.В. Серёдкина, К.В. Скриповой).

А будни охраны редких видов медведей Азии продолжаются. Вот появился призыв оказать помощь учебному центру по охране природы в Баликпапане (Восточный Калимантан, Индонезия), занимающемуся охраной солнечного медведя. Для интересующихся даю адрес сайта: www.beruangmadu.org

И несколько заключительных слов. В детских книгах и журналах, на фотографиях, стилизованных плакатах, в мультфильмах и любых других фильмах, в иных произведениях образовательного, природоохранного и общего гуманитарного назначения формируется обобщённый образ медведей разных видов: этакий добродушный, пушистый, косопалый симпатяга, который дружит с другими столь же симпатичными зверюшками и, конечно, с детьми, защищает маленьких и борется за справедливость. Винни Пух, если в двух словах! Назначение этого образа — воспитание любви к живой природе, единение со всеми «братьями меньшими», охрана медведей и других крупных хищников. Но не следует путать «экранный» образ медведя и реального зверя в природе. Даже самые мелкие из медведей — солнечные (масса взрослого зверя 30—60 кг) очень сильны, хорошо вооружены (когти, зубы) и не позволяют обращаться с ними как с любимой игрушкой. Держите дистанцию, господа, и учите этому детей!

Каландар с дрессированным губачом

Фото Geeta Seshamani

Первомайская «демонстрация»

Наша «демонстрация» началась 1 мая около семи часов утра. Дежурные части МЧС, ОВД и Октябрьское общество охотников и рыболовов получили необычное сообщение: по улицам города торжественно шествует... кабан! Лесная обитательница (как выяснилось, годовалая самка), проникла в город, подобно герою Ильфа и Петрова, с северо-западного направления.

Молодая кабаниха в конце концов оказалась в городе, в парке «Нефтяник», и стала выказывать признаки агрессивности. Сотрудники полиции и МЧС оперативно организовали оцепление, чтобы обезопасить горожан. Специалистам охотобщества удалось в короткое время блокировать зверя, временно обездвижить, вывезти и выпустить в лес...

В тот же день в 18.00 сотрудники охотобщества и МЧС выехали спасать попавшего в беду лося. Годовалый бычок переплыл реку Ик со стороны Татарстана, но, выбираясь на высокий берег, провалился задними ногами в глубокую промоину, образовавшуюся в половодье на месте бобровой норы. К моменту обнаружения рыбаками завалился буквально «по плечи», висел в промоине на грудной клетке, с трудом дышал и был до крайности утомлен, но, к счастью, остался не пораненным.

Помощь подоспела вовремя. Объединенными усилиями рыбаков, спасателей и егерей лося с помощью петли вытянули из западни, развернули к лесу передом, а к реке задом (животное пару раз порывалось скануть в Ик) и побудили самостоятельно углубиться в урему.

Г. АГАПИТОВ

Фото Ф. ХАБИБОВА

Республика Башкортостан, г. Октябрьский

Уникальный определитель птиц

Сергей ФОКИН

Этого события любители природы и орнитологи ждали давно. Вышел трехтомный «Полный определитель птиц Европейской части России» /Под общей редакцией М.В. Калякина.— М.: «Фитон XXI», 2013.

Уникальность его заключается прежде всего в высококачественных фотографиях всех видов птиц, для большей части которых приведены также снимки гнезд, птенцов, слетков и молодых птиц. Справочника такой полноты никогда не было не только в России, но и в Европе. Недаром это издание получило у орнитологов название полной фотознциклопедии птиц. Каждый из трех томов — это книга увеличенного формата с описаниями внешнего облика, голоса, поведения, распространения и образа жизни в общей сложности 486 видов птиц, встречающихся у нас на гнездовании, пролете и зимовках. Особо подчеркиваются отличия от других сходных видов. Представлены карты распространения каждого вида.

Изложение материала дается в систематическом порядке. В первый том входят очерки по гусеобразным, курообразным птицам, которые несомненно заинтересуют охотников, а также по гагарам, поганкам, буревестникам, пеликанам, аистообразным, журавлям, дрофам и пастушковым.

Второй том представлен многочисленным отрядом ржанкообразных, куда входят кулики, чайки и чистиковые. В этом же томе рассказано о голубях, рябках, кукушках, совах, козодоях, стрижах, удодах и дятлах.

Третья книга полностью посвящена воробьинообразным и вызовет большой интерес у любителей птиц.

Материал для данного атласа кропотливо собирался в течении многих лет сотрудниками Зоологического музея МГУ им. М.В. Ломоносова. Текст определителя написан 14 специалистами-орнитологами, основную работу вели научные редакторы — доктор биологических наук, директор Зоомузея МГУ М.В. Калякин, кандидаты биологических наук О.В. Волцит, Е.А. Коблик, В.В. Морозов, Я.А. Редькин.

К оформлению было подключена большая армия фотографов-натуралистов, составившая 175 фотомастеров. В конце третьего тома приведена фотогалерея портретов всех фотографов, внесших свой вклад в этот уникальный определитель. В итоге был создан орнитологический фотобанк, в который вошли более 20 тысяч фотографий, хранящихся в Зоомузее МГУ. В книге опубликованы фотографии не только лучшие по качеству, но и отображающие птиц в нужном для определения ракурсе. Главная задача, которую ставили создатели трехтомника — помочь в определении птиц любому, кто воспользуется этой книгой, как профессиональному орнитологу, так и охотнику, и начинающему наблюдателю. Как надеются авторы, она станет настольной книгой, базовым пособием по определению птиц Европейской России.

Особую благодарность хочется выразить издательству «Фитон», взявшего на себя труд по выпуску этого прекрасного издания высочайшего полиграфического качества.

Дорогие читатели!

Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство» хочет предложить следующее: публиковать в нашем журнале (бесплатно) коротенькие объявления по вопросам приобретения, обмена и пр. охотничьего оружия, снаряжения или инвентаря, а также приглашения на охоту от охотничьих хозяйств с указанием контактных телефонов или эл. почты.

БЛЮМ А. О журнале читателям	1
ГУРОВ В. Какой дорожкой пойдём?	2
СЕВАСТЬЯНОВ А. Деревья в зеленой дымке	4
МАЛЕЕВ В. Спасибо, Герман!	6
ГОРБУНОВА Е. Поведение обыкновенной лисицы в урбанизированных ландшафтах	10
ДИГИЛЕВИЧ А. На гусиных пролётах	12
МУХАЧЁВ А. Заметки о медведе	14
РЫМИН Н., ЛЮТКИН А. Им и возраст будто не помеха	16
КАЛИНИН М. Как мы барона Ротшильда обстреляли	18
ЦЕЛЫХОВА Е. Русская охотничья кулинария	20
ВАЙСФЕЛЬД М. Славный юбилей — слово о друге	22
ГИБЕТ Л. От Гернгросса до наших дней	24
БЛЮМ А. О патроне 5,6x39	28
Если вы хотите стать охотоведом!	31
ЧЕРНЫШЁВ В. Ещё одна жизнь	32
ПАНКРАТОВ В. Волшебные краски охоты	38
Факультет охотоведения и биозологии РГАЗУ объявляет прием	42
ЦЕЛЫХОВА Е. Словарь русского охотничьего языка	43
ПУЧКОВСКИЙ С. Конференция в Индии	44
АГАПИТОВ Г. Первомайская «демонстрация»	46
ФОКИН С. Уникальный определить птиц	47
ШИШКИН В. Погоньши и султанка	48

На первой странице обложки:
Если гусь — король весенней охоты, то глухарь, безусловно, — царь

Фото А. Дигилевича

На второй странице обложки:
Всегда и во все времена собака — главный помощник охотника

Фото А. Дигилевича

На четвертой странице обложки:
Долотов Г. В. — большой любитель гусиной охоты

Фото А. Дигилевича

Генеральный директор Т.А. Волжина
Главный редактор А.М. Блюм

Редакционная коллегия:
М.В. Булгаков, Л.А. Гибет, И.А. Домский, А.А. Данилкин, А.П. Каледин, А.М. Лаврова, В.К. Мельников, В.Г. Сафонов, К.П. Савельева, А.А. Севастьянов, Е.К. Целыхова, В.Б. Чернышёв, В.С. Шишкин

Главный бухгалтер **Н.М. Видулина**
Зав. отделом писем **И.И. Полосухина**
Художественный редактор **М.Л. Кнерцер**
Оператор компьютера **Н.В. Девиз**
Корректор **З.М. Данилова**
Фотокорреспондент **А.Ф. Дигилевич**

Сдано в набор 07.03. 2013 г. Подписано к печати 02.04.2013 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 28 000 экз. Заказ 893.
Цена — по каталогу Роспечати

Адрес редакции: 101990, Москва, Милютинский переулок, д. 18А, офис 13
Тел.: (495) 628-25-57
Электронная почта ohot.ohothoz@mail.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Чеховская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpk.ru. 8(495)988-63-87
В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

ПОГОНЬШИ И СУЛТАНКА

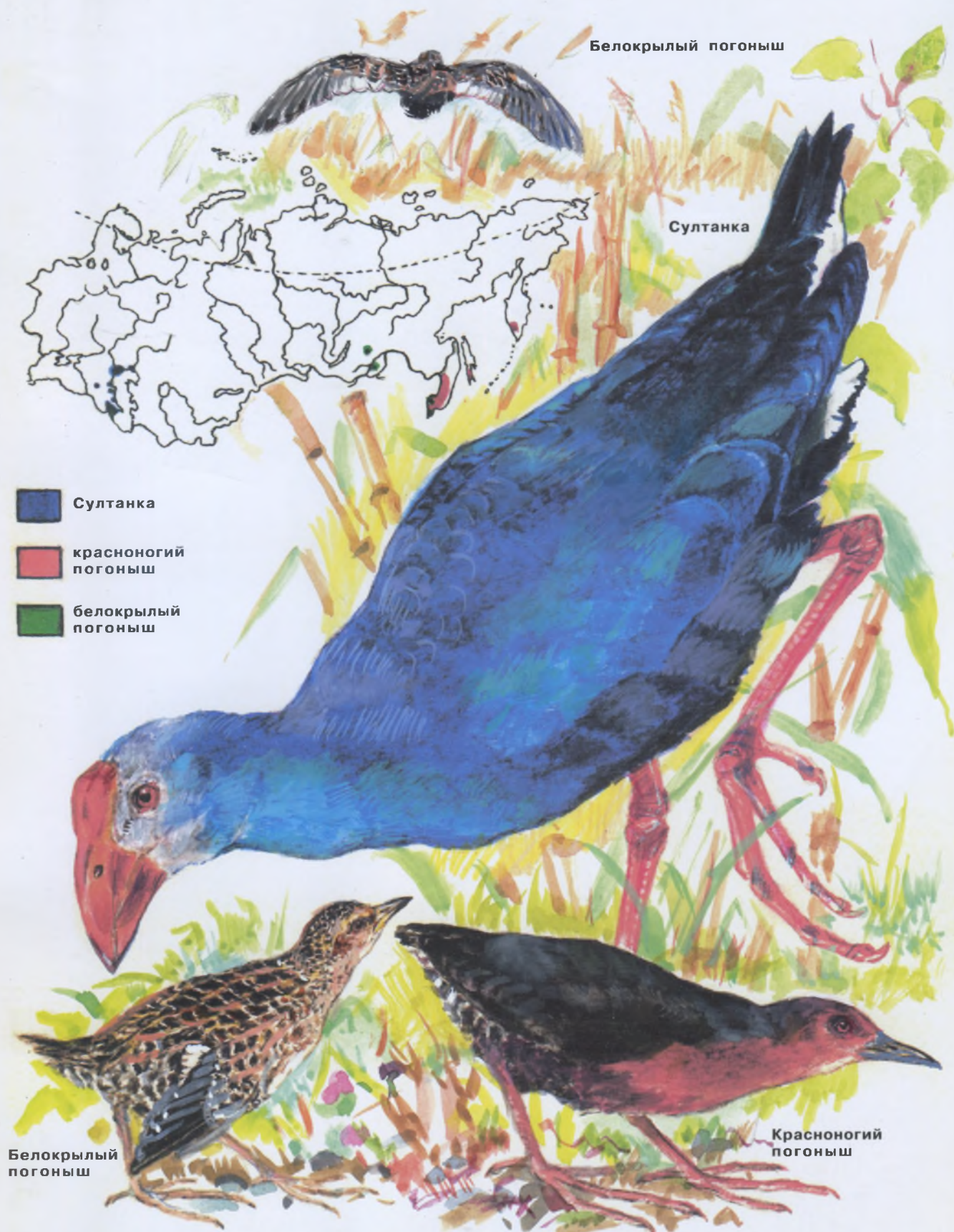
В Приморье, на Сахалине, на юге Камчатки у нас встречается и спорадично гнездится **красноногий погоньш**. Основной ареал этого вида простирается от Индостана до восточного Китая, от Японии до Индонезии. Красноногую легко спутать с большим погоньшем (см. № 4), таким же обитателем Приморья. Окраска передней части головы, шеи, зоба и груди у красноногого погоньша более насыщенно красная. Верх темнее. Белых полосок на крыле практически нет. Полосы на боках уже и обычно не заходят вперед дальше голени. Этот погоньш крайне скрытен. Взлетает практически из-под ног и, отлетев на 10 м, падает в траву. В брачный период можно услышать его голос — учащающуюся металлическую стукотню — «тевк-тевк-тевк...» Сроки прилета в Приморье и отлета на зимовку не установлены. Кладки, вероятно, в мае—июле. Гнезда на осокловых куртинах иногда подвешены над водой. В кладке 4—9 яиц с буроватым крапом, сгущающимся к тупому концу. Насиживают оба родителя. Сроки инкубации яиц, порядок вылупления, время подъема на крыло молодых неизвестны. Рацион состоит из мелких насекомых, беспозвоночных, семян и побегов болотных растений. Основные факторы снижения численности — разрушение водно-болотных биотопов, хищническое любительское коллекционирование. Численность в России неизвестна.

Еще загадочным остается образ жизни **белокрылого погоньша**, также встречающегося у нас на Дальнем Востоке, а еще в Забайкалье (Даурия). Самый мелкий из наших пастушковых (длина 12—13 см, вес 40 г) окрашен весьма своеобразно: на спине коричневатые-черные квадратные пятна прерываются тонкими белыми поперечными полосками, а с боков имеют золотистую оторочку, сливающуюся в продольные полосы. Концевые части наружных опахал второстепенных маховых белые. Радужина бурая. Основание подклювья желтоватое. Ноги светло-бурые. Мнения о статусе белокрылого погоньша разделились. Большинство орнитологов считают эту птицу отдельным видом, другие — лишь подвигом широко распространенного в Северной Америке желтого погоньша. В России найдены только две кладки, обе в XIX веке. В гнезде 8—10 яиц. По темно-желтому фону красновато-бурые пятна, сгущающиеся к тупому концу.

Сведения о **султанке** (султанской курице, голубом кашкалдаке) известны со времен античности. В Древнем Риме, например, султанка не входила в широкий спектр видов птиц, употреблявшихся в пищу. Ее держали на виллах как символ красоты и благородства. Крупные размеры (длина до 50 см, вес до 1,3 кг, размах крыльев до 85 см), яркая окраска султанок (общий тон оперения варьирует от бирюзово-лиловых до сероватых и почти черных тонов, клюв, лобная бляшка, ноги красные, подхвостье белое) привлекала браконьеров (в ряде мест султанки даже входили в список охотничьих видов). Сейчас главные враги султанок — камышовый кот, серая ворона, холодные зимы. Из более 20 подвигов у нас встречается один — каспийская или сероголовая султанка. Она распространена по побережью Каспийского моря, в Азербайджане, Дагестане, в дельте Волги. Численность резко колеблется по годам, не превышая в России 200—250 пар. На большей части ареала оседлы. Моногамны, территориальны. Гнезда в глухих плавнях на заламах тростника, иногда на кустах. Вокальный репертуар состоит из цирканья, гортанных и стонущих звуков. В кладке 3—7 яиц розовато-охристых с буровато-коричневым крапом. Насиживание 3,5 недели. Птенцы покрыты черным пухом, окраска молодых тускло-серая с беловатым брюхом. Активность круглосуточная с пиком в ночное время. В питании преобладают растительные корма (побеги тростника, проростки, корневища и семена различных злаков и т.п.). Не избегает и животных кормов (беспозвоночные, мелкие позвоночные, мясо павших зверей). Хорошо содержится в неволе (размножается в группах).

Все три рассмотренных вида внесены в Красную книгу России как редкие и нуждающиеся в специальных мерах охраны. Любые сведения о находках этих птиц, их гнезд и птенцов представляют исключительный интерес.

В. ШИШКИН

Индекс: 70673 — на полгода, 72376 — на год

SN 0131-2596. Охота и охотничье хозяйство, 2013. № 5. 1-48.